

М.С.АЛЬПЕРОВИЧ

РОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИИ НАУК СССР

Серия «Страны и народы»

М. С. АЛЬПЕРОВИЧ

**РОЖДЕНИЕ
МЕКСИКАНСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1979

Альперович М. С. Рождение Мексиканского государства. М.: Наука, 1979. 168 с., ил., 0,5 л. ил. (Серия «Страны и народы»).

В книге рассказывается о борьбе мексиканского народа за национальную независимость в начале прошлого столетия, о деятельности возглавлявших ее революционеров Идальго и Морелоса, о победе патриотов, добившихся изгнания колонизаторов и провозглашения независимой Мексики.

М. С. Альперович — доктор исторических наук, специалист по новой истории стран Латинской Америки. Автор книг «Освободительное движение конца XVIII — начала XIX в. в Латинской Америке» (М., 1966), «Советская историография стран Латинской Америки» (М., 1968), «Испанская Америка в борьбе за независимость» (М., 1971), «Революция и диктатура в Парагвае» (М., 1975) и ряда других.

5.4

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. И. КОВАЛЬ

На первой странице обложки —
гравюра мексиканского художника-графика
Хосе Гуадалупе Посады «Клич Долорес»

В ночь с 15 на 16 сентября на центральном балконе Национального дворца в Мехико, где находится официальная резиденция главы государства, появляется президент республики с трехцветной лентой через плечо и ударяет в старинный колокол, висевший когда-то в церкви небольшого городка Долорес (ныне Долорес-Идальго). Вслед за тем, обращаясь к многотысячной праздничной толпе, заполняющей обширную Пласа де ла Конститусьон, он громко восклицает: «Да здравствует независимость! Да здравствует Мексика!». Одновременно взвывается вверх государственный зелено-бело-красный флаг.

Этот день мексиканский конгресс в 1824 г. постановил объявить национальным праздником. Начиная со следующего года, празднование стало проводиться в общегосударственном масштабе.

Первым президентом Мексики, который принял непосредственное личное участие в торжествах (тем самым положив начало традиции, сохраняющейся до настоящего времени), был выдающийся государственный деятель Бенито Хуарес, возглавивший в 1862—1867 гг. вооруженную борьбу против французских интервентов. В последние годы прошлого столетия правительство распорядилось перевезти колокол из Долорес в столицу. Тогда окончательно и сложилась описанная выше церемония.

Повторяемая по установившейся традиции ежегодно, она символизирует события, годовщину которых мексиканцы торжественно отмечают вот уже более полутора столетий.

ВИЦЕ-КОРОЛЕВСТВО НОВАЯ ИСПАНИЯ

Колыбель древних культур майя, ацтеков, тольтеков, ольмеков, сапотек, тарасков — Мексика в XVI в. была завоевана испанскими конкистадорами, насильственно прервавшими самообытный процесс развития индейских народов.

Барварски разрушая сложившиеся там цивилизации, европейские завоеватели захватывали земли, грабили, порабощали или истребляли коренных обитателей, жестоко подавляли всякую попытку сопротивления. Массовая гибель индейцев, непосильный труд на плантациях и рудниках, систематическое недоедание, частые эпидемии чумы, оспы, тифа и других болезней, занесенных из Европы, Африки и Азии, резкое падение рождаемости и рост детской смертности привели к катастрофическому сокращению числа аборигенов.

К. Маркс, говоря об эпохе колонизации Нового Света, характеризовал Мексику как одну из «обреченных на разграбление богатых и густо населенных» стран, где «обращение с туземцами было... всего ужаснее»¹. Если индейское население Центральной Мексики к 1519 г. составляло около 25 млн. человек², то к 1548 г. — уже 6,4 млн., к концу 60-х годов XVI в. — около 2,6 млн., а в начале XVII в. немногим более миллиона³.

Открытие и колонизация Мексики, имевшие столь губительные последствия для ее народов, объективно способствовали, однако, складыванию в этой стране, где ранее безраздельно господствовали дофеодалные отношения, исторически более прогрессивной социально-экономической формации. Возникли предпосылки постепенного вовлечения Северной и Центральной Америки в орбиту капиталистического развития и включения их в систему формировавшегося всемирного рынка. Но самих колонизаторов меньше всего волновали идеи общественного прогресса. Заботясь лишь о собственной выгоде, они расхи-

щали природные богатства Мексики, беспощадно эксплуатировали народные массы, зверски расправлялись с теми, кто проявлял малейшее недовольство, установили режим, тормозивший рост производительных сил колонии в угоду интересам метрополии.

Испанские владения в Северной и частично Центральной Америке (Табаско, Юкатан) составляли вице-королевство Новая Испания (образованное в 1535 г.). К началу XIX в. в него входили вся современная Мексика (за исключением Чьяпаса) и южная часть нынешней территории США (штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада, Юта, часть Колорадо и Вайоминга). Высшую гражданскую и военную власть осуществлял вице-король, подотчетный лишь королевскому правительству и Верховному совету по делам Индий в Мадриде.

В 1786 г. часть провинций Новой Испании была преобразована в 12 интенданств во главе с интендантами, выполнявшими административные, судебные и военные функции, ведавшими сбором налогов и деятельностью муниципалитетов провинциальных центров. Семь северных провинций объединялись в два военных округа: западный и восточный. Они возглавлялись командующими, подчиненными вице-королю. Кроме того, три провинции сохранили свой прежний статус. Городами и сельскими округами управляли коррехидоры и старшие алькальды, которым были подвластны выборные старосты индейских селений.

В столице вице-королевства Мехико и в Гвадалахаре, политическом и административном центре одноименного интенданства (за которым долго сохранялось прежнее название этой провинции — Новая Галисия), имелись специальные коллегии — аудиенсии. Они выполняли главным образом судебные функции, а также наблюдали за работой правительственного аппарата. Аудиенсия Мехико являлась совещательным органом при вице-короле. Ее юрисдикция распространялась на южную часть вице-королевства, а юрисдикция аудиенсии Гвадалахары — на северные районы. В городах существовали местные советы (кабильдо, или аюнтамьенто), члены которых номинально избирались домовладельцами, фактически же эти должности стали со временем пожизненными и наследственными, а иногда даже покупались. Деятельность городских муниципалитетов, занимавшихся вопросами

благоустройства, финансами, разбором уголовных и гражданских дел, контролировалась колониальной администрацией.

Подавляющее большинство шестимиллионного населения Новой Испании составляли ее уроженцы, причем около 40% — индейцы. Резкое сокращение их численности в течение первого столетия после начала конкисты вынудило колонизаторов, нуждавшихся в рабочей силе и налогоплательщиках, перейти от прямого ограбления и истребления коренных жителей к более организованной эксплуатации, принявшей в основном феодализированную форму. В результате изменения условий жизни аборигенного населения со второй половины XVII в. начался его медленный прирост, и к началу XIX в. количество индейцев достигло 2,3—2,4 млн. человек⁴. Многие из них жили общинами, за которыми испанское законодательство признавало право владения землей, запрещая ее отчуждение без санкции властей. Тем не менее испанцы, прибегая к различным ухищрениям, захватывали общинные земли, а впоследствии юридически оформляли свои действия.

На протяжении большей части колониального периода индейцы считались лично свободными. Их труд по закону подлежал оплате и не должен был быть чрезмерно тяжелым. Однако фактически они работали бесплатно или за жалкие гроши и неограниченное время, не имели совершенно никаких прав и полностью зависели от произвола королевских чиновников, помещиков, церкви. Индейцам разрешалось постоянно находиться только в своих селениях или специальных кварталах городов, и они не могли сами менять место жительства. Им был, как правило, закрыт доступ в большинство ремесленных цехов; в тех же немногих, куда их допускали, они обычно выполняли самую черную и тяжелую подсобную работу.

С начала XVII в. над индейцами тяготела принудительная трудовая повинность (репартимьенто, или куа-текиль), предусматривавшая выделение властями определенного числа мужчин в возрасте с 15 до 60 лет для работы на рудниках, промышленных предприятиях и плантациях, ухода за скотом, строительства зданий, мостов, дорог и т. д. С индейцев взималась подушная подать — трибуто, которую на рубеже XVIII и XIX вв.

платили один раз в год в размере двух песо⁵ все женатые мужчины от 18 до 50 лет, за исключением касиков (наследственных старейшин), старост селений и других должностных лиц. Холостяки и одинокие женщины облагались податью в половинном размере. Однако на деле эти положения постоянно нарушались. Пользуясь тем, что местные власти часто не выдавали квитанций об уплате подати, сборщики задерживали на дорогах индейцев, направлявшихся в ближайший город, и вторично требовали у них денег.

Большинство коренного населения было прикреплено к крупным поместьям — асьендам, где они являлись основной рабочей силой. Тем индейцам, которые оказались согнанными со своих земель, приходилось наниматься к помещикам в качестве батраков-поденщиков. Тем, кому наделы оставались на правах «аренды», за пользование землей приходилось работать на ее нового владельца и отдавать ему часть урожая. И в том и в другом случае индейцы попадали в кабальную зависимость. Многие из них превратились со временем в наследственных долговых рабов — пеонов. *«Пеонаж»*, — писал К. Маркс, — это ссуда денег в счет будущей работы. Подобные ссуды приводят к тому же, что и обыкновенное ростовщичество. Работник не только всю свою жизнь остается должником кредитора, следовательно, принудительно работает на него, но эта зависимость переходит по наследству на его семью и на следующее поколение, делая их фактически *собственностью кредитора»*⁶.

Система долговой кабалы практиковалась не только в сельском хозяйстве, но также на рудниках и мануфактурах, владельцы которых, уплатив за индейцев подушную подать или выдав им небольшой денежный аванс либо ссуду одеждой и продуктами питания, заставляли их для погашения неуклонно возрастающей задолженности работать на самых тяжелых условиях.

На плантациях сахарного тростника и других тропических культур, в горнодобывающей промышленности, на мануфактурах, в качестве домашней прислуги трудились также негры, которых стали ввозить в Новую Испанию главным образом из Западной Африки с середины XVI в. в связи с нехваткой рабочих рук. Но вследствие высокой смертности и постепенного уменьшения, а затем и полного прекращения их ввоза в результате начавшегося

прироста индейского населения численность негров к началу XIX в. (1810) не превышала 10 тыс. человек⁷. В большинстве своем они являлись рабами, но и те немногие, которые считались свободными, по своему положению фактически не отличались от рабов, и на них даже юридически не распространялись законы, изданные «в защиту» индейцев. Однако подобно последним свободные негры должны были платить подушную подать.

Помимо индейцев и негров, в Новой Испании существовала большая группа населения европейского происхождения. Привилегированную верхушку колониального общества составляли уроженцы метрополии, которых местные жители презрительно называли гачупинами (по-испански «люди со шпорами»). Их насчитывалось в начале XIX в. около 15 тыс. Преимущественно представители родовитого дворянства, а также богатые купцы, которые вели оптовую торговлю, они захватили почти все высшие административные, военные и церковные посты. Среди них были крупные помещики и владельцы рудников. Испанцы кичились своим происхождением и рассматривали себя как высшую расу по сравнению не только с индейцами и неграми, но даже и с родившимися в колонии потомками своих соотечественников — креолами.

Численность креолов равнялась примерно 1,1 млн. человек⁸. Из их среды вышла большая часть помещиков. Креолы пополняли также ряды колониальной интеллигенции, занимали должности в среднем и низшем звене административного аппарата, церкви и армии. Сравнительно немногие из них посвятили себя торгово-промышленной деятельности, но им принадлежало большинство рудников и промышленных предприятий. Среди креольского населения были также мелкие землевладельцы, ремесленники, хозяева небольших мастерских, лавочники, горнорабочие.

Обладая номинально равными правами с «европейскими испанцами», креолы на деле подвергались жесткой дискриминации и лишь в порядке исключения назначались на высокие посты. Так, за весь колониальный период из 61 вице-короля только 3, а из 171 епископа только 41 были креолами. Креолы, в свою очередь, с презрением относились к индейцам и вообще «цветным», которых третировали как представителей низшей расы.

Они гордились мнимой чистотой своей крови, хотя на самом деле в жилах большинства из них текла в той или иной пропорции индейская либо негритянская кровь.

В ходе колонизации происходил процесс смешения европейцев, индейцев, негров. Вследствие этого население Новой Испании по своему этническому составу было крайне неоднородным. Наряду с коренными жителями страны — индейцами, неграми и колонистами европейского происхождения имелась весьма многочисленная группа, образовавшаяся в результате смешения белых и индейцев (европейско-индейские метисы), белых и негров (мулаты), индейцев и негров (самбо). Это потомство от смешанных браков (а чаще внебрачного происхождения), которое в колониальную эпоху называли кастас, составляло около 2,4 млн. человек⁹, в действительности же гораздо больше, так как к данной категории следует отнести и многих «креолов», фактически являвшихся метисами или мулатами.

Метисное население было лишено гражданских прав: метисы и мулаты не имели доступа к чиновничьим и офицерским должностям, не могли участвовать в выборах органов самоуправления и т. д. Они занимались ремеслом, розничной торговлей, служили в качестве управляющих и приказчиков у богатых помещиков-креолов, составляли большинство мелких землевладельцев — ранчиро. Некоторые из них были лицами свободных профессий, а к концу колониального периода проникали в ряды низшего духовенства. Часть метисов превратилась в пеоннов, рабочих рудников и мануфактур, деклассированный элемент городов (леперос). В рамках расово-этнической иерархии, установленной колонизаторами, «индометисы» занимали более высокое положение по сравнению не только с индейцами и неграми, но также с мулатами и самбо.

Хозяйственная жизнь Новой Испании полностью определялась интересами метрополии, для которой колония была прежде всего источником снабжения драгоценными металлами. Поэтому их добыча стала важнейшей отраслью мексиканской экономики. Обрабатывающая же промышленность развивалась медленно.

Хотя первые мануфактуры, основанные на ручном труде или применении простейших приспособлений, появились еще в XVI в., преобладали мелкие мастерские

ремесленного типа. Их работники объединялись в цехи, уставы которых строжайшим образом регламентировали объем и технологический процесс производства, число членов цеха, цены на сырье и готовую продукцию, качество, размеры и цвет выпускаемых изделий, запрещали или ограничивали доступ индейцев, негров и прочих «цветных». Стремясь сохранить за метрополией монополию на ввоз товаров, испанские власти не позволяли создавать новые мануфактуры и использовать труд индейцев на уже существующих, а также изготавливать шелковые ткани, водку, вина и ряд других товаров.

Экономическая политика мадридского правительства обусловила и состояние сельского хозяйства колоний. Боясь конкуренции со стороны местной продукции, власти запрещали выращивание в Новой Испании винограда, олив, конопли, льна, разведение шелковичных червей и т. д. Разрешалось разводить лишь такие культуры, которые не произрастали в Испании. Все эти ограничения мешали владельцам крупных поместий, в руках которых находилась большая часть земли, расширять сельскохозяйственное производство.

Внутренняя торговля до начала XIX в. не носила регулярного характера и велась преимущественно на рынках, функционировавших раз в неделю либо раз в месяц, и на ежегодных ярмарках. Ее росту препятствовали государственная монополия на продажу соли, спиртных напитков, пороха, табачных и иных изделий, недостаток и плохое состояние средств сообщения, отсутствие единой системы мер и весов. К тому же покупательная способность основной массы населения, страдавшей от многочисленных поборов, была весьма низкой.

Торговля с иностранными государствами, а до 70-х годов XVIII в. и с другими испанскими колониями (кроме Филиппин) запрещалась. На протяжении большей части колониального периода экономические связи Новой Испании в основном ограничивались торговыми отношениями с метрополией, которые осуществлялись только через Веракрус и один испанский порт — Севилью, а с 1717 г. — Кадис. Все товары облагались высокими таможенными пошлинами. Кроме того, при их продаже и перепродаже взимался особый налог — алькабала, размер которого на протяжении большей части XVII — XVIII в. и в первом десятилетии XIX в. составлял 6% стоимости.

Товары из метрополии и в обратном направлении вплоть до последней четверти XVIII в. перевозились только специальными флотилиями, а с Филиппин в порт Акапулько — так называемым манильским галионом*. Число и тоннаж судов, совершавших трансатлантические рейсы, маршруты движения, ассортимент товаров и стоимость груза, возможный состав пассажиров строго лимитировались. Торговля Новой Испании во многом зависела от существовавших в Мехико, а с конца XVIII в. и в некоторых других городах торговых палат (консуладо), выполнявших в то же время функции купеческих гильдий и коммерческих судов. Консуладо представляли интересы богатого купечества, состоявшего главным образом из уроженцев метрополии¹⁰.

Одним из столпов колониального режима была церковь. Католическая религия являлась мощным средством воздействия на население. Под ее влиянием находилась по существу вся духовная жизнь Новой Испании: церковь ведала учебными заведениями, через инквизицию осуществляла цензуру и т. д. Ей принадлежало к концу XVIII в. более половины всего недвижимого имущества колонии. Церковь владела землей, полученной в дар от короля и знати, по завещаниям и из других источников, имела огромные доходы от ростовщичества, сбора десятины, платы за требы, «добровольных» пожертвований паствы. Но лишь небольшая доля церковных капиталов (около 3 млн. песо), оценивавшихся к началу XIX в. примерно в 44,5 млн., была вложена в недвижимость. В основном же они употреблялись для ипотечных и кредитных операций: денежные ссуды и займы под залог собственности светских землевладельцев, финансирование торговых предприятий, промышленности, сельского хозяйства. Духовенство обладало важными привилегиями: оно не облагалось налогами и пользовалось правом особой юрисдикции по всем судебным делам, касавшимся личности или имущества (фуэро).

Следует, однако, сказать, что богатство и власть находились в руках представителей высшей иерархии,

* Этот корабль почти ежегодно (за редким исключением) выходил в июле — августе с грузом товаров из Манилы и обычно к концу года прибывал в Акапулько, откуда через несколько месяцев отправлялся в обратный рейс.

к которой принадлежали епископы, члены соборных капитулов *, должностные лица инквизиции, настоятели монастырей, главы духовных орденов и т. д. — преимущественно уроженцы метрополии. Большей же части низшего духовенства (состоявшего в основном из креолов и метисов) приходилось довольствоваться скудным жалованьем и весьма скромными даяниями верующих. Если архиепископ Мехико получал в XVIII в. 130 тыс. песо в год, а другие «князья церкви» почти столько же, то годовой оклад многих приходских священников едва достигал 100 песо, что незначительно превышало средний заработок горнорабочего.

Трудящиеся массы колонии, подвергавшиеся жестокой эксплуатации и лишённые элементарных прав, находились в крайне тяжёлом положении. Оно усугублялось дискриминацией населения индейского и африканского происхождения. Эта дискриминация была одним из проявлений испанской колониальной политики, имевшей целью в противовес происходившей этнической интеграции изолировать и противопоставить друг другу уроженцев Испании, креолов, индейцев, негров и метисов. Колонизаторы делили жителей Новой Испании на категории по расовому принципу, причем каждый вариант смешения европейцев, индейцев и негров имел особое название. Расистская подоплека такой системы нашла, в частности, свое выражение в оскорбительных для человеческого достоинства обозначениях, заимствованных из зоологического словаря: лобо (волк), койоте (койот), мулато (напоминающий потомство мула), самбо (порода обезьян), камбухо (конь вороной масти) и т. д. Однако фактически принадлежность к той или иной группе определялась зачастую не только расово-этническими признаками, но и социальными моментами. Так, некоторые состоятельные метисы считались официально креолами, а многие дети индианок и испанцев, жившие в индейских селениях, рассматривались властями как индейцы.

Несмотря на противодействие испанской монархии, длительный процесс смешения различных этнических компонентов сопровождался установлением определенной общности метисного, креольского, негритянского и части индейского населения. Все они говорили на испанском

* Коллегия духовных лиц, состоящих при епископской кафедре.

языке, исповедовали одну и ту же католическую религию. Ранее не связанные между собой территории отдельных племен и народов оказались объединенными в рамках созданного завоевателями вице-королевства, делившегося на интендантства и более мелкие административные единицы. Важное значение имело развитие экономических связей и рыночных отношений. Под влиянием всех этих обстоятельств к началу XIX в. сложились объективные предпосылки становления мексиканской нации. Но созданию условий, необходимых для ее формирования и консолидации, мешал колониальный статус.

Упорная борьба против испанского господства шла начиная с XVI в. В освободительном движении участвовали главным образом независимые индейские племена (сохранившиеся в ряде малодоступных районов, удаленных от основных центров колонизации), крестьянство, городская беднота и другие социальные группы, принадлежавшие к эксплуатируемым низам общества.

Наиболее массовый характер носили частые индейские восстания XVII—XVIII вв. Самыми крупными из них были восстания тепеуанов, тараумара, кончо, тобосо, пима, апачей и других племен на северо-западе Новой Испании, индейцев Оахаки, Новой Мексики, Чьяпаса, Соноры, Калифорнии, Юкатана, выступления горняков Реаль-дель-Монте (1766), населения Сан-Луис-Потоси, Гуанахуато, Мичоакана (1767), Исукара (1781). Значительные городские волнения, в которых индейцы тоже сыграли большую роль, произошли в 1624 и 1692 гг. в Мехико. В течение колониальной эпохи не раз восставали негры-рабы.

Недовольство политикой испанских властей выражали также имущие слои, включая богатых креолов. Но, не решаясь опереться на народные массы, они ориентировались в основном на поддержку враждебных Испании держав, о чем свидетельствуют неоднократные обращения представителей креольской знати к Англии и США во второй половине XVIII в.

Для расправы с антииспанским движением и обороны колонии в случае нападения извне мадридское правительство неуклонно наращивало военный потенциал Новой Испании. Численность вооруженных сил вице-королевства достигла к 1808 г. 40 тыс. человек. Из них около 6 тыс. составляли регулярные войска, а остальные — про-

винциальные ополчения. Высшие командные посты и часть офицерских должностей занимали уроженцы метрополии, тогда как рядовой и сержантский, а в значительной мере и офицерский состав комплектовался преимущественно из мексиканцев *. При этом рядовые ополченцы были в большинстве своем крестьянами и ремесленниками, офицеры же происходили обычно из помещичьей среды.

Восстания XVII—XVIII вв., являвшиеся, как правило, локальными, а в ряде случаев даже племенными выступлениями, носившие стихийный характер, потерпели поражение. Однако они свидетельствовали о растущем сопротивлении населения Новой Испании политике колонизаторов. Оно вылилось в начале XIX в. в мощное освободительное движение, подъем которого обуславливался воздействием ряда важных социально-экономических и политических факторов.

* * *

Многочисленные запреты и ограничения, тормозившие экономическое развитие страны, все же не могли совершенно приостановить его. На рубеже XVIII и XIX вв. в Новой Испании наблюдался известный рост мануфактурного и ремесленного производства, торговли, сельского хозяйства.

Стоимость годовой продукции горнодобывающей промышленности, где трудились около 45 тыс. человек, достигла к началу прошлого столетия почти 28 млн. песо (немногим уступая общей стоимости продукции земледелия и скотоводства, составлявшей тогда в среднем 29 млн. песо в год). Из этой суммы приблизительно 27 млн. приходилось на долю благородных металлов, добыча которых увеличилась по сравнению с 1740 г. втрое. В Новой Испании добывалось в то время серебра в 10 раз больше, чем на всех рудниках Европы, а ежегодный вывоз его составлял две трети всего мирового производства. Монетный двор Мехико являлся крупнейшим в мире.

* Термин «мексиканцы» употребляется здесь и ниже для обозначения всех жителей колонии, родившихся в Новой Испании. В этом смысле им пользовались еще некоторые авторы второй половины XVIII в., например изгнанные из Америки историки-иезуиты Франсиско Хавьер Клавихеро и Андрес Кабо.

В таких центрах обрабатывающей промышленности, как Мехико, Гвадалахара, Пуэбла, Керетаро, Вальядолид, Оахака и других, изготавливались хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, одеяла, шляпы, посуда, мыло, свечное сало и т. д. В конце XVIII в. не менее половины жителей Пуэблы (в 1793 г. их насчитывалось около 52 тыс.) было занято в прядильном и ткацком производстве. В Оахаке число ткацких станков за 1793—1796 гг. увеличилось с 500 до 800¹¹. В отличие от деревенского ремесла индейских селений, основанного на примитивной технике, городские предприятия имели обычно более современное оборудование, хотя и отставали в этом отношении от мануфактур передовых стран Европы и США.

Положение и условия труда рабочих были крайне тяжелыми. На мануфактурах царили порядки, напоминавшие тюремные. Рабочих запирали в темных, тесных и грязных помещениях, которые им запрещалось покидать. За малейший проступок или нарушение установленных правил виновные подвергались суровому наказанию. Мизерная заработная плата выдавалась не деньгами, а продовольствием, водкой, одеждой. Юридически свободные, рабочие фактически являлись неоплатными должниками владельца предприятия и полностью зависели от него. Рядом с ними работали заключенные, направлявшиеся для отбытия наказания по приговору судьи или решению колониальной администрации.

Открытие в 1765—1778 гг., помимо Кадиса и Севильи, еще девяти испанских портов для торговли с Америкой и в последующем (до 1810 г.) ряда мексиканских портов, кроме Веракруса и Акапулько, а также разрешение американским колониям Испании торговать между собой (1774), наряду с отказом от системы флотилий, упразднением некоторых пошлин и уменьшением размеров других, способствовали оживлению торговли.

Если в течение 12 лет, с 1728 по 1739 г., Веракрус посетили 222 корабля, то за такой же промежуток времени в 1784—1795 гг. их прибыло туда 1142, т. е. в пять с лишним раз больше. Стоимость ввезенных товаров, за период с 1765 по 1777 г. составившая 131,1 млн. песо, в 1778—1790 гг. достигла 233,3 млн.¹² В 1800—1810 гг. Веракрус принимал в среднем по 173 торговых судна в год, тогда как для предшествующего десятилетия средняя

цифра не превышала 99. Хотя частые в конце XVIII — начале XIX в. англо-испанские войны (1779—1782, 1796—1801, 1804—1808) сопровождались сокращением торговли, в мирные годы ее объем опять увеличивался. Так, в 1802—1804 гг. средняя стоимость импорта, поступавшего в Веракрус, составляла 19,5 млн. песо в год¹³. Заметно вырос, в частности, товарооборот между Новой Испанией и другими испанскими колониями.

Из-за неспособности отсталой промышленности метрополии удовлетворить растущие потребности колонии значительное развитие получила контрабандная торговля последней с иностранными купцами. В течение длительного времени первое место в этой торговле занимали англичане. Однако в годы англо-испанских войн объем ее сократился. Поскольку коммуникации Испании с американскими владениями были нарушены, мадридское правительство в этот период неоднократно разрешало заходить в колониальные порты торговым судам из Франции — союзницы Испании — и нейтральных государств.

С конца 90-х годов Веракрус стали посещать североамериканские корабли. Из 30 иностранных судов, бросивших там якорь в первой половине 1799 г., 25 следовали из США, а в 1807 г. их число достигло 50¹⁴.

Смягчение торгового режима стимулировало активизацию торговли, что, в свою очередь, благоприятствовало росту промышленности и товарности сельского хозяйства (выделка кож, разведение кошенили, выращивание сахарного тростника, хлопчатника, табака, ванили, изготовление алкогольного напитка пульке). Вывоз кошенили в 1798 г. увеличился по сравнению с 1796 г. вдвое, а к 1799 г. более чем в шесть с половиной раз. В связи с повышением спроса на сырье со стороны текстильных мануфактур производство хлопка возросло за последнее 20-летие XVIII в. в несколько раз, причем львиная доля его оставалась в стране¹⁵.

Развитие сельского хозяйства происходило крайне неравномерно, отличаясь существенными региональными особенностями. Наиболее значительным и быстрым оно было в интенданствах Гуанахуато, Гвадалахара, Мичоакан, которые не только обеспечивали продуктами питания собственное население, но и снабжали ими другие районы. Из северных животноводческих провинций (Дуранго, Новая Мексика, Нуэво-Леон, Коауила, Техас и др.) выво-

зились скот, кожи, шерсть, солонина. Земледелие же в центре и на юге вице-королевства (Мехико, Пуэбла, Веракрус, Оахака, Юкатан) развивалось не такими темпами, и лишь небольшая часть продукции продавалась за пределами этой зоны.

Либерализация торгового режима подрывала монополию крупных купцов-оптовиков и ставила их перед угрозой европейской конкуренции. В связи с этим некоторые из них изымали свои капиталы из сферы торговли и вкладывали их в более «надежные» отрасли экономики — горнодобывающую промышленность или сельское хозяйство. Пользуясь благоприятной ситуацией, торговлей занялся ряд лиц, в прошлом вообще не имевших к ней доступа. Эти новые купцы, вынужденные в отличие от прежних — монополистов — очень чутко реагировать на любые изменения рыночной конъюнктуры, учитывать вкусы и желания потребителей, проявляли гораздо большую активность и предприимчивость. Таким образом оживление коснулось всех областей экономической жизни колонии.

Постепенно расширялась сфера применения наемного труда. Хотя мануфактуры и рудники Новой Испании начала XIX в. существовали в обществе, не пережившем еще промышленную революцию, и базировались в основном на системе принудительного труда (поэтому их вряд ли можно рассматривать как предприятия чисто капиталистического типа¹⁶), значительная часть персонала номинально уже считалась наемными рабочими.

На рудниках наряду с индейцами, набранными на основе репартимьенто и выполнявшими главным образом подсобные функции, трудилось немало горнорабочих, принадлежавших к разным этническим группам, которые располагали известной свободой передвижения и могли менять место работы. По мере экспроприации крестьянских земель и пауперизации неимущего населения городов предложение рабочей силы возрастало, в связи с чем пеонаж в горнодобывающей промышленности исподволь вытеснялся вольнонаемным трудом. Например, на рудниках Гуанахуато, дававших в конце XVIII в. шестую часть всей добычи золота и серебра в Америке, число индейцев, направленных туда принудительно, было невелико: в 1792 г. из 4659 занятых там горняков большинство (4536) составляли креолы, метисы и мулаты¹⁷.

Что касается мануфактур, то индейцы, время от времени в порядке репартиментов посылавшиеся на короткий срок в распоряжение предпринимателей, естественно, не обладали нужной квалификацией и не успевали приобрести ее. Поэтому они использовались только для работы, не требовавшей специальных производственных навыков. Более или менее постоянные кадры рабочих рекрутировались из людей, приговоренных к каторжным работам, либо к уплате денежного штрафа, вносившегося хозяином мануфактуры. Однако промышленные предприятия не могли нормально функционировать только за счет эксплуатации труда заключенных. В поисках дополнительного контингента рабочей силы владельцы мануфактур иногда нанимали индейцев, метисов, бедняков-креолов. Условия найма фиксировались в особых контрактах, устанавливавших размер заработной платы, продолжительность рабочего дня и т. д. Но практически за их соблюдением никто не следил, и многие работники попадали в долговую кабалу к нанимателю.

Хотя, как правильно отмечают мексиканские исследователи, в Новой Испании, включая XVIII в., преобладали докапиталистические уклады, экономические сдвиги, экспроприация непосредственных производителей-индейцев, применение наемного труда и другие факторы способствовали возникновению зачатков капитализма¹⁸. Но их росту препятствовал колониальный режим, являвшийся тормозом для дальнейшего прогресса страны.

Мадридское правительство, исходя из интересов метрополии, продолжало проводить политику, сдерживавшую развитие экономики колонии. К началу XIX в. запреты, довлевшие над ее промышленностью и сельским хозяйством, оставались в силе. В связи с крайне невыгодным для вице-королевства балансом внешней торговли (неэквивалентный обмен мексиканского серебра на гораздо более дешевые иностранные товары) возможности капиталовложений в промышленность были весьма ограничены. Торговые сношения с иностранными государствами по-прежнему официально не разрешались. Торговля же с другими испанскими колониями в Америке строго регламентировалась и сводилась к минимуму, составляя незначительную долю всего внешнеторгового оборота Новой Испании.

Привычный ритм хозяйственной жизни нарушали эко-

номические кризисы, происходившие каждое десятилетие. Они возникали обычно в связи с нехваткой и подорожанием кукурузы — основного продукта питания большинства населения.

Вследствие недостатка кормов начинался падеж скота. В результате вслед за ростом цен на кукурузу быстро повышались цены на мясо, а затем и на прочие продовольственные товары. Пользуясь благоприятной для спекуляции конъюнктурой, крупные помещики продавали зерно втридорога. Что же касается мелких и средних землевладельцев, то их небольшие запасы вскоре истощались. Многим из них приходилось распродавать свое имущество и искать работу в городах либо бродяжничать. Но поскольку рудники и мануфактуры в условиях кризиса сокращали объем производства, а некоторые совсем закрывались, бежавшие из деревни люди лишь пополняли ряды городской бедноты, обреченной на самое жалкое существование или даже голодную смерть.

Тяжелым бременем являлись для жителей колонии многочисленные налоги. Подушная подать, десятина, алькабала, всевозможные поборы значительно уменьшали покупательную способность населения, что сильно тормозило рост внутреннего рынка. Экономическому развитию препятствовали высокие таможенные пошлины, государственные монополии, обязательные отчисления в казну десятой доли добываемых благородных металлов.

Широкое распространение пеонажа и других докапиталистических форм эксплуатации мешало повышению производительности труда. Фактическое прикрепление большинства индейцев к земле, их зависимость от помещиков и колониальных властей ставили в затруднительное положение владельцев рудников и мануфактур, нуждавшихся в рабочей силе.

Лишь небольшая часть доходов, поступавших в казначейство Новой Испании, расходовалась на развитие ее производительных сил, образование, здравоохранение и прочие местные нужды. Зато огромные средства шли на содержание административного аппарата, армии, духовенства. Львиная доля денежных поступлений отправлялась в метрополию. В 1809 г. почти 60% всех доходов колонии получила королевская казна, а из остальных 6,1 млн. песо только 400 тыс. были истрачены на нужды населения. В то же время свыше двух третей этой сум-

мы поглотили военно-административные расходы, жалование чиновников и духовенства¹⁹.

Больше всего страдали от колониального гнета индейцы — крестьяне, рабочие рудников и мануфактур, лишённые всяких прав и подвергавшиеся жестокой эксплуатации. Тяжесть гнета испытывали и другие группы трудящегося населения: мелкие землевладельцы, ремесленники, городская беднота. Вместе с тем экономическая политика метрополии, дискриминация и политическое бесправие вызывали сильное недовольство креольских помещиков, владельцев рудников и промышленных предприятий, купцов, колониальной интеллигенции, вышедшей в большинстве своем из помещичье-буржуазной среды (в условиях колониального режима процесс формирования буржуазии шел чрезвычайно медленно: не обладая достаточной экономической мощностью и независимостью, буржуазные элементы не могли выступать самостоятельно).

К числу недовольных принадлежала и большая часть духовенства. Начиная с правления Карла III (1759—1788) испанское правительство, стремясь укрепить экономические и политические позиции государства, пыталось урезать привилегии церкви. Королевский указ 1795 г. предусматривал в случае серьезных уголовных преступлений, совершенных духовными лицами, совместное разбирательство дела церковными и светскими судьями. От подобного ограничения судебного иммунитета страдали прежде всего рядовые священники и монахи, ибо едва ли епископу, канонику или другому прелату, обвиненному в тяжком преступлении, реально грозили арест и суд. Вместе с тем всякое нарушение феуэро наносило удар по корпоративному престижу духовного сословия, основанному на его особых правах.

* * *

Наряду с теми причинами, о которых говорилось выше, рост оппозиционных настроений был обусловлен и обстоятельствами внешнего порядка. Борьба английских колоний в Северной Америке за независимость, Великая французская революция, проникновение в Латинскую Америку прогрессивных идей благоприятствовали развитию антиколониальных тенденций в Новой Испании. Большое влияние на мировоззрение передовой части мексиканского общества оказали взгляды французских про-

светителей и других европейских мыслителей. Во второй половине XVIII в. в стране пользовались популярностью сочинения Вольтера, Руссо, Монтескье, Рейналя, Ламетри, Д'Аламбера, Декарта, Лейбница, Мабли, Локка, Адама Смита, Кондильяка и др. Но внешние факторы лишь стимулировали процессы, происходившие в колонии, где уже давно зрели идеологические предпосылки освободительного движения.

В последней трети XVIII в. в общественной мысли Новой Испании возникло течение, виднейшими представителями которого были философы-просветители Хосе Игнасио Бартолаче, Хосе Антонио Альсате, Хуан Бенито Диас де Гамарра-и-Давалос. Их произведения, направленные против официальной схоластики и содержавшие критику колониального режима, отражали новые веяния, связанные с пробуждением национального самосознания. Они употребляли термины и выражения «нация», «родина», «наша нация», «наша Америка», «мы, американцы», а в 1788 г. на страницах издававшейся в Мехико «Гасета де литература» появилась даже формула «наша испано-американская нация». Воззрения этих выдающихся ученых-гуманистов являлись идейным выражением стремления широких слоев мексиканского общества к освобождению от испанского владычества.

На рубеже XVIII и XIX вв. сторонники независимости активизировались. Этому в немалой степени способствовали революционные события в различных районах Латинской Америки: грандиозное восстание Тупак Амару, охватившее в начале 80-х годов значительную часть Южной Америки, движение комунерос Новой Гранады, «заговор трех Антонио» в Чили, заговор Тирадентиса в Бразилии, революция негров-рабов Сан-Доминго.

В 1794 г. в Мехико возник заговор против колониальных властей, во главе которого стоял корабельный казначей Хуан Герреро. В 1799 г. мелкий торговец Педро де ла Портилья и его друзья, вооруженные в основном мачете (ножами для рубки сахарного тростника), организовали в столице заговор («заговор мачете») с целью свергнуть вице-короля и провозгласить независимость от Испании. Продолжались и выступления индейского крестьянства. Одно из наиболее крупных (1800—1801) зародилось в районе Тепик, а в дальнейшем распространилось и на другие области интендантства Гвадалахара.

Антииспанские настроения усилились в начале XIX в., когда экономическое и политическое положение Новой Испании существенно ухудшилось. Это было прежде всего вызвано участием метрополии в разорительных для нее войнах с Францией и Англией.

Торговля колонии с Испанией резко сократилась, а уничтожение испанского флота при Трафальгаре и в дальнейшем английская блокада окончательно подорвали ее. Среди различных слоев населения росло недовольство в связи с тем, что испанская монархия в поисках средств для покрытия огромных военных расходов увеличивала налоги и пыталась изыскивать всякие иные методы пополнения казны, затрагивая порой даже интересы привилегированной колониальной верхушки.

Так, 26 декабря 1804 г. Карл IV издал указ об отчуждении недвижимого имущества и капиталов благотворительных учреждений, через которые церковь проводила ипотечные и кредитные операции. Поскольку церковные займы являлись важным источником финансирования сельского хозяйства, промышленности и торговли, указ вызвал резкий протест со стороны не только духовенства, но и многих светских землевладельцев, горнопромышленников, купцов²⁰.

Непосредственным толчком к подъему освободительного движения в Новой Испании, как и в других испанских колониях, послужили события 1808 г. в метрополии. В марте этого года французские войска вторглись в Испанию. Пассивность правящей клики вызвала взрыв народного возмущения. В стране началась революция, и Карл IV вынужден был 19 марта отречься от престола; королем стал его сын Фердинанд VII. Но под давлением Наполеона, обманным путем завлекшего всю королевскую семью на территорию Франции, Фердинанду пришлось уже 10 мая отказаться от своих прав. Меньше чем через месяц королем Испании был объявлен брат императора Жозеф Бонапарт.

В связи с событиями на Пиренейском полуострове в Новой Испании создалась крайне сложная политическая ситуация. 15 июля аудиенсия Мехико приняла решение о том, что признаёт лишь Фердинанда VII, являвшегося пленником Наполеона. Но в конце месяца поступили сообщения о вооруженном сопротивлении испанского народа чужеземным захватчикам и о том, что в Испании

образовались провинциальные хунты (среди которых номинально главную роль играла Севильская), действовавшие от имени Фердинанда VII.

30 августа в Мехико приехали уполномоченные Севильской хунты, потребовавшие признания ее суверенитета, а следующей ночью было получено послание от Астурийской хунты, содержавшее аналогичное требование. Тогда вице-король Хосе де Итурригарай заявил, что Испания находится в состоянии анархии, так как все провинциальные хунты претендуют на верховную власть, и отказался впредь до получения дополнительной информации признавать какую-либо из них.

Считая, что Итурригарай намерен осуществить отделение от метрополии и стать правителем Новой Испании, испанские купцы, помещики и колониальные чиновники решили устранить его. В ночь с 15 на 16 сентября группа заговорщиков во главе с богатым землевладельцем Габриэлем де Ермо ворвалась, почти не встречая сопротивления, во дворец вице-короля и арестовала его.

Немедленно собрались члены аудиенсии и другие высшие должностные лица, принявшие решение сместить Итурригарая и назначить его преемником престарелого фельдмаршала Педро Гарибая. Затем последовали аресты ближайших приспешников бывшего вице-короля. Одновременно в тюрьму были брошены лидеры креольской помещичье-буржуазной оппозиции Мельчор де Таламантес, Франсиско Примо де Вердад, Хуан Франсиско Аскарате, требовавшие созыва национального конгресса, провозглашения независимости и проведения реформ. 29 марта 1809 г. Гарибай и члены аудиенсии присягнули Центральной хунте, созданной в Испании еще в сентябре.

Однако брожение в стране продолжало усиливаться. На стенах домов расклеивались листовки с карикатурами, высмеивавшими руководителей колониальной администрации и представителей испанской верхушки, в церквах разбрасывались антииспанские прокламации.

Сторонники независимости основали тайное общество «Рыцари разума» с отделениями в Мехико, Веракрусе и Халапе. Среди его членов встречались выходцы из различных слоев населения — адвокаты, военные, духовенство, ремесленники, лавочники. Рост революционных настроений был связан с событиями, происходившими в то время в южноамериканских колониях Испании, где в

отдельных случаях дело доходило даже до вооруженных выступлений (восстания в Чукисаке, Ла-Пасе и некоторых других районах Верхнего Перу, а также в Кито).

В сентябре 1809 г. заговор, направленный против колониальных властей, возник в Вальядолиде. В нем участвовали офицеры, некоторые представители низшего духовенства и др. Заручившись поддержкой местного гарнизона, организаторы заговора разослали эмиссаров для вербовки приверженцев в Пацкуаро, Керетаро, Ситакуаро и другие города. Чтобы привлечь на свою сторону индейцев, они обещали им отмену подушной подати. Восстание было назначено на 21 декабря, но за неделю до намеченного срока один из заговорщиков донес властям. Немедленно последовали аресты.

Вести о серьезных поражениях испанских войск в метрополии и оккупации большей части страны французскими интервентами стали сигналом к началу революции в различных районах Испанской Америки. 19 апреля 1810 г. народное восстание вспыхнуло в столице Венесуэлы — Каракасе. 25 мая кабильдо Буэнос-Айреса под давлением масс отстранил вице-короля Рио-де-ла-Платы и передал власть Временной правительственной хунте. 20 июля патриоты подняли восстание в столице Новой Гранады — Боготе. В течение нескольких месяцев в ряде крупнейших колониальных центров, а вслед за тем и во многих других городах к власти пришли патриотические хунты.

Революционные события в Южной Америке получили вскоре отклик в Новой Испании, где уже с начала года велась подготовка к новому выступлению.

СВЯЩЕННИК ИЗ ДОЛОРЕС

На рассвете 16 сентября 1810 г., когда жители Долорес, расположенного к северо-востоку от Гуанахуато, мирно спали, внезапно раздался громкий колокольный звон. Все поняли, что только событие исключительной важности могло заставить ударить в набат в столь неурочный час. Взволнованно спрашивая на ходу друг друга, что случилось, люди отовсюду спешили на площадь, к церкви. Вскоре здесь собрались многие горожане, а также крестьяне, приехавшие из ближних деревень на рынок.

На паперть вышел пожилой, сутуловатый человек среднего роста, одетый в черную сутану. На его выразительном смуглом лице выделялись живые зеленоватые глаза. Он обвел внимательным взглядом притихшую толпу и, не повышая голоса, заговорил. Слова отчетливо звучали в наступившей тишине. Призвав своих слушателей начать борьбу за свободу и возврат земель, отнятых испанскими завоевателями, выступить в защиту исконных прав и католической религии, попираемой колонизаторами, оратор сказал: «Друзья мои и соотечественники, для нас не существуют больше ни король, ни подать. Этот позорный налог, который должен распространяться лишь на рабов, тяготел над нами в течение трех веков как символ тирании и порабощения... Настало время освобождения, пробил час нашей свободы»¹. В конце своей короткой речи он воскликнул: «Да здравствует независимость! Да здравствует Америка! Долой дурное правительство!» Эти слова были встречены дружными криками одобрения и возгласами «Смерть гачупинам!»

Человек, которому ранним сентябрьским утром, затаив дыхание, внимали сотни людей, был местным приходским священником Мигелем Идальго. Он родился 8 мая 1753 г. в семье управляющего асьендой Сан-Диего-Корралехо. Кристобаль Идальго-и-Костилья принадлежал к

многочисленной разночинной прослойке креольского населения. Уже в довольно зрелом возрасте он женился на племяннице своего арендатора — 19-летней креолке Ане Марии де Гальяга, которая, оставшись круглой сиротой, воспитывалась у дяди. Через год после свадьбы молодая жена родила сына Хосе Хоакина, а вскоре появился на свет второй ребенок, которому при крещении дали, как тогда было принято в состоятельных креольских семьях, несколько имен: Мигель Грегорио Антонио Игнасио. За ним последовали сыновья Мариано и Хосе Мария.

Первые 12 лет своей жизни Мигель провел на родной асьенде, расположенной в районе Бахио — обширной области в долине реки Лермы и к северу от нее.

В описываемую эпоху бóльшая часть Бахио входила в состав провинции Гуанахуато, славившейся богатейшими серебряными рудниками. Самым крупным из них был знаменитый рудник «Валенсиана», дававший значительную долю добычи серебра в колонии. Для развития горнодобывающей промышленности Гуанахуато немалое значение имело то, что асьенды, ранчо, индейские селения Бахио в изобилии снабжали горняцкие поселки хлебом, мясом и другими продуктами. Земля в этих местах исключительно плодородна. Из окрестных лесов доставлялись строительные материалы и топливо. Многолюдное население обеспечивало постоянный приток рабочей силы на рудники. Провинция Гуанахуато являлась в то время наиболее густо заселенной частью вице-королевства и одной из самых «индейских» провинций Новой Испании. Все здесь создавалось подневольным трудом индейцев.

Товарищами игр Мигеля были братья и индейские ребята — дети пеонов, работавших на асьенде. Постоянно соприкасаясь с индейцами, мальчик рано узнал об их тяжелой доле, полном бесправии, повседневных заботах и нуждах, о невыносимых условиях изнурительного труда на полях и рудниках. Он видел вопиющий произвол помещиков, надсмотрщиков, королевских чиновников.

Мигелю не исполнилось и десяти лет, когда после очередных родов умерла мать, оставив мужа с четырьмя малолетними сыновьями на руках. Заботу о сиротах взяла на себя одна из теток, а вскоре дон Кристобаль привел в дом вторую жену. Отец уделял большое внимание воспитанию детей и, не жалея времени, много занимался с ними. Но самое большее, что было ему под силу,

это научить мальчиков читать и писать. Стремясь продолжить образование Мигеля и его братьев, он решил определить их в какое-нибудь учебное заведение. Можно было с этой целью отправить сыновей в провинциальную столицу Гуанахуато, но донна Кристобаля смущало то обстоятельство, что Гуанахуато являлся преимущественно экономическим и административным, а не культурным центром. Поэтому он предпочел старинный Вальядолид — главный город соседней провинции Мичоакан, где имелось несколько учебных заведений, славившихся по всей Новой Испании.

В 1765 г. Мигель и Хосе Хоакин поступили в вальядолидскую иезуитскую семинарию Сан Франсиско Хавьер. Там на протяжении ряда лет преподавал известный своей просветительской деятельностью историк-иезуит Франсиско Хавьер Клавихеро. Правда, братья Идальго уже не застали его в Вальядолиде, но традиции, заложенные Клавихеро, в семинарии продолжали сохраняться.

Мигель и Хосе Хоакин учились с увлечением. Однако их занятия вскоре прервались. В связи с изгнанием иезуитов из Испании и ее владений в июне 1767 г. были закрыты и учебные заведения иезуитского ордена в Новой Испании. Юношам пришлось вернуться домой, в Сандиего-Корралехо. Но уже в октябре того же года отец отвез старших сыновей в вальядолидский коллежио (училище) Сан Николас, основанный еще в первой половине XVI в. епископом Васко де Кирогой.

Вскоре по возвращении в Вальядолид братья оказались очевидцами кровавой расправы с восставшими индейцами. 85 человек были публично казнены на городской площади, сотни подверглись телесному наказанию. Это жестокое зрелище произвело ужасное впечатление на 14-летнего Мигеля.

В коллежио Сан Николас изучались риторика, логика, этика, латинская грамматика и литература, сочинения Аристотеля и Фомы Аквинского. Сверх обязательной программы Мигель занимался иностранными языками — итальянским, французским, а также индейскими — нахуа и тарасканским. Впрочем, усиленные учебные занятия и строгие правила внутреннего распорядка не мешали ему весело проводить время, как и полагалось школяру. В ученические годы он стал увлекаться музыкой. Товарищи любили способного, общительного юношу.

По окончании курса обучения Мигель вместе с Хосе Хоакином и группой сверстников в марте 1770 г. отправился для сдачи экзаменов в Мехико. Этот город, выросший на месте разрушенной и сожженной испанскими завоевателями древней столицы ацтеков Теночтитлана, показался 17-летнему юноше, привыкшему к провинциальной тиши, частицей какого-то неведомого мира. Пышное величие старинного кафедрального собора и роскошного дворца вице-короля, пестрые толпы людей на шумных улицах и площадях, разнообразные заморские товары в многочисленных торговых рядах и лавках — все поразило воображение юного провинциала. К тому же Мехико являлся крупнейшим культурным центром страны. Местный университет, основанный в середине XVI в., был древнейшим на Американском континенте. Еще раньше здесь возникла первая в Западном полушарии типография и было положено начало книгопечатанию.

Братья Идальго успешно сдали экзамены при столичном университете и получили степень бакалавра искусств. Затем они вернулись в Вальядолид и занялись изучением теологии. В 1773 г. Мигель и Хосе Хоакин снова отправились в Мехико и, сдав еще по одному экзамену, удостоились второй ученой степени — бакалавра теологии. Теперь надо было решать, что делать дальше. Любящий отец давно мечтал о почетной и материально обеспеченной духовной карьере для старших сыновей. И они не возражали.

На протяжении нескольких лет Мигель Идальго-и-Костиля последовательно поднимался по ступеням церковной иерархической лестницы, и в 1778 г. его возвели в сан священника. Еще раньше он начал преподавать в своей *alma mater* — коллегии Сан Николас. Идальго не только учил грамматике, философии, теологии, но добивался изменения системы и методов обучения, решительно выступал против схоластики, требовал исторического подхода при изучении предметов учебной программы. Его стремления были вполне естественны. Они отражали настроения передовой части мексиканского общества, обусловленные кризисом колониального режима и воздействием ряда внешних факторов.

Идеи европейского Просвещения, революции в Северной Америке и Франции, волнения 80-х годов в южноаме-

риканских колониях не могли не оказать серьезного влияния на формирование взглядов молодого священника.

Как ни старались колонизаторы, невозможно было изолировать страну от внешнего мира и воспрепятствовать распространению сведений, которые способствовали активизации борьбы против испанского ига. В частности, Идальго знал, вероятно, и о восстании Тупак Амару, поскольку его младший брат Мариано, адвокат по профессии, выступал на суде в качестве защитника одного из участников этого движения. Знание французского языка также позволяло Идальго получать печатную и устную информацию, которой не располагали многие его соотечественники.

Он все чаще задумывался над окружающей действительностью, но это до поры до времени не мешало его успешной карьере. Педагогическую деятельность Идальго совмещал с административной. Он был назначен казначеем, затем заместителем ректора, а потом секретарем училища. И, наконец, в январе 1790 г. занял должность ректора коллегии.

Однако ректором Идальго оставался недолго — всего два года. Уже в феврале 1792 г. он подал в отставку — предпочел этот важный и «перспективный» пост скромному положению приходского священника.

Чем вызван был столь крутой поворот в его жизни и судьбе? Что заставило Идальго в расцвете сил отказаться от блестящей карьеры, сулившей почет и если не богатство, то во всяком случае вполне обеспеченное существование? Причины и обстоятельства этого шага неясны, о них можно лишь догадываться и строить предположения².

Разумеется, церковному начальству был неуютен в качестве руководителя крупного учебного заведения и воспитателя молодого поколения человек критического склада ума, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди учащихся. Ведь раньше Идальго остерегался открыто высказывать свои взгляды и не имел возможности проводить их в жизнь. Став же ректором, он, видимо, пытался кое-что сделать, в частности перестроить систему преподавания, а это вызвало недовольство высшего духовенства. Оно усугублялось тем, что политическая обстановка в стране заметно обострилась.

Идеи Просвещения и революционные события в Европе все больше привлекали внимание передовой части мексиканского общества. В начале 90-х годов учащиеся столичной духовной семинарии организовали кружок, где изучали французскую философию. Это, с точки зрения властей, было бы еще полбеды: молодежь можно наставить на путь истинный, и вообще увлечения молодости с годами, как известно, часто проходят. Гораздо более опасным казалось то, что вредным свободомыслием заражены те, кто призван воспитывать юношество в духе безоговорочного повиновения католической церкви и испанской монархии. Какие мысли способен, например, внушать своим ученикам преподаватель теологии Хосе Антонио де Ларреа-и-Тронкосо, если он сам разделяет воззрения французских просветителей, поддерживает принцип народного суверенитета, подвергает сомнению действия святой инквизиции? По сведениям инквизиционного трибунала, некоторые духовные лица хранили у себя гравюры с изображением штурма Бастилии и других эпизодов французской революции, экземпляры конституции Франции и прочие запрещенные в колонии материалы.

Значительную роль в пропаганде крамольных взглядов играли проживавшие в Новой Испании французы. Некоторые из них собирались в столичной книжной лавке Лароша, куда приходили также прогрессивно настроенные испанцы и мексиканцы. Здесь тайком читали и обсуждали произведения энциклопедистов, французские революционные памфлеты, иностранные газеты. Некоторые французы получали письма с родины, имели тексты выступлений деятелей французской революции и было довольно хорошо информированы о событиях во Франции.

В условиях усилившегося брожения умов пребывание Идальго на посту ректора, судя по всему, казалось крайне нежелательным, и от него стремились избавиться любой ценой. Конечно, епископ Мичоакана, которому по службе подчинялся дон Мигель, не имел формальных оснований для его отстранения. Но на Идальго можно было оказать давление, используя весьма веский аргумент: давнишнюю любовную связь священника с молодой вальядолидской креолкой Мануэлой Рамос Пичардо. Правда, нарушение celibата — обязательного безбрачия католического духовенства — было тогда обычным и широко распространенным явлением. Не удивительно, что запрет

вступать в брак ставил многих духовных лиц в тяжелое положение и нередко толкал их к внебрачным отношениям с женщинами. Однако, хотя случаи отклонения служителей церкви от предписанных ею норм поведения были весьма частыми, при желании к Идальго всегда могли прибегнуть.

В сложившейся ситуации он и сам наверняка тяготился своим двусмысленным положением. Происходившие в мире события заставляли о многом задуматься. Трудно было постоянно скрывать свои мысли, не делиться ими с окружающими. А любой откровенный разговор означал огромный риск. Как ректор дон Мигель был постоянно на виду. Вальядолид — крупный административный и культурный центр, главный город епархии — всегда кишел тайными агентами и осведомителями инквизиции. Ну, и его отношения с Мануэлой, несомненно, не первый год являлись предметом досужих сплетен и пересудов. Хотя Вальядолид по мексиканским масштабам большой город, в нем не наберется и 20 тысяч жителей. Так что все друг друга знают. И уж бесспорно не только в городе, но и во всей округе хорошо известен отец Идальго, ректор старейшего колехио Сан Николас.

Выйдя в отставку, Идальго получил церковный приход Колима на юго-западе Новой Испании, в том же интендантстве Мичоакан, что и Вальядолид, но в глухой провинции, в стороне от крупных центров и дорожных магистралей. Однако Идальго пробыл там недолго. В январе следующего года его перевели в Сан-Фелипе (в 80 с лишним километрах севернее Гуапахуато), где он оставался на протяжении целого десятилетия.

Вскоре интеллигентный, остроумный священник стал душой местного общества. Оптимист по натуре, чрезвычайно подвижный человек, он любил веселье и развлечения, умел ценить радости жизни и пользоваться ими. По вечерам у него часто собирались друзья, устраивались игры и танцы, звучала музыка. Тут же велась непринужденная беседа на литературные и научные темы, обсуждались текущие события и газетные новости. Идальго критически отзывался об испанских колониальных властях, выражал возмущение деспотизмом монархов. Он любил повторять: «Если Францией управляют французы, а Англией — англичане, то почему Мексикой не должны управлять мексиканцы?» На сцене организованного им

домашнего театра под руководством самого хозяина дома ставились пьесы Мольера и Расина. Небольшой любительский оркестр исполнял симфонические произведения и танцевальные мелодии.

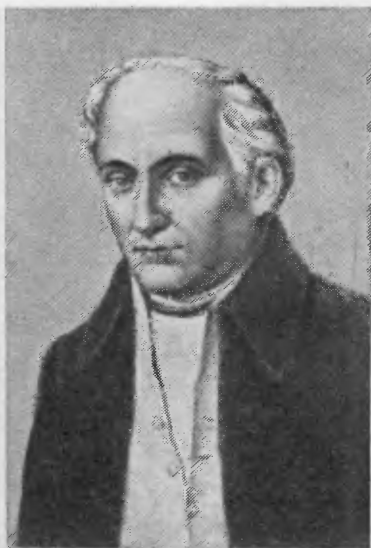
Познания Идальго отнюдь не ограничивались теми предметами, которые изучались и преподавались в вальядолидском училище, европейскими и индейскими языками. Он хорошо знал также историю Древней Греции и Рима, имел ясное представление о событиях Великой французской революции. Его начитанность и любознательность поражали окружающих. В библиотеке Идальго имелись французская «Энциклопедия наук, искусств и ремесел», сочинения Демосфена, Цицерона, Декарта, Корнеля, Мольера, Расина, Лафонтена, Бюффона и множество других книг³. Он перевел на испанский язык комедии Мольера «Скупой», «Тартюф», «Мизантроп» и несколько трагедий Расина: «Андромаху», «Британника», «Федру», «Беренику», «Ифигению».

Его постоянным собеседником и, пожалуй, самым близким другом в Сан-Фелипе стал молодой викарий Хосе Мартин Гарсиа Карраскедо. Они встречались почти ежедневно, нередко вместе читали, а потом долго разговаривали. Друзья с интересом прочитали «Древнюю историю Мексики» Клавихеро, где уделялось большое внимание истории и культуре индейцев.

50-летие Идальго совпало с большой переменой в его жизни — отъездом из Сан-Фелипе. Незадолго до этого, в сентябре 1802 г., умер его старший брат Хосе Хоакин. Идальго глубоко переживал безвременную кончину неразлучного спутника детских и юношеских лет, который долгое время был приходским священником в Долорес, находившемся в том же интендантстве Гуанахуато.

По численности населения и размерам церковных доходов Долорес значительно превосходил Сан-Фелипе. К тому же этот богатый приход находился гораздо ближе к столице интендантства. После смерти брата Идальго добился назначения на освободившуюся вакансию и уже в августе 1803 г. переехал в Долорес. Его сопровождали родившиеся в Сан-Фелипе малолетние дочери Микаэла и Мария Хосефа, младший брат Мариано, сводные сестры Гуадалупе и Висента, а также двоюродный брат Хосе Сантос Вилья.

Идальго не понравился тот дом, в котором покойный

Мигель Идальго

Игнасио Альенде

Сражение при Монте-де-лас-Круссе

Хосе Мария Морелос

Висенте Герреро

Мариано Матаморос

Игнасио Лопес Район

Николас Браво

Франсиско Хавьер Мина

Гуадалупе Виктория

Агустин де Итурбиде

Антонио Лопес де Санта-Анна

Хосе Хоакин прожил без малого 10 лет. Он подарил его местному муниципалитету, а себе купил другой — поблизости от церкви, где и поселился со своей большой семьей.

В Долорес Идальго вел в общем такой же образ жизни, как и в Сан-Фелипе. Много времени он проводил за чтением книг, в душевных беседах с друзьями, слушая музыку. Несмотря на свой возраст, дон Мигель по-прежнему был инициатором и непременным участником танцев, игр, пикников. Вместе с тем он уделял большое внимание развитию сельского хозяйства и промышленности в своем приходе. Игнорируя существовавшие официальные запреты, Идальго завел виноградник, занялся разведением олив и шелковичного червя, пчеловодством, виноделием. Он организовал гончарную мастерскую, кирпичную, дубильную мануфактуры и другие предприятия, давал прихожанам практические советы по уходу за пчелами, технологии изготовления вин, дубления кож и т. д. Особый интерес Идальго к хозяйственным делам объяснялся, конечно, не только тем, что он понимал их важность и значение. Его кипучую деятельную натуру не могли удовлетворить ни исполнение функций священника, ни веселое времяпрепровождение в кругу друзей. Он искал приложения своим разносторонним способностям и обширным познаниям, стремился с пользой применить их.

В доме Идальго наряду с богатым креолом можно было встретить скромного метиса и даже бедного индейца. Здесь царили непринужденность и дух равенства, в связи с чем друзья часто называли этот дом «маленькой Францией» («Франсиа чикита»). За короткий срок новый священник приобрел огромную популярность среди населения Долорес и окрестностей. Но одновременно он привлек к себе и внимание властей, осведомленных о его свободомыслии.

Еще в 1800 г. Идальго по доносу был предан суду инквизиции. Ему предъявили обвинение в вольнодумстве, богохульстве и чтении запрещенных книг. Однако за недостатком улик дело против него на следующий год прекратили. Но доносы продолжали поступать. В июле 1807 г. священник Мануэль Кастильбланки сообщил инквизиционному трибуналу, ссылаясь на сведения, полученные от другого священника, о «еретических» высказы-

ваниях Идальго. Менее чем через год к комиссару инквизиции в Керетаро явилась некая Мария Мануэла Эррера и заявила, что якобы неоднократно слышала, как он высказывал крамольные мысли. В марте 1809 г. последовал еще один донос — на этот раз от францисканского монаха Диего Мигеля Брингаса, сообщившего трибуналу, что он видел у Идальго запрещенные издания.

Видимо, все эти доносы не подкреплялись достаточно вескими доказательствами, так как остались без последствий. Инквизиция ограничилась требованием, чтобы Идальго удалил из дома своих дочерей, поскольку их присутствие компрометировало его как священника. Но он наотрез отказался расстаться с девочками, заявив, что у него в доме их воспитывают его сестры. Хотя церковные власти не подвергли Идальго наказанию, самый факт неоднократных доносов косвенно свидетельствует о том, что к началу XIX в. его свободолюбивые помыслы зашли достаточно далеко.

Процесс формирования социально-политических взглядов Идальго был длительным и сложным. Из-за отсутствия конкретных данных мы не можем пока точно сказать, как именно он протекал, четко выделить его основные стадии. Имеющиеся в распоряжении историков отрывочные сведения позволяют составить лишь общее представление, нарисовать приблизительную картину, не вдаваясь в детали. Есть основания полагать, что еще в период пребывания своего в колежа Сан Николас Идальго пришел к выводу о необходимости освобождения Новой Испании от колониального гнета. Но как этого добиться, ему оставалось тогда неясно. Лишь много лет спустя в его сознании зародилась идея вооруженной борьбы как единственного средства избавить родину от чужеземного господства. Она окрепла после переезда в Долорес под влиянием революционного подъема, происходившего в стране на рубеже XVIII—XIX вв.

После провала заговора 1809 г. в Вальядолиде Идальго решил, что настало время взяться за оружие. Он нашел верного единомышленника и энергичного помощника в лице офицера гарнизона Сан-Мигель-эль-Гранде (соседнего с Долорес города) капитана кавалерийского полка Игнасио Альянде. Сын испанского купца и землевладельца из Сан-Мигеля, Альянде юношей поступил на военную службу. Это был 30-летний человек огромной

физической силы, страстный любитель корриды, прекрасный наездник. Альенде познакомился с Идальго еще в декабре 1808 г., и они быстро сблизились. Одним из друзей и приверженцев Идальго являлся также сослуживец Альенде — Хуан де Альдама, происходивший из состоятельной креольской семьи. Под сильным влиянием Альенде находился молодой лейтенант того же полка, уроженец Долорес Мариано Абасоло.

В конце 1809 — начале 1810 г. Альенде по предложению Идальго неоднократно ездил в Мехико, Веракрус, Керетаро для изучения политических настроений в этих городах и установления связей с местными патриотами. В конце февраля 1810 г. Идальго и Альенде вместе отправились в Керетаро, где встретились с одним из участников вальядолидского заговора — доктором канонического права Мануэлем Итурриагой. По договоренности с ними Итурриага тогда же разработал план, предусматривавший создание революционных хунт в наиболее важных центрах. Они должны были вести тайную агитацию против Испании, а с началом вооруженной борьбы в колонии — поднять восстание, каждая в соответствующем районе, отстранить колониальную администрацию, арестовать богатых испанцев и конфисковать их имущество. Управление страной предполагалось передать хунте из представителей провинций, которая номинально действовала бы от имени Фердинанда VII, но фактически испанское господство имелось в виду полностью ликвидировать.

Во исполнение этого плана в Керетаро началась подготовка к образованию хунты. С той же целью Альенде объехал различные города и селения, тогда как Идальго стремился приобрести сторонников среди рабочих мануфактур и остальных жителей Долорес, вел переписку со своими единомышленниками в других местах. В июле революционная хунта была создана в Сан-Мигеле, а вскоре возникли хунты в Керетаро, Селаете, Гуанахуато, Сан-Луис-Потоси.

Главным центром антииспанской деятельности стал Керетаро, что в значительной мере объяснялось его географическим положением. Этот город являлся важным узлом коммуникаций, связывавших его со столицей и провинциальными центрами. Там часто происходили конспиративные встречи патриотов. В них участвовали, помимо Альенде, Альдамы, доктора Итурриаги, также священник

Хосе Мария Санчес, лавочник Эпигменио Гонсалес, почтовый чиновник Гальван, капитан ополчения Хоакин Ариас и некоторые другие офицеры. Патриотам сочувствовал и поддерживал с ними отношения коррехидор Керетаро Мигель Домингес. Просвещенный человек, в прошлом соученик Идальго по коллегии Сан-Николас, он пользовался широкой популярностью среди трудового люда за свои выступления против эксплуатации индейцев владельцами мануфактур и злоупотреблений колониальных чиновников. Непременной участницей тайных собраний заговорщиков была и жена коррехидора — Хосефа Ортис де Домингес.

На заседаниях революционной хунты, устраивавшихся под видом литературных вечеров, обсуждался план действий, которые предполагалось начать 8 декабря 1810 г., в день, когда достигнет кульминации крупнейшая ежегодная ярмарка в Сан-Хуан-де-лос-Лагос (северо-западнее Гуанахуато). Туда съезжались купцы, ремесленники, крестьяне из Керетаро, Сан-Луис-Потоси, Гвадалахары, Селаи, Вальядолида, Сакатекаса и прочих населенных пунктов⁴. Ярмарка длилась обычно в течение первых двух недель декабря. 8 декабря устраивались торжества в честь местной святой. Ее чудотворная икона всегда привлекала в Сан-Хуан-де-лос-Лагос многие тысячи паломников, большинство которых составляли индейцы.

Идальго был непосредственно связан с керетарской хунтой. Хотя его положение священника не давало возможности часто покидать приход, он в августе и сентябре дважды побывал в Керетаро. В тот же период Идальго посетил также Сан-Мигель-эль-Гранде и Вальядолид. Альенде и Альдама, в свою очередь, не раз приезжали в Долорес. Находясь в своем приходе, Идальго продолжал вести антииспанскую агитацию и переписывался со своими друзьями в Сан-Фелипе и Сан-Луис-Потоси. По его инициативе в мастерских и мануфактурах Долорес изготовлялось оружие.

Идальго стал душой и признанным руководителем патриотической организации. Это было вполне естественно не только потому, что он по интеллектуальному уровню, широте кругозора, организационным способностям, жизненному опыту бесспорно превосходил своих единомышленников. Большое значение имели его популярность

среди различных слоев населения и духовный сан. В устах уважаемого священника революционные лозунги, которым он сумел придать религиозную окраску, связав их с борьбой за чистоту католической веры против ее осквернителей — испанских колонизаторов, звучали особенно убедительно. Облеченные в такую форму, они были понятны многим простым людям, не искушенным в политике и социальных вопросах.

В начале сентября Идальго и его приверженцы пришли к выводу, что подготовка восстания будет завершена быстрее, чем предполагалось. Поэтому они решили начать на два с лишним месяца раньше намеченного срока, рассчитывая выступить 2 октября одновременно в Керетаро и Сан-Мигеле. Однако события опередили их расчеты и намерения.

Еще 11 августа власти получили первый донос о существовании заговора, но не придали ему особого значения. Месяц спустя в трибунал инквизиции поступило анонимное письмо из Сан-Мигеля, автор которого сообщал о заговорщической деятельности Альенде и Альдамы. Между тем Идальго, пытаясь привлечь воинские части, расположенные в Гуанахуато, на сторону патриотов, открыл свои планы тамбурмажору Хуану Гарридо и двум сержантам, обещавшим ему поддержку своего батальона. Но 13 сентября Гарридо доложил обо всем командованию. Когда интендант Хуан Антонио Рианьо, лично знакомый с Идальго и неоднократно с ним встречавшийся, узнал о заговоре, он воскликнул: «Беда! Если в нем участвует Идальго, то Новая Испания будет независимой!»⁵ Рианьо немедленно приказал субделегату * Сан-Мигеля, где в тот момент находились Альенде и Альдама, арестовать их.

В то же время в Керетаро один из заговорщиков, оказавшийся предателем, донес на своих сообщников. При обыске у некоторых из них обнаружили оружие, тексты революционных воззваний, списки участников. Начались аресты. Узнав из доноса и допроса задержанных об участии в заговоре коррехидора Домингеса, алькальд Очоа при помощи начальника местного гарнизона бригадира Гарсии Ребольо арестовал Домингеса. Был отдан также и здесь приказ взять под стражу Альенде и Альдаму.

* Субделегатами называли начальников округов (партидо), на которые делились интендантства.

Власти Керетаро и Гуанахуато послали донесения о раскрытии заговора новому вице-королю Франсиско Хавьеру Венегасу, незадолго до того прибывшему в Мехико.

Как только вести о событиях в Гуанахуато достигли Сан-Мигеля, Альенде не стал ждать, пока его схватят, а сразу направился в Долорес и подробно информировал Идальго. Но им еще не было известно о том, что происходило в Керетаро, и потому оба с нетерпением ожидали сведений оттуда. Альдама же оставался в Сан-Мигель-эль-Гранде. Ежеминутно рискуя быть арестованным, он ждал известий из Керетаро. Однако лишь на следующий вечер его разыскал, наконец, нарочный, посланный женой коррехидора Домингеса, и сообщил об аресте керетарских заговорщиков и раскрытии их планов. Выслушав рассказ посланца доньи Хосефы, Альдама несколько минут спустя уже скакал в Долорес...

Вот впереди показались темные силуэты первых городских строений. Взмывенная лошадь, напрягая последние силы, крупной рысью бежала по тихим, пустынным улицам Долорес.

Было два часа ночи, когда измученный Альдама подъехал к дому Идальго. Спешившись, он подбежал к окну и с силой застучал в него. Чутко спавший священник сразу проснулся, разбудил Альенде, своего брата Мариано, двоюродного брата Хосе, послал за ближайшими друзьями. Когда все они, полусонные, задолго до рассвета собрались в просторном кабинете Идальго, бледный, еле державшийся на ногах от усталости Альдама сообщил о происшедшем. Какое-то мгновение все подавленно молчали. Потом, несколько оправившись от первоначального потрясения, громко и возбужденно заговорили, перебивая друг друга. Разгорелся жаркий спор о том, что следует предпринять в связи с раскрытием заговора.

Альенде, Альдама и некоторые другие из присутствовавших явно растерялись. Призывая к максимальной осторожности, они предлагали воздержаться от каких-либо активных действий до выяснения обстановки, а пока всем заговорщикам следовало, по их мнению, укрыться где-нибудь в надежном месте. Идальго молча и внешне спокойно слушал эти взволнованные речи. Когда все высказались, он своим ровным голосом решительно заявил, что всякое промедление губительно, так как единственная возможность, которая им остается в сложившейся си-

туации, это перехватить инициативу и нанести удар, не дожидаясь разгрома патриотических сил. Поэтому нельзя терять ни минуты, надо действовать немедленно. «У нас нет иного выхода,— сказал Идальго,— кроме как выступить против гачупинов»⁶.

Это заявление основывалось на трезвом учете многих обстоятельств. Несмотря на то что власти преждевременно обнаружили подготовку к восстанию, она была в основном завершена. Хотя заговорщики отчасти лишились преимуществ, которые давала неожиданность выступления, быстрые и энергичные действия, начатые не там, где намечалось ранее, а здесь, в Долорес, все же позволяли в известной мере использовать фактор внезапности. К тому же по случаю воскресного дня в город с раннего утра обычно съезжались крестьяне окрестных селений, на поддержку которых Идальго очень рассчитывал.

Твердая позиция Идальго ободрила его соратников, вдохнула в них мужество и помогла преодолеть колебания. Вскоре возле дома священника собралась кучка патриотов. То были его родственники и друзья, рабочие местных мануфактур и несколько жителей Долорес — всего около трех десятков человек. Во главе этой небольшой группы Идальго направился к тюрьме и освободил заключенных, тут же примкнувших к отряду. Потом восставшие, число которых возросло до 80 человек, двинулись к казарме, где захватили оружие. Вслед за тем они арестовали колониальных чиновников и других представителей испанской верхушки. В 5 часов утра Идальго, как помнит читатель, велел ударить в колокол и с церковной паперти обратился к толпе с вдохновенным призывом, вошедшим в историю под названием «Клич Долорес».

На его призыв откликнулись сотни людей: жители Долорес и ближних деревень, несколько десятков солдат. В то же утро Идальго повел свою колонну на юг. К ней присоединялись крестьяне селений и асьенд, лежавших по пути движения. Восставшие были вооружены в основном пиками, мачете, дубинками, пращами, луками. Лишь у немногих имелось огнестрельное оружие. С наступлением темноты повстанцы, несшие в качестве знамени образ Гуадалупской божьей матери, считавшейся покровительницей индейцев, достигли города Сан-Мигель-эль-Гранде, население которого радостно приветствовало их. Местные испанцы не решились оказать сопротивление, и были

арестованы. Гарнизон, состоявший из мексиканцев, перешел на сторону восставших.

Стремясь заставить врасплох колониальные власти и не дать им принять меры к подавлению восстания, Идальго считал необходимым быстрое продвижение к столице интендантства — Гуанахуато. Утром 19 сентября его армия, численность которой неуклонно росла, направилась дальше на юг, к важному экономическому и административному центру Селае. Узнав об этом, гарнизон, а также испанская верхушка покинули город, и 20 сентября туда вступили повстанцы. На следующий день они устроили смотр революционной армии и провозгласили Идальго «генерал-капитаном Америки». 23 сентября восставшие двинулись в северо-западном направлении, держа курс на Гуанахуато.

Там уже шла лихорадочная подготовка к обороне. На главных улицах сооружались заграждения, а на подступах к городу сосредоточивались войска. Чтобы заручиться поддержкой народных масс, интендант Рианьо в соответствии с изданным 26 мая указом Регентского совета⁷ (сменившего в феврале 1810 г. Центральную хунту в качестве верховного органа власти) 21 сентября распорядился отменить подушную подать. Однако народ расценил этот акт как уступку, вызванную страхом колониальных властей перед восстанием. Гарнизон, испанское население и многие состоятельные креолы засели в каменном здании казенного зернохранилища «Албондига де Гранадитас» (на юго-западной окраине Гуанахуато), где имелись значительные запасы продовольствия и воды. Туда же были перенесены казна, архивы, имущество местных богачей, а также оружие и боеприпасы.

28 сентября армия Идальго, насчитывавшая уже 14 тыс. человек, подошла к Гуанахуато. Авангард повстанцев, состоявший главным образом из крестьян-индейцев, вооруженных копьями и дубинами, вскоре вступил в город, где к ним присоединились горнорабочие и беднота. После того как требование о капитуляции было отвергнуто, восставшие начали штурм вражеских позиций. Боем руководил лично Идальго. Он появлялся в разных местах, верхом на коне и с пистолетом в руке. В ходе сражения погиб Рианьо, что вызвало среди осажденных сильное смутнение. Защитники баррикад, построенных вокруг «Алондиги», вынуждены были оставить их и укрыться внутри зернохранилища.

Все попытки проникнуть в здание, вход в которое надежно закрывали массивные двери, не увенчались успехом. Оборонявшие «Алондигу» вели интенсивный огонь с крыши и из окон, не подпуская близко нападавших. В этот критический момент один из патриотов схватил большой плоский камень, прикрывшись им как щитом, с факелом в руке быстро подбежал к двери и поджег ее. Среди осажденных возникла паника. Одни кричали, что надо сдаться, пока не сгорели заживо, другие продолжали отстреливаться, третьи бросали оружие и пытались спастись бегством. Наконец, начальник гарнизона приказал выбросить белый флаг. Повстанцы стали быстро продвигаться вперед и ворвались в помещение. Вскоре они окончательно сломили сопротивление роялистов*.

Таким образом, за короткий срок восстание охватило обширную территорию. Этому способствовала агитация эmissаров Идальго, направленных им в Мехико, Гвадалахару, Керетаро, Сан-Луис-Потоси, Сакатекас, Агуаскальентес, Леон и другие города с целью призвать население взяться за оружие. Колониальная администрация, высшее духовенство, испанская знать, землевладельцы и купечество были весьма встревожены успехами повстанцев. Считая, что ближайшим объектом их нападения может стать Керетаро, вице-король Венегас приказал послать туда подкрепления. В Мехико были стянуты воинские части из других городов, гарнизоны Сан-Луис-Потоси и Гвадалахары приведены в полную боевую готовность. 27 сентября вице-король назначил высокие денежные награды за головы Идальго, Альенде и Хуана Альдамы.

Архиепископ Франсиско Хавьер Лисана-и-Бомон, бывший друг Идальго епископ Мичоакана Мануэль Абад-и-Кейпо (в епархию которого входило интендантство Гуанахуато) и другие прелаты выступили с резким осуждением восстания, объявив его противным католической религии. «Слугой сатаны», «предтечей Антихриста», «эmissаром Наполеона» называли они мятежного священника. Идальго и остальные руководители восставших были отлучены от церкви. «Знайте,— обратился 30 сентября к своей пастве епископ Пуэблы Гонсалес дель Кампильо,— что революция не есть дело разума; она — дочь порока, честолюбия, бесчестия, измены... Ей сопутствуют

* Роялистами в годы войны за независимость называли в Испанской Америке сторонников испанской монархии.

грабеж, кровопролитие, похоть и всякое иное зло». Епископ Оахаки Бергоса-и-Хордан заявил, будто повстанцы связаны с нечистой силой. 13 октября трибунал инквизиции издал эдикт, обличавший Идальго в ереси и вероотступничестве и предписывавший ему в месячный срок предстать перед церковным судилищем⁸. Вместе с тем, желая отвлечь индейское и вообще «цветное» население от участия в восстании, колониальные власти прибегали и к иным мерам. 5 октября по распоряжению вице-короля в Мехико был опубликован упоминавшийся выше указ об освобождении индейцев от уплаты подушной подати и предстоящем наделении их землей. Венегас объявил, что данные льготы распространяются также на лиц африканского происхождения, проживающих в тех населенных пунктах, жители которых проявят лояльность по отношению к метрополии⁹. Но этот запоздалый шаг не возымел эффекта: трехвековой опыт научил народные массы не верить подобным законам, ибо они, как правило, не претворялись в жизнь.

Между тем Идальго, заняв Гуанахуато, не решился идти на основательно укрепленные города Керетаро и Сан-Луис-Потоси, где было сконцентрировано много испанских войск. 10 октября главные силы его армии, численность которой продолжала быстро увеличиваться, начали марш в южном направлении и через неделю подошли к Вальядолиду, уже покинутому большинством испанцев и духовенства. Встреченные колокольным звоном, отряды повстанцев без боя вступили в город. К ним присоединилась значительная часть вальядолидского гарнизона. Идальго назначил коррехидором Вальядолида и интендантом провинции Хосе Марию Ансорену, который по его указанию издал декрет об освобождении рабов, запрещении работорговли и отмене подушной подати¹⁰.

ОТ МЕХИКО ДО ГВАДАЛАХАРЫ

В Вальядолиде Идальго наметил следующую задачу — овладеть столицей вице-королевства. 19 октября он двинулся на северо-восток и вскоре вышел к Акамбаро, где произвел смотр повстанческой армии, составлявшей уже около 80 тыс. человек. Она была разделена на пехотные и кавалерийские полки по тысяче человек каждый. В Акамбаро военный совет провозгласил Идальго генералиссимусом, а он назначил Альенде генерал-капитаном, Хуана Альдаму, Хосе Мариано Хименеса (по профессии горного инженера), бывшего офицера колониальной армии Хоакина Ариаса и священника Мариано Бальесу — генерал-лейтенантами. Дальше повстанцы направились вверх по течению Лермы, через несколько дней достигли Истлауаки и продолжали продвижение к Мехико.

Когда вице-король узнал о приближении восставших, он бросил им навстречу часть столичного гарнизона под командованием подполковника Торкуато Трухильо. Последний пытался помешать повстанцам переправиться через Лерму возле одноименного селения. Однако после того как отряд Альенде обходным маневром поставил под угрозу тыл испанцев, Трухильо поспешно отошел на северо-восток, к горному перевалу Монте-де-лас-Крусес, расположенному между долинами Мехико и Толуки. Туда утром 30 октября подошла армия Идальго и разгорелся ожесточенный бой, длившийся около девяти часов. Повстанцы имели большой численный перевес, но испанские войска были лучше обучены и вооружены. К концу дня Трухильо, потеряв около трети своих людей убитыми и ранеными и израсходовав боеприпасы, отступил и на следующий день вернулся в Мехико. Хотя он явно потерпел сокрушительное поражение, вице-король, стремясь поднять моральный дух войск, объявил Трухильо и его солдат героями. Их встретили с почестями, как победи-

телей. В честь якобы одержанной ими «победы» была даже вычеканена специальная медаль.

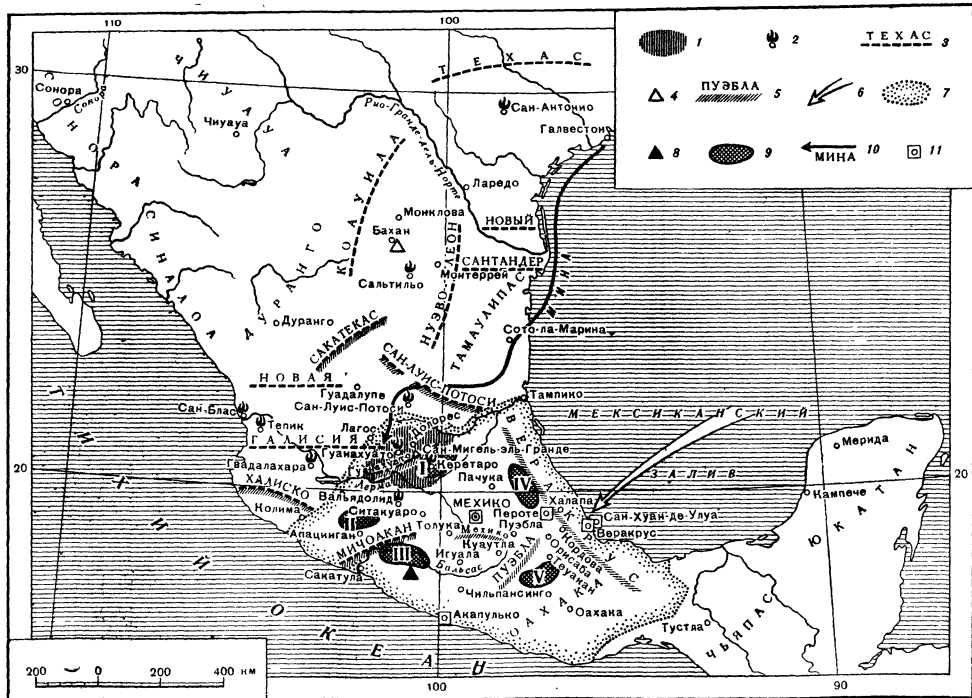
Колониальная администрация, духовенство и испанское население столицы, охваченные паникой, с минуты на минуту ожидали появления революционной армии. Принимались лихорадочные меры к обороне города. Вице-король послал начальнику гарнизона Сан-Луис-Потоси бригадиру Феликсу Марии Кальехе приказ немедленно форсированным маршем идти со своими войсками на выручку столицы. Высшие должностные лица, а также многие богачи готовились к переезду в Пуэблу или Веракрус. Однако опасения оказались напрасными. Достигнув Гуахимальпы, на ближних подступах к Мехико, Идальго вопреки требованиям Альенде и некоторых других своих сподвижников не пошел дальше. Он считал, что силы повстанцев, которым не хватало оружия и снаряжения, недостаточны для овладения хорошо укрепленной столицей, насчитывавшей тогда около 140 тыс. жителей. А все попытки привлечь на свою сторону население Мехико и соседних городов не принесли успеха. Многие из посланных им с этой целью агитаторов попали в руки врага. К тому же Идальго, узнав из перехваченного письма об ожидаемом подходе войск Кальехи, боялся оказаться между двух огней и потерпеть поражение, которое могло стать роковым.

К тому времени революционное движение охватило ряд областей страны. Местами восстание поднимали эмисары Идальго, местами оно вспыхивало стихийно. Еще в июле 1810 г. в граничившей с Новой Испанией и тесно с ней связанной Западной Флориде начались антииспанские выступления, инспирированные агентами США. В конце сентября была провозглашена «независимость» Западной Флориды и вскоре последовала ее аннексия Соединенными Штатами *.

В октябре движение распространилось на интендантство Гвадалахару, где его возглавил ранчеро Хосе Антонио Торрес. Заняв Колиму, Саюлу, Сакоалько и другие населенные пункты, партизаны Торреса подошли к столице интендантства. Севернее действовали отряды Годинеса, Алаторре, Хосе Рубио Уидробо. В начале октября вспыхнуло восстание в Сакатекасе, откуда поспешно бежали

* Подробнее о событиях в Западной Флориде см. ниже, гл. 5.

I — под руководством Осорно; *II* — под руководством братьев Район; *III* — под руководством Герреро; *IV* — под руководством Гуадалупе Викторин; *V* — под руководством Мьер-и-Терана; *10* — путь движения экспедиции Минны; *11* — последние очаги сопротивления испанцев

испанские чиновники и купцы, а также в Колотлане (юго-западнее Сакатекаса). Мигель Санчес занял во второй половине октября Уичапан (к юго-востоку от Керетаро) и несколько соседних с ним селений. Вместе с повстанцами под командованием капитана ополчения Хулиана Вильяграна он безуспешно пытался 30 октября овладеть Керетаро. На юге присоединившийся к Идальго сельский священник Морелос очистил от испанцев Сака-тулу и двинулся вдоль побережья на юго-восток. За короткий срок в сформированный им отряд вступило более 3 тыс. человек.

Основную массу восставших составляли крестьяне-индейцы, горнорабочие, ремесленники и прочий трудовой люд городов, мелкая городская буржуазия. К ним присоединилась часть интеллигенции, офицерства, чиновничества, низшего духовенства. На первых порах многие представители креольской помещичье-буржуазной элиты тоже примкнули к восстанию, рассчитывая использовать его для свержения ненавистного испанского господства. Однако ход событий довольно скоро привел к изменениям в соотношении сил.

В занимаемых ими городах, селениях и асьендах повстанцы расправлялись с попадавшими в их руки крупными чиновниками, помещиками и купцами, не успевшими бежать. Некоторых убивали, других арестовывали, принадлежавшие им кукурузу, скот, различное имущество конфисковывали, а частично уничтожали. Такая судьба постигала не только уроженцев метрополии, но зачастую также и состоятельных «американских испанцев», особенно богатых помещиков-креолов.

Если для некоторых руководителей восстания, принадлежавших к привилегированным слоям колониального общества, главной задачей являлись ликвидация испанского господства и завоевание независимости, то для массы их сторонников, и прежде всего для индейского крестьянства, не меньшее, если не большее значение имели социальные цели, устранение феодально-крепостнического гнета и борьба против его носителей, кто бы они ни были. «Таким образом,— как справедливо отмечает мексиканский историк Луис Чавес Ороско,— война за независимость с самого начала приняла характер классовой борьбы... Это было восстание всех угнетенных против всех угнетателей»¹.

Указанное обстоятельство и определяло в конечном счете расстановку сил. Против восставшего народа выступили не только колониальная администрация, католическая иерархия во главе с высшим духовенством, испанская знать и другие круги, связанные с метрополией. В том же враждебном революционному лагерю оказались вскоре в значительной своей части и принадлежавшие к имущим классам уроженцы Новой Испании — большинство местных помещиков и купцов, многие чиновники и офицеры. Еще в период боев за Гуанахуато немало богатых креолов вместе с испанцами оказывали яростное сопротивление повстанцам. Настроения креольской верхушки нашли свое выражение также в позиции, занятой муниципальными органами некоторых крупнейших городов. Так, аюнтамьенто Веракруса 6 октября публично осудил восстание и заверил вице-короля в своей полной поддержке. Две недели спустя аюнтамьенто Мехико обратился к населению вице-королевства с воззванием, в котором выражались верноподданнические чувства по отношению к испанской монархии и содержался призыв сохранять верность королю². Однако определенная часть креольской элиты предпочитала выжидать исхода борьбы, не примыкая пока ни к той, ни к другой стороне³.

Внутри руководящего ядра патриотов не было единства. Идальго понимал необходимость социальных преобразований в интересах широких масс и потому сразу же, наряду с требованием «восстановить священные права, дарованные мексиканцам богом и узурпированные жестокими и несправедливыми выродками-конкистадорами»⁴, выдвинул лозунг возврата экспроприированных у крестьян земель. Возглавив народное восстание, он стремился к его дальнейшему расширению и углублению. Именно по этой причине планы Идальго внушали такой страх и ненависть колонизаторам. Епископ Абад-и-Кейпо прямо указывал, что в случае победы восставших огромная масса индейцев, метисов и неимущих креолов, составляющая девять десятых всего населения, немедленно выступит против зажиточной верхушки. Он писал, что Идальго пытается внушить индейцам, будто они вправе считать отнятые у них испанцами земли своими, и обещает вернуть их прежним владельцам. Эту же мысль высказал архиепископ Лисана-и-Бомон⁵. Эдикты об отлучении Идальго осуждали его не столько за мнимую «ересь»,

сколько за то, что он поднял «мятеж» и пытался изменить систему землевладения.

Что же касается Альенде, братьев Альдама, Абасоло и некоторых других военных руководителей повстанцев — кадровых офицеров и выходцев из креольской помещичьей среды, то они вовсе не желали подъема массового движения. Им были чужды социальные задачи начавшейся революции, в которой эти люди видели лишь вооруженное выступление с целью освобождения от испанского господства. В принятом 24 сентября постановлении аюнтамента Сан-Мигеля, возглавлявшемся Игнасио Альдамой, указывалось, что конфисковано может быть только имущество гачупинов, но «ни в коем случае наших соотечественников»⁶.

По мере того как в ходе восстания все более острые формы принимал социальный антагонизм, беспокойство Альенде и его сторонников, недовольных тем, что Идальго ищет опоры в массах, заметно усиливалось. Встревоженные чрезмерным, по их мнению, радикализмом движения, они считали, что взятие Мехико позволит быстро закончить военные действия, провозгласить независимость и подчинить народ контролю имущих классов. Поэтому Альенде, Альдама, Абасоло и другие настаивали на немедленном штурме столицы, хотя в создавшейся неблагоприятной для повстанцев обстановке это было сопряжено с серьезным риском.

Позиция же Идальго, проявившего в тот момент разумную осторожность, диктовалась не только трезвым учетом обстоятельств чисто военного порядка, но и пониманием того, что в целом соотношение сил складывалось не в пользу восставших. В таких условиях ему казалось нецелесообразным, при весьма сомнительных шансах на успех, предпринимать рискованную попытку занять столицу, ставя фактически на карту судьбу всего восстания.

Отказавшись от попытки взять Мехико, Идальго повел свою армию на северо-запад, с тем чтобы овладеть Керетаро. Одновременно испанские войска под командованием Кальехи двигались из Керетаро навстречу повстанцам, направляясь к столице. 7 ноября обе армии столкнулись возле Акулько, на полпути между Мехико и Керетаро. Силы патриотов сократились к этому времени примерно до 40 тыс. человек, так как многие из них,

разочарованные отходом от Мехико, разошлись по домам. Их боеспособность ослабляли также разногласия между руководителями. Поэтому повстанцы предпочли уклониться от сражения. Отступив к Селае, они разделились. Главные силы под командованием Альянде двинулись на северо-запад, в Гуанахуато, а Идальго с небольшой группой направился на юг, в Вальядолид, чтобы пополнить свои войска.

Тем временем революционное движение охватывало все ббольшую территорию. 10 ноября произошло вооруженное выступление в Сан-Луис-Потоси и восставшие овладели городом. На следующий день Торрес занял Гвадалахару. В конце ноября отряд индейцев во главе со священником Хосе Марией Меркадо захватил последний спорный пункт испанцев в интендантстве Гвадалахара — порт Сан-Блас. В руках патриотов оказалась вся Новая Галисия до побережья Тихого океана.

Узнав о победе повстанцев в Гвадалахаре, Идальго решил направиться туда и 17 ноября выступил из Вальядолида. Между тем армия Кальехи подошла к Гуанахуато и 24 ноября начала штурм города. Повстанческая артиллерия, расположенная на окружающих Гуанахуато высотах, не причиняла наступавшим большого урона. Шестичасовой бой завершился победой испанских войск. Альянде с небольшим отрядом отошел в направлении Сан-Луис-Потоси. По приказу Кальехи были сожжены целые кварталы Гуанахуато, а их жители перебиты. Каратели казнили свои жертвы (число которых достигло 150) без всякого суда и следствия.

В это время Идальго во главе семи с лишним тысяч повстанцев, не встречая сопротивления, продвигался к Гвадалахаре. Этот поход являлся триумфальным маршем. В каждом городе и селении народ встречал его с энтузиазмом, повсюду устраивались торжественные мессы. 26 ноября войска Идальго вступили в Гвадалахару. Их встретили артиллерийским салютом и колокольным звоном. Дома были празднично украшены. Горожане с детьми заполнили улицы и вместе с бойцами Торреса восторженно приветствовали генералиссимуса. В сопровождении многочисленной свиты он проследовал через весь город к кафедральному собору, а оттуда пешком направился в Правительственный дворец, где находилась резиденция местных властей. Там его ожидали представители раз-

личных групп населения, к которым Идальго обратился с яркой речью.

Пребывание Идальго в Гвадалахаре, длившееся около полутора месяцев, ознаменовалось кипучей деятельностью. Учитывая стремления народных масс и прежде всего крестьянства, составлявшего основной контингент повстанческой армии, он должен был более определенно сформулировать свою программу и приступить к ее реализации.

Особое внимание Идальго уделял социально-экономическим требованиям широких слоев населения. Он принял ряд мер, направленных на ликвидацию рабства, расовой дискриминации, принудительных повинностей, торговых монополий и других атрибутов колониального режима. Вслед за опубликованием в Вальядолиде упомянутого выше декрета интенданта и коррехидора Ансорены 23 октября Игнасио Лопес Район по поручению Идальго также объявил об освобождении рабов и провозгласил равенство всех мексиканцев, независимо от этнической принадлежности. Документ аналогичного характера, в котором декларировались отмена рабства, подушной подати, деления населения на категории по расовому признаку и т. д., был от имени Идальго обнародован 17 ноября в Агуакатильо Морелосом⁷.

Вступив в Гвадалахару, Идальго поспешил уже 29 ноября издать декрет, предусматривавший наряду с освобождением рабов в течение 10 дней и упразднением подушной подати также ликвидацию монополий на производство и продажу пороха, табачных изделий, вина, снижение алькабалы. Основные положения этого декрета были вновь подтверждены 6 декабря⁸. Неоднократное повторение указанных предписаний обуславливалось не только тем значением, которое им придавалось, но и военной обстановкой, ограничивавшей их распространение территорией, контролировавшейся в данный момент революционной армией.

5 декабря Идальго опубликовал очень важный декрет, касавшийся арендованных земель индейских общин в окрестностях Гвадалахары. Значительная их часть находилась в руках помещиков, номинально считавшихся арендаторами, фактически же полностью распоряжавшихся этой землей и не вносивших никакой арендной платы. Идальго распорядился немедленно собрать всю арендную

плату, а земли передать для обработки индейским общинам, запретив впредь арендовать их. «Ибо я желаю,— указывал он,— чтобы ими пользовались только индейцы соответствующих селений»⁹.

Все эти акты имели большое историческое значение. Как отмечал видный американский марксист Уильям З. Фостер, Идальго был «одним из немногих, кто смело поставил вопрос о земле»¹⁰. В исторической литературе высказывается иногда мнение, что он намеревался претворить в жизнь свою идею о возвращении индейским общинам отнятых у них земель, хотя точных данных на сей счет нет. Идальго первым на Американском континенте провозгласил отмену рабства, проявив тем самым стремление к ликвидации одной из основ колониального режима. Он опередил в этом отношении Боливара и пошел дальше Вашингтона, отмечает мексиканский историк Энрике Сантибаньес¹¹. Попытки преуменьшить важность указанного шага на том основании, что число рабов в Новой Испании было тогда невелико, нельзя признать правомерными. Известно, что негры-рабы внесли свой вклад в освободительную борьбу, вместе с индейцами и другими патриотами сражаясь против колонизаторов. Упразднение рабства чувствительно затрагивало интересы испанцев-рабовладельцев, угрожая потерей их собственности. Наконец, значение декларации Идальго об освобождении рабов вышло далеко за рамки Новой Испании, получив резонанс по всей Латинской Америке.

Глубокий социальный смысл имела отмена подушной подати¹², являвшейся своеобразным символом бесправия индейского населения. «Не было ничего более ненавистного индейцам,— отмечал мексиканский историк и участник освободительного движения Хосе Сервандо Тереса де Мьер,— чем подушная подать, установленная в период завоевания... Поскольку ее платили только индейцы... они рассматривали ее как клеймо побежденных». По его словам, именно упразднение подати обеспечило Идальго поддержку со стороны индейцев, которые в массовом порядке стали вступать в его армию¹³. Что же касается упомянутых выше мер против торговых монополий, то они были направлены на устранение препятствий, мешавших развитию производства и торговли.

Политические вопросы получили в программе Идальго меньшее отражение, чем социально-экономические.

Призывая к свержению колониального ига, он предполагал созвать затем конгресс из «представителей всех городов и селений», который должен был издать «мягкие и благодетельные законы», чтобы покончить с ограблением страны и нищетой населения, обеспечить прогресс промышленности, искусств и ремесел, свободное использование естественных богатств. Идальго не высказывался прямо относительно импонировавшей ему формы правления, но не раз выступал против монархической системы и, судя по всему, предпочитал республиканский строй. В конце сентября — начале октября 1810 г., беседа с креолами Гуанахуато, он заявил, что присяга, данная в свое время Фердинанду VII, не имеет больше силы. По словам одного из его сподвижников, установление монархии противоречило бы мировоззрению Идальго. Он с нетерпением ждал того дня, когда сможет передать власть правительству, избранному народом, и в качестве простого священника вернуться в свой приход¹⁴.

Обосновавшись в Гвадалахаре, Идальго приступил к организации управления на контролируемой повстанцами территории и с этой целью назначил двух министров — юстиции и иностранных дел. Одновременно был обновлен состав аудиенсии. Желая заключить договор о союзе и торговле с США, Идальго направил туда Паскасио Ортиса де Летону, но тот по дороге попал в плен к роялистам.

У восставших был свой печатный орган — еженедельная газета «Деспертадор американо», выходившая в Гвадалахаре в декабре 1810 — январе 1811 г. тиражом 2 тыс. экземпляров.

Отражая чаяния угнетенных, Идальго вместе с тем боялся оттолкнуть тех представителей имущих классов, которые еще поддерживали освободительное движение, а также стремился если не привлечь на свою сторону, то по крайней мере нейтрализовать креольскую элиту, передвинувшую в ходе событий в стан колонизаторов. Поэтому он настойчиво подчеркивал, что главной задачей патриотов является ликвидация испанского владычества и завоевание независимости. На это обстоятельство Идальго указывал еще в письме интенданту Рианьо 28 сентября. Прибыв в Гвадалахару, он поспешил проявить свою лояльность по отношению к креольским помещикам, издав 1 декабря декрет, в котором осуждал самовольные рек-

визиции вьючных животных, продовольствия и фуража, производимые иногда повстанцами «не только в поместьях европейцев, но и моих возлюбленных американцев», и категорически запрещал подобные действия¹⁵.

Стремление к объединению всех классов и слоев колониального населения в борьбе за независимость проходит красной нитью сквозь один из наиболее ярких документов, вышедших из-под пера Идальго,— манифест, опубликованный в начале декабря 1810 г. В первой части манифеста Идальго опровергал обвинения по своему адресу, содержащиеся в эдикте инквизиции. Он утверждал, что является правоверным католиком и никогда не был бы обвинен в ереси, если бы не боролся за освобождение народа от угнетения. Идальго указывал, что враги независимости пытаются использовать религию в своих целях. «Они лишь из политических соображений именуют себя католиками: их бог — деньги», — писал он.

Призывая к борьбе за свержение испанского господства, Идальго подчеркивал, что залог победы — совместные действия всех уроженцев Новой Испании против колонизаторов. «Американцы! Разорвем же позорные цепи, которыми мы скованы столько времени. Чтобы осуществить это, нам необходимо лишь единство. Если мы не будем сражаться друг против друга, то война закончится, и мы добьемся своих прав»¹⁶.

В первом номере газеты «Деспертадор американо» от 20 декабря было напечатано воззвание «Ко всем жителям Америки», фактически адресованное состоятельным креолам. Идальго напоминал им, что испанцы владеют самыми богатыми рудниками, обширными поместьями, занимают высшие и наиболее доходные административные и церковные должности. Он указывал, что если креолы хотят занять их место, то должны бороться в рядах повстанческих сил за независимость. В воззвании подчеркивалось, что революционное правительство решительно осуждает «экспессы», допущенные повстанцами по отношению к имущим классам, и приняло действенные меры для их предотвращения в дальнейшем. «Слепцы! — обращался Идальго к «доблестным креолам». — Оказывая сопротивление вашим братьям и освободителям, вы противитесь собственному благу»¹⁷.

Наиболее отчетливо позиция Идальго по отношению к помещичье-буржуазной креольской верхушке прояви-

лась в его обращении к «американской нации», опубликованном во второй половине декабря. Разоблачая клевету колонизаторов на освободительное движение и их попытки подавить его руками самих мексиканцев, Идальго призывал соотечественников, сражавшихся на стороне испанцев и составлявших большую часть их армии, дезертировать и присоединяться к патриотам. «Приободритесь, сыны родины,— писал он,— ибо настал день славы и счастья для Америки. Воспряньте, благородные души американцев, преодолите глубокое уныние, в которое вы были погружены!.. Если вам присуще чувство гуманности, если вас ужасает пролитие крови наших братьев... если вы жаждете общественного спокойствия, личной безопасности, безопасности семьи, имущества и процветания этого королевства, если вы хотите, чтобы это движение не выродилось в революцию, которой все американцы стараются избежать... в общем, если хотите быть счастливыми,— дезертируйте из войск европейцев и присоединяйтесь к нам». Идальго уверял, что единственная цель восставших — «отнять у европейцев управление и власть», и в то же время, учитывая настроения креольской элиты, подчеркивал, что если она желает сохранить свое имущество и предотвратить социальную революцию, то необходимо изолировать гачупинов и тогда «все это закончится в один день». «Но с величайшей сердечной скорбью мы заявляем,— указывал он,— что будем сражаться со всеми, кто выступит против наших справедливых стремлений»¹⁸.

Таким образом, Идальго в одних случаях излагал социально-экономическую программу, отвечавшую желаниям масс, в других же — умалчивал о ней, ограничиваясь призывами к свержению колониального ига и установлению независимости. Однако эта непоследовательность, отнюдь не означая коренного изменения его позиции, была обусловлена главным образом объективными условиями и расстановкой сил, а не заботой об имущих слоях. Поэтому точка зрения мексиканского ученого Л. Чавеса Ороско, который «нерешительность Идальго как социального реформатора» объясняет тем, что он «боролся прежде всего за интересы класса помещиков-креолов»¹⁹, не встретила поддержки со стороны большинства историков. В действительности во взглядах и деятельности священника из Долорес нашли отражение

стремления крестьянства и других групп трудового населения, а также наиболее радикальной части зарождавшейся мексиканской буржуазии.

В то время как Идальго находился в Гвадалахаре, освободительное движение продолжало распространяться на всё новые территории.

В декабре повстанцы под предводительством Хосе Марии Гонсалеса Эрмосильо предприняли поход в провинцию Синалоа и интендантство Сонору, однако после некоторых первоначальных успехов потерпели поражение. Значительно эффективнее были действия революционных сил в провинции Коауила.

В конце 1810 г. 10-тысячный отряд под командованием Хименеса двинулся по приказу Идальго к ее столице Сальтильо и, обратив в бегство испанцев, 7 января 1811 г. без боя занял этот город. Восстание охватило провинцию Новый Сантандер. В Нуэво-Леоне местные власти сами перешли на сторону восставших. Последние одержали победу и в Техасе, заняв 22 января его столицу Сан-Антонио-де-Бехар.

На развертывание революции колонизаторы отвечали жестоким террором. Бригадир Хосе де ла Крус, направленный в середине ноября 1810 г. для подавления партизанского движения в районе Уичапана, в течение месяца свирепствовал там. Он приказал своим подчиненным убивать жителей всех населенных пунктов, где обнаружат повстанцев, а сами селения сжигать. Кальеха 12 декабря распорядился за убийство каждого представителя власти, солдата или частного лица европейского происхождения казнить четырех человек из числа гражданского населения. Вслед за вступлением испанских войск в Вальядолид старший алькальд Рамон Уарте, временно назначенный интендантом Мичоакана, объявил, что те, у кого по истечении трехдневного срока найдут экземпляры декретов, воззваний, листовок или других документов патриотов, будут казнены ²⁰.

Несмотря на террор, восставшие, вынужденные подчас прибегать к суровым мерам по отношению к врагу, не допускали ничего похожего на зверства и произвол роялистов. Репрессии, осуществлявшиеся ими в отдельных случаях, вызывались яростным сопротивлением испанцев, а конфискация имущества богачей на нужды революции диктовалась необходимостью. В отличие от испанской

военщины, расправлявшейся не только с попавшими в плен повстанцами, но и с незащитными мирными жителями, патриоты старались по возможности оградить последних от тягот войны. Об этом свидетельствует, например, декрет, изданный 14 декабря 1810 г. одним из ближайших помощников Идальго — Хименесом, который грозил бойцам революционной армии строгими наказаниями за мародерство²¹. В то время как роялисты часто использовали церкви и монастыри для военных нужд, устраивали в них казармы или конюшни, нередко реквизировали драгоценную утварь и другое церковное и монастырское имущество, повстанцы обычно с величайшим уважением относились к духовным учреждениям и не посягали на их собственность.

В начале 1811 г. колониальные власти решили форсировать боевые операции против патриотических сил. Основным центром последних являлась в то время Гвадалахара, куда в середине декабря прибыл вновь сформированный отряд Альенде. Идальго удалось значительно пополнить свою армию за счет тысяч новых бойцов, стекавшихся отовсюду. Из арсенала Сан-Бласа в Гвадалахара доставили свыше 40 пушек (общее число их превысило 120). В конце декабря революционная армия насчитывала около 36 тыс., а к середине января — не менее 80 тыс. человек (по некоторым данным даже 100 тыс.). Поскольку огнестрельного оружия не хватало и большая часть войск была по-прежнему вооружена луками и пращами, повстанцы изготовили много мелких гранат. В городе велись оборонительные работы. Для отражения атак вражеской конницы сооружались заграждения в виде частокола с острыми железными зубцами. Обнародованное 31 декабря обращение вице-короля к населению Новой Галисии с требованием сложить оружие и выдать главарей «мятежа»²², несмотря на содержащиеся в нем угрозы, не возымело действия.

Узнав о том, что к Гвадалахаре движутся с разных сторон главные силы испанцев под командованием Кальехи и отряд бригадира Круса из Вальядолида, Идальго решил помешать им соединиться. Выслав часть войск на встречу Крусу, он сумел задержать его продвижение. Что же касается плана операций против армии Кальехи, то повстанческие командиры не придерживались единого мнения. На военном совете Идальго предложил исполь-

зовать для нанесения удара противнику все наличные людские ресурсы и дать бой на подступах к Гвадалахаре. Альенде отверг эту идею, заявив, что нельзя ставить судьбу восстания в зависимость от одного сражения. Он считал более целесообразным оставить Гвадалахару и разделить армию на несколько частей, которыми затем последовательно атаковать испанские войска. После долгих и горячих споров был принят вариант, предложенный Идальго.

Когда стало известно о приближении Кальехи, повстанцы отошли на восток от города и заняли оборону вдоль реки Лермы, в районе моста Кальдерон. 16 января произошло столкновение передовых частей и испанцам удалось захватить мост. На следующий день в бой вступили основные силы.

Кальеха имел всего 6 тыс. солдат, но они были дисциплинированы, прекрасно вооружены и обучены, располагали артиллерией и большим количеством боеприпасов. Патриоты обладали значительным численным превосходством, однако представляли собой неорганизованную, слабо подготовленную и плохо экипированную массу. Их пушки (частично деревянные, скрепленные железными обручами) в большинстве своем перевозились на громоздких, малоподвижных повозках, что крайне затрудняло смену огневых позиций. Тем не менее бойцы Идальго успешно отражали натиск врага. «Вперед, вперед, товарищи,— подбадривал их генералиссимус.— Так говорили первые мореплаватели, устремившиеся за великий океан».

Испанцам помог случай. Один из их снарядов попал в повозку с боеприпасами, в результате чего произошел сильный взрыв. Вокруг загорелась сухая трава, огонь быстро распространялся, а ветер дул в лицо повстанцам, и их вскоре окутали густые клубы дыма. Это вызвало смятение, и под усилившимся нажимом противника армии Идальго пришлось отступить. Ее потери были весьма велики, хотя точные цифры неизвестны. 21 января роялисты вступили в Гвадалахару.

Поражение при Кальдероне оказало деморализующее действие на восставших, многие из которых стали покидать ряды революционных войск. Этому способствовали и мероприятия колониальной администрации, испанского командования и католической церкви. 19 января вице-

король издал указ, объявлявший государственной изменой хранение материалов патриотического характера и предписывавший публично сжечь их. 23 января последовал приказ Кальехи, который грозил смертью за участие в восстании, в частности, всем лицам, захваченным с оружием в руках. Инквизиция, в свою очередь, так и не добившись, несмотря на неоднократные требования, чтобы Идальго пришел с повинной, опубликовала 26 января еще один эдикт, содержащий новые нападки на него и опять угрожавший суровыми наказаниями за чтение и хранение любых документов повстанцев ²³.

7 февраля трибунал инквизиции предъявил Идальго обвинение, изложенное в пространном акте, состоявшем из 53 разделов. Его обвиняли в том, что он «еретик, отступник от святой веры, атеист, материалист, деист, развратник, бунтовщик, схизматик, иудействующий, лютеранин, кальвинист, преступник против божеской и человеческой власти, богохульник, жестокий враг христианской религии и государства, злобный, похотливый, лицемерный, коварный совратитель, изменник королю и родине». Кроме того, ему инкриминировались неуважение к папе римскому, высказывания в пользу «французской свободы» и стремление установить ее в Новой Испании, осуждение деспотизма монархического строя, чтение запрещенной литературы и т. д. Подробно перечислив «преступления» Идальго против церкви и короля, трибунал требовал предать его суду инквизиции и в случае, если он не признается в своих «прегрешениях», подвергнуть пытке ²⁴. Поскольку Идальго находился за пределами досягаемости, инквизиторы решили судить его заочно.

Наряду с репрессиями, угрозами и преданием анафеме колонизаторы пытались воздействовать на восставших и иными методами. С этой целью вице-король в соответствии с декретом испанских кортесов объявил 11 февраля об амнистии всем «мятежникам», которые сдадутся властям. А спустя четыре дня епископ Абад-и-Кейпо призвал повстанцев поскорее воспользоваться «милосердием» вице-короля ²⁵. Но поскольку патриоты продолжали свою героическую борьбу, роялисты то и дело прибегали к новым угрозам. Так, бригадир Крус, временно поставленный во главе военного и гражданского управления Новой Галисии, 23 февраля потребовал под страхом смертной казни сдать в течение суток все оружие и сна-

ряжение, а также заявил, что в тех населенных пунктах, где повстанцам окажут содействие, будет казнен каждый десятый²⁶. Усиление террора испанских властей и их посулы в условиях известной деморализации патриотических сил, вызванной военным поражением, сыграли определенную роль.

Разложению революционной армии способствовало также обострение разногласий между ее руководителями. После разгрома при Кальдероне сильно поредевшие повстанческие отряды отступили на север, в Сакатекас. В пути Идальго был смещен своими сподвижниками, возложившими на него всю ответственность за поражение, и пост генералиссимуса занял Альенде. Он и его окружение совсем перестали считаться с мнением Идальго, не доверяли ему и следили за каждым шагом бывшего генералиссимуса. Но, учитывая огромную личную популярность вождя восстания, они скрывали, что сместили его. Идальго по-прежнему подписывал все документы, а в некоторых случаях даже сам составлял их.

Между тем колониальные власти активизировали действия по ликвидации очагов освободительного движения. Пользуясь благоприятной обстановкой, на местах подняли голову контрреволюционные элементы, стремившиеся к восстановлению прежних порядков. 31 января они устроили переворот в Сан-Бласе и почти одновременно в Тепике. Оба эти города вскоре заняли испанские войска. 1 марта произошел переворот в Сан-Антонио-де-Бехар, а затем и в Сан-Луис-Потоси, куда 5 марта вступили части Кальехи. Местные революционные лидеры были схвачены, выданы испанскому командованию и казнены. Роялисты по пятам преследовали отходившие на север остатки главных сил повстанцев. Едва последние оставили Сакатекас, как городом овладели испанские войска. Альенде отступил в Сальтильо, где соединился с находившимся здесь отрядом Хименеса, но общая численность обоих отрядов не превышала 4—5 тыс. плохо вооруженных бойцов, а чрезвычайно редкое население Коауилы не могло оказать сколько-нибудь существенной помощи патриотам.

Тем не менее последние даже в такой тяжелой обстановке не собирались прекращать борьбу. Получив в начале марта предложение властей об амнистии, если восставшие сдадутся на милость победителя, Идальго от

имени своего и Альенде ответил, что «амнистия предназначена преступникам, а не защитникам родины». Он заявил, что повстанцы не сложат оружия до тех пор, пока не свергнут угнетателей, и что они полны решимости не вступать ни в какие переговоры, если последние не будут вестись на основе признания свободы нации и неотчуждаемых прав человека. В этом документе он впервые употребил выражение «мексиканская нация»²⁷. 16 марта руководители повстанцев собрали военный совет, где решили, оставив в Сальтильо часть сил под командованием адвоката Игнасио Лопеса Района, идти дальше на север, к Монклове. Принимая это решение, имевшее роковые последствия, они, конечно, не могли предвидеть того, что произойдет на следующий день.

17 марта бывший роялистский офицер-креол, подполковник Игнасио Элисондо, недавно перешедший на сторону патриотов, ввел свои войска в Монклову и арестовал представителей местных революционных властей. Узнав из перехваченного письма о планах повстанцев, он немедленно выступил им навстречу и возле родников Бахана (южнее Монкловы), за холмом и крутым поворотом дороги, устроил засаду. Утром 21 марта двухтысячная колонна — все, что осталось от повстанческой армии, — приблизилась к Бахану. Переход через пустынную и безводную местность был очень утомителен, и измученные, усталые люди, ничего не подозревая, двигались в беспорядке, сильно растянувшись. Впереди, подымая клубы пыли, ехали на большом расстоянии друг от друга кареты с командирами и всадники, затем шла пехота, а сзади следовала артиллерия. Вследствие этого карета за каретой, группа за группой, обогнув холм и скрывшись из виду, попадали в руки изменников. Кое-кто пытался сопротивляться, но безуспешно*.

Всех пленных отправили в Монклову, а затем Идальго, Альенде, Хименеса и некоторых других руководителей восстания, закованных в кандалы, повезли для суда в Чиуауа, где размещался штаб командующего войсками «внутренних провинций Запада» Немесио Сальседо.

Главной причиной, побудившей военные власти судить Идальго и его соратников на месте, не передавая в

* Вдохновителем предательских действий Элисондо был епископ Марин де Поррас.

руки инквизиции, которая обычно вела судебные процессы очень медленно, было желание поскорее расправиться с ненавистными «бунтовщиками». К тому же они боялись, что если везти Идальго в столицу, то по пути следования могут вспыхнуть народные волнения. Основания для таких опасений безусловно имелись, так как весть о захвате в плен руководящего ядра повстанцев быстро распространилась по всей стране, и сторонники независимости решили сделать все возможное, чтобы вырвать Идальго и его товарищей из лап колонизаторов.

Так, в апреле 1811 г. в Мехико возник заговор, возглавляемый отважной женщиной Марианой Родригес дель Торо. Заговорщики намеревались, похитив вице-короля, заставить его отдать приказ об освобождении Идальго и остальных патриотов. Они тщательно разработали план операции и даже назначили день ее проведения. Однако накануне вечером участвовавший в заговоре Хосе Мария Гальярдо рассказал обо всем на исповеди священнику, а тот немедленно доложил властям. Гальярдо тотчас же арестовали и при допросе он выдал сообщников. Некоторых из них схватили в ту же ночь. В числе других в тюрьму были брошены Мариана Родригес с мужем, томившиеся затем в заключении около десяти лет.

Учитывая настроения населения и боясь каких-либо демонстраций с его стороны, бригадир Сальседо перед прибытием пленных в Чиуауа запретил горожанам, когда узников повезут по улицам, собираться группами и иметь при себе оружие.

Следствие и суд велись ускоренными темпами. Все лидеры восставших, за исключением Абасоло, который настойчиво старался умалить степень своего участия в революционном движении, держались мужественно. Идальго вел себя в ходе следствия, происходившего с 7 по 9 мая, спокойно и твердо. Он бесстрашно отстаивал свои взгляды и решительно отвергал все попытки извратить его намерения. После допроса дело Идальго перешло в военный суд, который вынес смертный приговор, утвержденный затем Сальседо. Та же участь постигла Альенде, Хименеса, Хуана Альдаму, брата Идальго — Мариано и других его сподвижников, а также многих рядовых участников восстания. Только Абасоло ценой раскаяния купил себе жизнь. В течение мая-июня в Чиуауа и Монклове были казнены более 300 патриотов.

Утром 29 июля представители церковных властей публично совершили акт снятия с Идальго духовного сана. Его заставили опуститься на колени и одну за другой сорвали одежды священника. Во время этой унижительной для верующего католика церемонии он держался внешне невозмутимо, ничем не выдавая своих переживаний, а потом с таким же спокойствием выслушал прочитанный ему приговор. В ожидании казни Идальго проявил исключительное самообладание и хладнокровие. Он позавтракал, пообедал и поужинал. На стене камеры написал свои предсмертные стихи. В ночь перед казнью крепко спал.

Отважного священника расстреляли утром 30 июля во дворе госпиталя, где его содержали под стражей. По приказу военных властей место казни было оцеплено плотным кольцом войск, а для приведения приговора в исполнение сформировано специальное подразделение численностью около 200 солдат. Идальго вывели из камеры, крепко привязали ружейными ремнями к столбу и завязали глаза. Он стоял с распятием в руках. Большинство людей, присутствовавших при казни, плакало, а у солдат так сильно дрожали руки, что они не сразу смогли попасть в цель. Поэтому после первого залпа Идальго продолжал оставаться на ногах. От сильной боли он согнулся, повязка, закрывавшая глаза, сползла, и Идальго посмотрел на своих палачей, однако не проронил ни слова. Когда прозвучал следующий залп, он, опять раненный, лишь слегка вздрогнул. И после третьего залпа, весь израненный, Идальго был еще жив. Тогда лейтенант, командовавший при расстреле, приказал двум солдатам приставить дула своих ружей к сердцу Идальго и прикончить его.

Труп выставили для всеобщего обозрения, а потом обезглавили.

Головы Идальго, Альенде, Хуана Альдамы и Хименеса были по распоряжению колониальных властей отвезены в Гуанахуато и помещены в железные клетки, установленные для устрашения народа по углам «Алондиги де Гранадитас».

Через несколько дней после казни Идальго, 3 августа 1811 г., столичная «Гасета де Мехико» напечатала копию якобы написанного им заявления, датированного 18 мая того же года. Автор его называл восстание против испан-

ского господства преступлением перед богом и королем, выражал глубокое раскаяние в своих действиях, осуждал их и призывал повстанцев немедленно прекратить борьбу²⁸. Однако содержание этого документа противоречило убеждениям и мужественному поведению Идальго на следствии и суде. Большинство современников и историков отрицают подлинность названного заявления и рассматривают его как апокриф, составленный по указанию испанской администрации с целью дискредитировать освободительное движение и вызвать разброд среди его участников. Так, хорошо информированный английский дипломат Генри Джордж Уорд, знакомый с мексиканскими событиями того периода, писал: «Я слышал, будто даже испанцы признают, что опубликованные в то время сообщения об их (Идальго и его соратников.— М. А.) покаянии были вымышленными»²⁹.

В ходе народного восстания, на протяжении полугода потрясавшего основы колониального режима Новой Испании, армия Идальго неоднократно одерживала победы над испанскими войсками и освободила обширную территорию. Повстанцы пытались ликвидировать рабство, покончить с расовой дискриминацией, упразднить принудительные повинности, отменить торговые монополии, а также вернуть индейцам отнятые у них земли. Восстание явилось началом вооруженной борьбы мексиканского народа за независимость, социально-экономические и политические преобразования, которую после гибели Идальго продолжили другие борцы за свободу.

ГЕНЕРАЛ ИЛИ КАПЕЛЛАН?

Пленением и казнью Идальго и его сподвижников патриотам был нанесен сильный удар. Неорганизованные, плохо вооруженные массы восставших не смогли устоять под натиском объединенных сил колониальной администрации, католической церкви и креольской элиты, опиравшихся на регулярную армию. Подавляя революционное движение силой оружия, испанцы вместе с тем старались подорвать его изнутри, декларируя различные реформы в интересах жителей колоний.

Еще 24 сентября 1810 г. на острове Леон, близ Кадиса, открылись заседания кортесов* (в феврале следующего года перебравшихся в Кадис). Среди депутатов имелись и представители испанских колоний в Америке. То были креолы, проживавшие в метрополии. 15 октября кортесы объявили, что заморским владениям Испании гарантируются одинаковые права с ее европейскими провинциями. Эта мера имела целью удержать испаноамериканцев, которые уже сместили колониальные власти в Каракасе, Буэнос-Айресе, Боготе, под испанским господством и предотвратить распространение восстания на другие регионы. Декретировалась также всеобщая и полная амнистия за все политические преступления при условии, если «виновные» безоговорочно признают власть испанской монархии. 10 ноября была прокламирована свобода печати.

В середине декабря депутаты, представлявшие Испанскую Америку, внесли предложения, предусматривавшие введение свободы торговли, отмену ограничений развития промышленности и сельского хозяйства, ликвидацию монополий, равноправие колонистов и уроженцев метрополии. Обсуждение этих требований затянулось. Но в январе — феврале 1811 г. кортесы упразднили ртутную моно-

* Учредительное собрание Испании.

полию*, признали за креолами, метисами и индейцами право занимать административные, военные и церковные должности. 13 марта они подтвердили указ Регентского совета об отмене подушной подати индейцев (распространенный вице-королем Венегасом на самбо, мулатов, негров) и обещание раздать им земли. Колониальным властям предписывалось строго выполнять изданные в 1786 и 1800 гг. королевские указы, запрещавшие принудительное распределение товаров среди коренного населения¹. 5 апреля в Мехико было объявлено, что правительство Испании дарует прощение тем повстанцам, которые сами явятся с повинной.

Однако, несмотря на маневры роялистов и понесенные серьезные поражения, освободительная борьба продолжалась, хотя масштабы ее в течение некоторого времени были далеко не те, что в 1810 г. Тем не менее к концу 1811 г. восстание охватило большую часть вице-королевства. Но теперь формы движения несколько изменились. После захвата в плен Идальго и его соратников не стало признанного всеми сторонниками независимости руководства и единого центра. Появилось много крупных и мелких повстанческих отрядов, каждый из которых действовал на свой страх и риск. Они были почти или совсем не связаны друг с другом. Вооруженная борьба, шедшая с переменным успехом, приняла локальный характер.

Игнасио Лопес Район, узнав о трагических событиях, разыгравшихся близ родников Бахана, в конце марта покинул Сальтильо, которому угрожали испанцы. 15 апреля его отряд, заметно поредевший в пути, вступил в Сакатекас, однако при приближении войск Кальехи ему пришлось оставить этот город, 3 мая без боя занятый противником. Район отошел дальше на юг, в Мичоакан, и близ Пацкуаро соединился с несколькими другими группами повстанцев. В конце месяца они совместно предприняли

* До этого времени разработка залежей ртути в испанских колониях в Америке, в том числе в Новой Испании, запрещалась. Ртуть поступала туда только из метрополии, и распределение ее контролировали королевские чиновники, которые за соответствующую мзду снабжали прежде всего богатых горнопромышленников, а владельцы мелких рудников зачастую не могли получить необходимое им количество. Таким образом, ртутная монополия препятствовала развитию горнодобывающей промышленности.

попытку захватить Вальядолид, но безрезультатно. Все же им удалось блокировать город. Доведя численность своих сил до 10—12 тыс. человек, восставшие во второй половине июля вторично попытались овладеть Вальядолидом, но и на этот раз успеха не имели.

Более успешно развивалось революционное движение в интендантстве Мехико, где многочисленные партизанские отряды нападали на асьенды и мелкие населенные пункты. Связь между столицей и другими городами почти совсем прервалась, а торговля оказалась в значительной мере парализованной.

В самом Мехико проявляло активность тайное общество «Лос Гуадалупес», выступавшее под лозунгом борьбы за независимость. Ядро его составляла патриотически настроенная интеллигенция. Руководящую роль играли адвокаты Хуан Рас-и-Гусман, Мануэль Диас, Хосе Игнасио Эспиноса. С этой организацией были тесно связаны некоторые представители духовенства, офицеры, чиновники, литераторы, в частности писатель Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди, поэт и публицист Андрес Кинтана Роо, известный впоследствии историк Карлос Мария де Бустаманте. Члены ее ориентировались главным образом на имущие слои населения и пренебрежительно относились к простому народу. Однако они поддерживали постоянный контакт с руководителями революционных сил, которым регулярно передавали ценную информацию о численности, дислокации, передвижениях роялистов и планах испанского командования, политической обстановке в Новой Испании и метрополии, а также доставляли оружие и снаряжение. Их деятельность была так тщательно законспирирована (письма, адресованные командирам повстанцев, в большинстве случаев подписывались псевдонимами или условными цифровыми обозначениями: «номер 1», «номер 2», «номер 12» и т. д.), что власти в течение нескольких лет не могли обнаружить эту организацию². Вице-король в раздражении называл ее «дьявольской хунтой».

В июле 1811 г. в Мехико возник новый антииспанский заговор. Участники его (подобно своим предшественникам в апреле того же года) собирались напасть на вице-короля, когда он выйдет на обычную вечернюю прогулку. Они рассчитывали, перебив охрану, похитить Венегаса и переправить его в расположение повстанцев, а затем

добиться передачи управления страной Району. Акция намечалась на 3 августа, но накануне вследствие предательства одного из заговорщиков их планы были раскрыты. Организаторов заговора арестовали и после непродолжительного следствия и суда казнили.

Внушительного размаха достигла партизанская борьба в интендантстве Гуанахуато. Там действовали конные отряды Альбино Гарсии, состоявшие главным образом из крестьян — метисов и мулатов, которых во время боевых операций активно поддерживали индейцы. Сам Гарсия происходил из крестьянской семьи. Он присоединился к повстанцам, когда Идальго занял Гуанахуато, и вскоре получил офицерское звание (совершенно не владея парализованной левой рукой — в связи с этим его прозвали «Эль-Манко» — «Однорукий», — Гарсия очень ловко и точно бросал лассо правой).

Восстание охватило также ряд районов Сан-Луис-Потоси, Нового Сантандера и других провинций. Близ Ситакуаро Бенедикто Лопес нанес в апреле 1811 г. чувствительное поражение испанским войскам, потерявшим при этом все свое вооружение, боеприпасы и свыше 300 человек пленными.

Наибольших успехов добились патриоты в южной части Новой Испании, где освободительное движение возглавил ученик и соратник Идальго — Хосе Мария Морелос-и-Павон.

Этот выдающийся борец за независимость родился 30 сентября 1765 г. в Вальядолиде. Его отец был плотником, а мать — дочерью школьного учителя. Согласно свидетельству о рождении и по словам самого Морелоса, родители являлись креолами, однако большинство историков считает его в действительности метисом или самбо, т. е. человеком смешанного индейско-европейского или негритянско-индейского происхождения.

В детстве и юности Хосе Марии жилось нелегко. Еще совсем ребенком ему пришлось помогать отцу. Времени для обычных детских игр и развлечений почти не оставалось. Но уже в этом раннем возрасте дед с материнской стороны научил мальчика грамоте и арифметике. Он сумел привить внуку любовь к чтению и желание учиться дальше. Однако удовлетворить тягу к знаниям помешали домашние неурядицы. В 1776 г. престарелый дон Хосе Антонио скончался, а вскоре отец, забрав шестилетнего

Николаса, оставил жену со старшим сыном и грудным младенцем на руках. Подросток оказался, по существу, единственным кормильцем семьи. 14 лет от роду он нанялся на асьенду своего дяди Фелипе, находившуюся близ Апацингана. Проработав некоторое время в качестве батрака, юноша стал погонщиком мулов, принадлежавших дяде. Сопровождаемые Хосе Марией вьючные транспорты с грузами товаров совершали рейсы между Мехико и тихоокеанским портом Акапулько.

Под влиянием матери, мечтавшей увидеть своего первенца священником, молодой человек в возрасте 25 лет поступил в вальядолидский коллежио Сан Николас, ректором которого являлся тогда Идальго. Проучившись там около двух лет, он в октябре 1792 г. перешел в Тридентскую семинарию (находившуюся в том же городе), где изучал философию и риторику. В апреле 1795 г. Морелос успешно сдал экзамен при столичном университете и получил степень бакалавра искусств, а в декабре этого года был посвящен в духовный сан. Вскоре он стал преподавать грамматику и риторику в начальной школе Уруапана (интендантство Мичоакан). Получаемое им очень скромное жалованье давало ему возможность материально поддерживать мать и младшую сестру Марию Антонию.

В конце 1797 г. Морелоса возвели в сан священника и вслед за тем назначили в небольшой и бедный приход Чурумукто, на самом юге Мичоакана. 32-летний священник отправился туда вместе с матерью и сестрой, но для пожилой женщины изнурительная жара оказалась губительной. Она серьезно заболела, и ей пришлось в сопровождении дочери вернуться в родные края. Морелос же обратился к епископу с просьбой дать ему другой приход, в зоне с более умеренным климатом.

Просьба о переводе была, однако, удовлетворена уже после смерти матери.

В марте 1799 г. Морелоса перевели в более многочисленный приход Каракуаро, неподалеку от Чурумукто. Но тамошний климат оказался не менее жарким. В этом селении, расположенном в юго-восточной части Мичоакана, Морелос провел 11 лет своей жизни. Он пользовался любовью и уважением прихожан. Все окрестное население хорошо знало этого крепкого, коренастого человека, с резкими чертами смуглого лица и проницательным взглядом. Остроумный и общительный, он отличался исключи-

тельной скромностью и тактом. Поскольку даже мизерное жалованье сельского священника выплачивалось крайне нерегулярно, Морелос завел небольшое скотоводческое хозяйство, продукция которого находила сбыт в главном городе интендантства. Но ранчо являлось для него всего лишь добавочным источником средств к существованию и никак не служило целям обогащения. О равнодушии Морелоса к материальным благам свидетельствует хотя бы тот факт, что все имущество, унаследованное от матери, он отдал сестре. Редкостное бескорыстие священника в немалой степени способствовало его популярности среди паствы. А то обстоятельство, что он не слишком строго соблюдал некоторые запреты, налагаемые католической церковью, и был отцом нескольких детей, родившихся в Каракуаро на протяжении первого десятилетия XIX в., едва ли особенно ставилось ему в вину.

Точных данных об участии Морелоса в революционном движении до 1810 г. нет, но, находясь в стенах коллегии Сан Николас, он несомненно испытал на себе влияние передовых убеждений своего учителя. Вероятно, они не раз виделись и впоследствии (скорее всего в Вальядолиде). Вряд ли Морелос мог не знать о планах бывшего наставника. Как только прозвучал «Клич Долорес», он, не колеблясь, решил присоединиться к восставшим. Встреча двух священников произошла в конце октября, когда Идальго, покинув Вальядолид, направился к столице. Морелос хотел вступить в повстанческую армию в качестве капеллана, но Идальго поручил ему набор пополнений на южном побережье и, давая это задание, сказал: «Тебе больше пристало быть генералом, чем капелланом»³.

После неудачных попыток овладеть портом Акапулько (февраль 1811 г.) отряд Морелоса, состоявший главным образом из пеонов и ранчеро — индейцев, негров, метисов, мулатов, — двинулся на север. 24 мая он занял Чильпансинго, а через день Тистлу. Задержавшись на некоторое время в этом районе, Морелос в середине августа отразил контрнаступление испанских войск в направлении Тистлы, нанеся им большой урон. Затем он повел повстанцев, численность которых уже превышала полторы тысячи человек, дальше на восток и через три дня захватил Чилапу.

К тому времени Игнасио Лопес Район, обосновавшийся с июня 1811 г. в Ситакуаро, выступая как преемник

Идальго, предложил образовать руководящий орган восстания. Эту идею одобрили Морелос и другие лидеры патриотов, признававшие необходимость создания такого центра. 19 августа Район созвал зажиточных горожан и окрестных землевладельцев, которые приняли решение об учреждении Верховной национальной хунты Америки во главе с Районом. В состав ее вошли также Хосе Мария Лисеага, священник Хосе Систо Вердуско, а в дальнейшем и Морелос. Хунта поддерживала связь с упоминавшейся выше тайной организацией «Лос Гуадалупес». Видную роль в деятельности ситакуарской хунты играли священник Хосе Мария Кос, который с мая 1812 г. начал выпускать еженедельник «Илюстрадор американо», и Кинтана Роо, издававший еженедельник «Семанарио патриотико американо».

Подобно Альенде и его единомышленникам, хунта выражала интересы тех креольских помещиков и купцов, которые не перешли на сторону колонизаторов и, оставшись в революционном лагере, составили умеренное правое крыло освободительного движения. Район и его окружение придавали решающее значение чисто военным факторам и явно склонялись к компромиссу с испанскими властями при условии некоторых политических и экономических уступок имущим классам. Не заявляя открыто или лишь в общей форме упоминая о том, что патриоты добиваются независимости, ситакуарская хунта постоянно подчеркивала свою лояльность по отношению к Фердинанду VII. Об этом Район и Лисеага еще 22 апреля писали Кальехе, предлагая созвать Национальный конгресс, что привело бы, по их словам, к прекращению революционного движения. В письме Морелосу от 4 сентября члены хунты указывали, что последняя по «тактическим соображениям» должна выступать от имени Фердинанда VII, ибо это поможет ей привлечь на свою сторону тех креолов, которые чувствуют себя связанными присягой «законному» монарху⁴. Этого принципа они упорно придерживались во всех документах.

Деятельность хунты характеризовалась колебаниями и непоследовательностью, отсутствием четкой политической платформы, игнорированием коренных экономических и социальных проблем, волновавших широкие слои населения. Этим главным образом и объяснялось то, что, претендуя на руководство восстанием, она не пользовалась

авторитетом у большинства патриотов, а многие партизанские командиры вообще отказывались подчиняться ей. Морелос и его сторонники, представлявшие радикальное крыло освободительного движения, решительно возражали против того, чтобы провозглашать целью борьбы восстановление власти Фердинанда VII. Они выдвигали также ряд политических и социально-экономических требований, не находивших отклика у ситакуарской хунты.

Из-за споров с руководителями хунты Морелос практически не участвовал в ее деятельности. Продолжая собирать патриотические силы на юге страны, он установил связи с другими революционными центрами и партизанскими отрядами. В середине ноября 1811 г. Морелос активизировал свои действия. Он занял Тлапу, вслед за тем штурмом овладел Чаутлой и направился дальше на север. Нанеся поражение преградившим ему путь испанским войскам, Морелос 25 декабря вступил в Куаутлу, после чего пошел на соединение с отрядом Галеаны, занявшим Таско. В конце года повстанцы захватили важный административный и торговый центр Теуакан.

Армия Морелоса насчитывала в то время около 9 тыс. человек. Большую часть ее составляла пехота, состоявшая из девяти полков. Кроме того, командование располагало резервом в количестве восьми отборных рот, которые бросало на самые ответственные участки. В его распоряжении имелись также кавалерийские формирования. Бойцы Морелоса отличались мужеством, выносливостью, дисциплинованностью, преданностью своему делу и стойкостью в сражении. Они были кое-как одеты и обуты, а многие даже полураздеты, но зато неплохо обучены и вооружены трофейным огнестрельным и самодельным холодным оружием.

В последние месяцы 1811 г. патриоты и в других районах добились новых успехов и значительно расширили сферу боевых операций. Хотя крупные города, в том числе портовые, находились под контролем роялистов, за пределами их действовали партизаны, постоянно угрожавшие этим центрам, особенно когда их оставляли испанские войска. В конце ноября 12-тысячный отряд Альбино Гарсии атаковал Гуанахуато. Потерпев неудачу, повстанцы все же сохранили свои позиции в окрестностях города.

В соседнем Мичоакане единственным населенным пунктом, который прочно удерживали испанцы, оставал-

ся Вальядолид. Не прекращались бои вокруг превращенного в крепость Керетаро. Связь между этим городом и столицей вице-королевства была нарушена.

Заметного развития достигло революционное движение в восточной части интендантства Мехико, откуда оно постепенно распространилось на юг и вскоре охватило территорию Тласкалы. В горах Пуэблы появился партизанский отряд Хосе Франсиско Осорно. Сообщение между Мехико и Веракрусом прервалось. К концу года интендантства Гуанахуато, Гвадалахара, Мичоакан, Сакатекас, значительная часть Пуэблы, Веракруса, Сан-Луис-Потоси и Мехико оказались почти целиком в руках восставших, в то время как испанские гарнизоны держались лишь в немногих городах.

Встревоженные колониальные власти принимали меры к увеличению численности карательных войск. По предложению Кальехи в каждом городе были созданы пехотные или кавалерийские части, главным образом из состоятельных жителей, а на асьендах и ранчо — конные подразделения. Лицам же, не вступившим в эти формирования, запрещалось иметь какое-либо оружие. Глава военного и гражданского управления Новой Галисии Крус установил 25 июня денежное вознаграждение размером от 50 до 500 песо за голову каждого «мятежника» (в зависимости от ранга). Полицейские правила, изданные 22 августа, запрещали жителям столицы менять квартиру, нанимать новых слуг, принимать гостей после полуночи, не ночевать дома более двух ночей подряд без ведома властей. Соборный капитул Мехико в пастырском послании 10 сентября призвал духовенство и верующих сохранять верность королю. Пять дней спустя епископ Пуэблы опубликовал обращенное к повстанцам воззвание, в котором пытался убедить «возлюбленных братьев во Христе» отказаться от вооруженной борьбы⁵.

В конце 1811 — начале 1812 г. роялисты решили направить главный удар против ситакуарской хунты. Еще 28 сентября Кальеха назначил награды в 10 тыс. песо за головы Района и его помощников. 1 января пятитысячная испанская армия подошла к Ситакуаро и на следующий день выбила повстанцев из города. Часть захваченных испанцами пленных была расстреляна. Не удовлетворившись этим, Кальеха принял решение стереть Ситакуаро с лица земли. 5 января он приказал конфисковать имущество го-

рожан, поддерживавших восстание, выселить всех жителей, а город разрушить и сжечь. При этом испанское командование объявило, что подобная же участь ждет каждый населенный пункт, в котором найдет убежище кто-либо из членов или уполномоченных ситакуарской хунты.

Понесенное поражение деморализовало Района и его приверженцев, перенесших свою резиденцию в Сультепек, расположенный юго-восточнее Ситакуаро. Их капитулянтские настроения отражало направленное 16 марта вице-королю обращение к уроженцам метрополии, составленное Х. М. Косом и одобренное хунтой. В этом документе высказывалась готовность прекратить борьбу при условии признания колоний составной частью монархии на равных правах с Испанией⁶. Таким же духом был проникнут и проект «Основ конституции», разработанный примерно в тот же период Районом. Хотя проект декларировал «свободу и независимость Америки», запрещение рабства, отмену ограничений внешней торговли, свободу печати, неприкосновенность жилища и даже созыв национального конгресса (правда, с весьма узкой компетенцией), он исходил из принципа сохранения суверенитета Фердинанда VII⁷.

Между тем, несмотря на взятие Ситакуаро и прибытие в середине января подкреплений из Испании, положение колонизаторов продолжало оставаться достаточно опасным. Столица была окружена повстанцами, торговля с внутренними районами парализована, связь с Веракрусом, Оахакой и Акапулько прервана. Доставка ртути и пороха на рудники стала невозможна, в связи с чем многие из них пришлось закрыть. Доходы казны значительно уменьшились. В Мехико ощущался недостаток предметов первой необходимости.

После разрушения Ситакуаро колониальные власти считали наиболее серьезной угрозой отряды Морелоса, против которых и решили направить основной удар. В феврале 1812 г. армию Кальехи перебросили к Куаутле, где Морелос сосредоточил главные силы. Эти части состояли в большинстве своем из негров и мулатов. Повстанческие отряды, объединенные под общим командованием Морелоса, возглавляли Эрменехильдо Галеана, Леонардо Браво и Мариано Матаморос.

Защитники города основательно подготовились к обороне: на подступах к нему и на городских улицах вырыли траншеи, возвели валы с амбразурами и бойницами, укре-

или нижние этажи домов. Подойдя к Куаутле, Кальеха попытался 19 февраля овладеть ею с ходу. Его войска двигались четырьмя колоннами, имея в центре артиллерию. Повстанцы подпустили их довольно близко, а затем открыли такой сильный огонь, что испанцам пришлось поспешно отойти. Безрезультатными оказались и все последующие атаки. Ожесточенный бой продолжался с 7 часов утра до 3 часов дня. Наконец, убедившись в провале наступления, Кальеха отказался от дальнейших попыток штурма Куаутлы. Вынужденные перейти к осаде, испанские войска 10 марта приступили к интенсивному артиллерийскому обстрелу города, но и это не сломило сопротивление осажденных. Бреши, пробитые днем в городских стенах, ночью заделывались, и на следующее утро осаждающим приходилось начинать все сначала. Кальеха понял, что надо ориентироваться на длительную блокаду, так как единственный способ добиться цели — взять патриотов измором.

Отрезанные от внешнего мира, бойцы Морелоса страдали от голода и недостатка воды, от чумы, уносившей ежедневно 20—30 человеческих жизней, но героически переносили все лишения. Их моральный дух был чрезвычайно высок. Это засвидетельствовал сам Кальеха, писавший 24 апреля вице-королю: «Если бы упорство и энергия защитников Куаутлы определялись высокими моральными принципами и служили справедливому делу, они могли бы занять выдающееся место в истории»⁸. Морелос объявил, что всякого, кто заговорит о капитуляции, ждет смерть.

Стремясь деморализовать осажденных, Кальеха направил им копию акта об амнистии, декретированной 9 ноября 1811 г. кортесами. Но повстанцы не собирались сдаваться. В ночь на 2 мая, бесшумно сняв передовые посты противника, они под покровом темноты незаметно оставили город. Вместе с ними ушло и немало жителей. Испанцы поняли, что произошло, только когда колонна уже переправилась через реку Куаутлу. Начав преследование, они атаковали уходивших с тыла и флангов. Ввиду очевидно-го численного превосходства роялистов Морелос после непродолжительного боя приказал своим людям рассредоточиться, предварительно назначив место сбора. Сам он при падении с лошади сломал два ребра, но все-таки сумел скрыться.

Патриоты понесли крупные потери, однако еще больше пострадало безоружное гражданское население. На нем Кальеха, упустив Морелосу и его помощников, выместил свою ярость и досаду, причем не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. 4 мая он доносил вице-королю, что дорога на расстоянии 7 лиг (т. е. почти 40 км) от Куаутлы была сплошь покрыта трупами⁹.

Героическая оборона Куаутлы — одна из славных страниц истории войны за независимость. Хотя в конечном счете правительственные войска овладели ее развалинами, Морелосу удалось в течение двух с половиной месяцев сковывать крупные силы врага, а затем уйти у него из-под носа, сохранив основное революционное ядро.

Чрезвычайно высокую оценку полководческому искусству Морелосу, проявленному при защите Куаутлы, дали такие выдающиеся знатоки военного дела, как Наполеон и Веллингтон. Первый из них в этой связи сказал: «Будь Морелос французом, я сделал бы его маршалом». А английский полководец, узнав об обстоятельствах осады Куаутлы, с похвалой отзывался о «мудрости и мужестве генерала, который ее обороняет»¹⁰. Историк Лукас Аламан заявил по этому поводу, что хотя «победу одержали роялисты, слава несомненно досталась Морелосу»¹¹. Репутация же Кальехи как военачальника сильно пострадала. Вскоре после возвращения его «победоносной» армии в Мехико на столичной сцене с большим успехом была поставлена комедия, в которой по ходу действия один из персонажей по окончании сражения преподносил своему начальнику тюрбан, докладывая: «Вот тюрбан мавра, которого я взял в плен!». На вопрос же: «А где сам мавр?», — незадачливый вояка под взрывы хохота зрителей отвечал: «Он, к сожалению, удрал!»¹².

Поражение Морелосу и падение Куаутлы укрепили позиции испанцев, которые активизировались и в других районах. В Новой Галисии они в начале апреля разгромили отряд Торреса, причем последний тяжело раненым был взят в плен. Его повезли в Гвадалахару на повозке. В ходе допроса от Торреса требовали назвать имена и указать местонахождение других патриотов, но он хранил молчание. Так и не сумев добиться показаний, его повесили, а затем труп четвертовали и части тела выставили напоказ. Дом Торреса разрушили, а место, где он стоял, посыпали солью.

В Гуанахуато роялисты в течение долгого времени безуспешно вели борьбу с повстанцами, руководимыми Альбино Гарсией. Наконец в начале июня им удалось обманным путем захватить этого партизанского командира и группу бойцов. Большинство пленных было тут же расстреляно, а сам Гарсия и его брат Франсиско казнены через три дня.

В области Миштека испанские войска в апреле 1812 г. осадили Уахуапан, где действовал отряд под предводительством бывшего погонщика — мулата Валерио Трухано. 10 мая они овладели крупным горнопромышленным центром Пачукой, а в конце месяца — Толукой. 11 июня роялисты вступили в Орисабу, незадолго до того занятую патриотами. В тот же период власти раскрыли и ликвидировали антииспанский заговор в Пероте, а несколько ранее — в Веракрусе. Теперь испанское командование решило предпринять наступление на Сультепек, являвшийся штаб-квартирой ситакуарской хунты. 20 июня город был взят, но члены хунты успели покинуть его. В отместку испанцы перебили всех пленных и разрушили пороховую и пушечную мануфактуры.

В борьбе против освободительного движения колониальная администрация применяла не только военные меры, но стремилась также запугать и дезориентировать народ. С этой целью вице-король Венегас обратился 11 мая 1812 г. к населению юга с воззванием, «изобличавшим» Морелоса в том, что тот во время обороны Куаутлы якобы во имя своих личных интересов принес в жертву 11 тыс. человеческих жизней. Мнимой «жестокости» вождя повстанцев Венегас противопоставлял «гуманность» роялистов, которые, заняв Куаутлу, будто бы немедленно принялись лечить больных и кормить голодных. Обещая прощение «бунтовщикам», которые «одумаются», вице-король одновременно сулил щедрую награду за выдачу Морелоса.

Однако этот призыв, видимо, не нашел отклика, и через полтора месяца последовал драконовский приказ от 25 июня о предании тех, кто окажет сопротивление испанским войскам, военно-полевому суду, приговор которого фактически являлся окончательным. При этом предписывалось казнить всех офицеров, духовных лиц и прочих «главарей», а из числа остальных — каждого десятого. Поскольку приказ распространялся и на духовенство, он,

по существу, означал полную отмену судебного иммунитета этого сословия. 10 июля епископ Пуэблы издал эдикт о снятии сана, смещении с должностей и отлучении от церкви десяти «мятежных» священников. Он предупредил, что такая же участь постигнет всех клириков, которые присоединятся к восстанию¹³.

Колонизаторы жестоко расправлялись с борцами за независимость. Хорошо осведомленный современник Уильям Уолтон только в 59 номерах столичных газет за 1811—1812 гг., взятых им на выборку, обнаружил сведения о гибели на поле боя свыше 25 тыс. патриотов, не считая почти 700 человек, казненных за это время по решению суда¹⁴.

К середине 1812 г. властям удалось в известной мере стабилизировать положение. Однако во второй половине года появились факторы, способствовавшие новому подъему освободительного движения. Они были связаны с событиями в Испании. Для понимания сложившейся ситуации надо вернуться немного назад.

Еще в конце февраля 1811 г. в Кадис приехали депутаты, избранные в самой Новой Испании. Среди них энергией и красноречием выделялся священник Мигель Рамос Ариспе. Вскоре кортесы в соответствии с задачами буржуазной революции и чтобы помешать дальнейшему росту освободительного движения за океаном, приняли декреты об упразднении подушной подати (о чем уже говорилось), феодальных повинностей и привилегий. При рассмотрении проекта конституции некоторые мексиканские представители подвергли резкой критике статью 29, закреплявшую расовую дискриминацию населения африканского происхождения. Выступая на заседании 14 сентября 1811 г., Рамос Ариспе с негодованием заметил, что эта статья «позорна для цивилизованного человечества, противоречит основным положениям конституции... и весьма далека от принципов справедливости...». Аналогичные заявления сделали неделю спустя депутаты от Веракруса и Сакатекаса. 16 января 1812 г. Рамос Ариспе сообщил, что его соотечественникам до сих пор не известен декрет о свободе печати, изданный еще в конце 1810 г. Он предложил обязать вице-короля немедленно опубликовать этот декрет и обеспечить проведение его в жизнь¹⁵.

Газетные отчеты о парламентских дебатах, антиколониальных выступлениях представителей Испанской Аме-

рики, решениях кортесов, несмотря на противодействие властей, проникали в Новую Испанию и способствовали усилению брожения. По мере развития революционного процесса в колониях и увеличения числа депутатов от них требования политической и экономической независимости звучали в Кадисе все громче. Хотя большую их часть кортесы продолжали игнорировать*, 18 марта 1812 г. они приняли конституцию, в которой интересы испаноамериканцев нашли известное отражение.

Кадисская конституция провозглашала принцип народного суверенитета, ограничивала прерогативы короля, декларировала неприкосновенность личности, имущества и жилища. Однако она закрепила монархический строй, доминирующую роль католической религии, власть короны над заокеанскими владениями, подтвердила неделимость испанской империи, включая территорию, расположенную в обоих полушариях. Отмечая, что конституция вводила «преобразования, которых громким голосом требовали наиболее видные писатели и государственные деятели XVIII века», К. Маркс вместе с тем подчеркивал, что «едва ли не важнейшим принципом» ее было «сохранение всех принадлежавших Испании колоний»¹⁶. Конституция 1812 г. отнюдь не обеспечивала гражданские права всем слоям колониального общества, так как оставляла их только тем, кто не имел примесь негритянской крови. Таким образом, даже формально эти права не распространялись на негров, мулатов, самбо и другие группы населения, среди предков которых были африканцы. В Новой Испании их число, по официальным подсчетам, превышало 200 тыс. человек¹⁷.

Кадисская конституция устанавливала равное представительство метрополии и колоний в кортесах. Она предусматривала изменения в системе управления и судопроизводства: запрещение сосредоточивать в одних руках гражданскую и военную власть, упразднение всех судебных привилегий и специальных судов (следовательно, и трибунала инквизиции, а также «хунт безопасности», ведавших делами о государственной измене), создание в каждом избирательном округе выборных «провинциаль-

* Подобная позиция обуславливалась не только политикой правящих кругов Испании, но и давлением со стороны колониальной элиты, особенно испанского купечества Мехико, Веракруса, Гвадалахары.

ных депутатов» *, лишение аудиенсии административных функций и преобразование ее в верховный суд. В конце сентября 1812 г. текст конституции был обнародован в Мехико. Вслед затем вице-король, члены аудиенсии, высшие офицеры и колониальные чиновники, а также жители столицы Новой Испании торжественно поклялись соблюдать ее положения. Власти устроили пышные празднества, иллюминацию, переименовали центральную площадь города в площадь Конституции. 5 октября вице-король опубликовал наконец почти двухлетней давности декрет о свободе печати.

* Эти органы представляли собою нечто вроде постоянных комиссий кортесов, наблюдавших за деятельностью муниципальных учреждений.

Принятие конституции и прочие акты кортесов способствовали усилению революционных настроений в Новой Испании. В то же время жестокий приказ вице-короля от 25 июня 1812 г. о судебной расправе с «мятежниками», призванный, по замыслу колониальной администрации, терроризировать патриотов, оказал противоположное воздействие. Он вызвал всеобщее негодование, в первую очередь со стороны большинства клира, возмущенного окончательной утратой своего традиционного фюэро.

На участии мексиканского духовенства в войне за независимость следует остановиться особо. Что касается церковной верхушки, то она, как показано выше, сразу заняла явно враждебную революции позицию. Прелаты церкви безоговорочно осудили восстание, оказывали роялистам щедрую финансовую помощь, а некоторые духовные лица вступили в королевскую армию, иногда выполняли шпионские поручения испанцев. Таким образом в целом католическая иерархия морально и материально поддерживала испанскую монархию.

Иначе обстояло дело с низшим духовенством. Немалая часть его с самого начала сочувствовала патриотам, а в ряде случаев даже открыто присоединялась к ним. Таких активных участников освободительной борьбы, по данным официальных отчетов, мемуаров и переписки (видимо, далеко не полным), насчитывалось около 400¹ (примерно 4—4,5% белого и черного духовенства вице-королевства). Но роль их была гораздо больше удельного веса как вследствие сильного влияния, оказываемого священниками и монахами на религиозную массу, так и потому, что из этой среды вышли многие политические и военные руководители движения, революционные идеологи, публицисты и ораторы.

Однако отнюдь не все клирики, примкнувшие к повстанцам, жаждали освобождения от чужеземного господства. Некоторых влекло в лагерь восставших либо побуждало втайне симпатизировать им прежде всего недовольство, вызванное посягательствами светской власти на привилегии духовенства. Одним из существенных факторов, обусловивших их позицию, был, в частности, упомянутый приказ Венегаса. Реакция на него не заставила себя долго ждать: через месяц 110 священников выступили на страницах «Семанарио патриотико американо» с решительным протестом. Появилась серия памфлетов и газетных статей, направленных против колониального режима.

Своего апогея антиправительственная кампания достигла в конце ноября, когда вылилась в бурные уличные демонстрации. В первом туре двухстепенных муниципальных выборов в Мехико патриоты добились триумфального успеха. 29 ноября во всех 14 округах столицы избранными оказались исключительно мексиканцы (с аналогичными результатами прошли выборы в Пуэбле, Толуке и других городах). Торжествуя победу, жители заполнили улицы и площади. Толпы людей с горящими факелами в руках, выкрикивая угрозы по адресу властей, окружили дома высокопоставленных должностных лиц — испанцев и креолов. Раздавались возгласы «Смерть гачупинам!», «Да здравствует Морелос!». Несколько дней спустя Лисарди лично вручил вице-королю экземпляр издававшегося им журнала «Пенсатор мекхикано», где 3 декабря напечатал статью, призывавшую отменить злополучный приказ от 25 июня².

На рост антииспанских настроений напуганная колониальная администрация ответила новыми репрессиями. 5 декабря она упразднила свободу печати и восстановила цензуру. Лисарди тотчас же арестовали³, а его журнал закрыли. Населению запрещалось собираться группами на улицах. Вице-король не отдавал распоряжения о проведении второго тура выборов, что означало, по существу, их аннулирование. Таким образом был сделан шаг назад, и действие Кадисской конституции в Новой Испании было фактически приостановлено.

В связи с этими мерами патриоты утверждали, что нарушение принципов, провозглашенных конституцией, дает им, даже с точки зрения испанского законодательства,

юридическое основание отстаивать свои права силой оружия. Осенью 1812 г., после кратковременного затишья, они снова активизировались, особенно на юге, являвшемся сферой боевых операций Морелоса и его ближайших сподвижников Герреро, Матамороса, Галеаны, Николаса Браво.

Висенте Герреро происходил из бедной крестьянской семьи и в молодости зарабатывал на жизнь нелегким трудом погонщика мулов. Сражаясь в повстанческих войсках, он проявил себя талантливым командиром и не раз одерживал победы над роялистами. Уроженец Мехико Мариано Матаморос, имевший степени бакалавра искусств и теологии, был простым сельским священником. Этот невысокий, худощавый, светловолосый, голубоглазый человек, с легкими следами оспы на лице, обладал несколько неожиданным при его комплекции низким и звучным голосом. Эрменехильдо Галеана, по своему социальному положению ранчеро, являлся потомком английского моряка, потерпевшего когда-то кораблекрушение у берегов Новой Испании и поселившегося там. В ноябре 1810 г. вместе с братом Хулианом и двумя племянниками он стал под знамена Морелоса. Николас Браво был выходцем из помещичьей среды. На стороне патриотов воевали также его отец Леонардо и трое дядей.

В мае 1812 г. 48-летний Леонардо Браво — заместитель Морелоса — попал в плен. После вынесения смертного приговора испанцы обещали ему жизнь и свободу, если он уговорит сына и братьев сложить оружие, но осужденный отказался. В августе отряд под командованием Николаса Браво и Э. Галеаны захватил в бою около 300 пленных, которых повстанцы предложили обменять на старшего Браво. Однако вице-король не согласился, и 14 сентября дон Леонардо был казнен.

Еще во второй половине июля Морелос поспешил на выручку отряда Трухано, окруженного в Уахуапане. 23 июля он атаковал роялистов, а Трухано одновременно совершил вылазку из города, так что испанские войска оказались между двух огней. Произошло ожесточенное сражение, в результате которого патриоты одержали победу, захватив всю вражескую артиллерию, много оружия, боеприпасов и 170 пленных.

Затем Морелос повел свою армию на север и 10 августа занял Теуакан, ставший его штаб-квартирой. Там он

приступил к реорганизации партизанских отрядов в полки, батальоны, эскадроны и к их обучению. Большое внимание уделялось вооружению и снаряжению, а также поддержанию дисциплины и боевого духа бойцов. Морелос вел решительную борьбу с мародерством и приказал беспощадно расстреливать виновных в грабеже, если стоимость похищенного превышала песо. Своим заместителем вместо находившегося в плену Леонардо Браво он назначил Матамороса, а на случай отсутствия последнего — Галеану.

Имея основной базой Теуакан, Морелос проводил операции в ближних, а подчас и более отдаленных районах. В конце октября он штурмом овладел Орисабой и удерживал ее в течение нескольких дней, а в начале ноября во главе 5 тыс. бойцов и с 40 пушками двинулся к столице интендантства Оахаке, гарнизон которой составлял не менее 2 тыс. Подходя к городу, Морелос, желая избежать кровопролития, послал письмо епископу Бергосе-и-Хордану. Заявляя, что идет «с оливковой ветвью в одной руке и мечом в другой», он просил прелата убедить роялистское командование капитулировать⁴. Однако ответа не последовало, так как епископ трусливо бежал, бросив свою паству на произвол судьбы. 25 ноября после двухчасового боя Оахака была взята.

Помимо 500 пленных, победителям достались трофеи: 60 орудий, 2 тыс. мушкетов, большое количество боеприпасов. Имущество местных богачей-испанцев подверглось конфискации. В городе было организовано гражданское управление, назначен новый интендант и был сформирован муниципалитет из мексиканцев. 9 декабря Морелос издал декрет, предлагавший населению незамедлительно сообщать о всех случаях насилий и мародерства, чинимых солдатами или офицерами революционной армии, и грозивший строгим наказанием виновных⁵.

Повстанцы нанесли ряд ударов по мелким испанским гарнизонам близ Оахаки. Активную помощь им оказали сапотекы и другие индейские племена. Успехи войск Морелоса в Оахаке имели большое значение, так как обеспечили выгодные стратегические позиции и важный плацдарм для дальнейшего наступления в различных направлениях.

Крупным очагом партизанской борьбы явилось также побережье Мексиканского залива возле Веракруса, где в

революционном движении участвовали негры-рабы, работавшие раньше на плантациях сахарного тростника в окрестностях Орисабы и Кордовы. В ноябре отряд Николаса Браво перерезал дорогу Веракрус — Мехико, проходившую через Халапу, и установил над ней контроль. Теперь патриоты могли взимать пошлины с товаров, провозимых от побережья или к побережью Мексиканского залива, что вызвало ухудшение и без того катастрофического состояния колониальных финансов.

В Новой Галисии индейцы нескольких селений, расположенных на берегах озера Чапала, спасаясь от террора роялистов, укрылись на небольшом скалистом острове Мескала. Под руководством священника Маркоса Кастельяноса они в течение длительного времени оказывали упорное сопротивление испанцам, блокировавшим остров, и успешно отражали их атаки. По ночам индейцы в легких каноэ часто незаметно проникали через линию блокады, высаживались на берег и нападали на вражеские посты, а также запасались продовольствием.

Военным успехам повстанцев во многом способствовала радикализация политической программы Морелоса. Подобно Идальго, он понимал необходимость серьезных социальных преобразований в интересах народных масс и поэтому еще на первом этапе восстания выдвинул предложения, отвечавшие их чаяниям. Выше уже упоминался декрет, изданный в ноябре 1810 г. В документе, подписанном 18 апреля следующего года в Текпане, Морелос заявлял, что индейцы должны сами пользоваться своими землями и получать от них доходы⁶. Вместе с тем в первый период после гибели Идальго он не терял надежды на возможность изменения враждебной освободительному движению позиции креольской верхушки. Поэтому, добиваясь объединения всех антииспанских сил, Морелос издал 13 октября 1811 г. декрет, запрещающий захват собственности креольских помещиков. «Поскольку мы не преследуем богачей как таковых, в том числе и богатых креолов, никто не должен посягать на их имущество из-за того, что они очень богаты», — указывал он. Декрет допускал лишь возможность конфискации имущества врагов независимости — испанцев и поддерживающих их местных уроженцев.

23 февраля 1812 г. Морелос обратился к креолам, сражавшимся в испанских войсках, с призывом перехо-

дить на сторону восставших. Он заверял, что патриоты взяли за оружие лишь для защиты родины и религии, а также восстановления прав, узурпированных 300 лет назад завоевателями. «Возлюбленные братья,— писал Морелос,— у нас нет иной цели, кроме той, чтобы страной управляли креолы, а гачупины убрались восвояси». В манифесте к населению Оахаки от 23 декабря того же года он подчеркивал, что повстанцы борются только за свободу, которой их несправедливо лишили испанцы⁷.

Однако со временем в связи с дальнейшим обострением борьбы и активной поддержкой колонизаторов креольской элитой позиция Морелоса существенно изменилась, став более последовательно революционной. Во второй половине 1812 или в начале 1813 г. он разработал «Проект конфискации имущества европейцев и американцев, верных испанскому правительству». В этом важном документе Морелос прямо указывал, что «все богачи, знать и высшие чиновники, креолы или гачупины, должны рассматриваться как враги нации и приверженцы тирании». Разоблачая зависимость колониальной администрации от имущих классов, он гневно клеймил «тирана Венегаса, который действует как купеческий вице-король, рабски подчиненный безудержной алчности купцов Кадиса, Веракруса и Мехико». Командирам революционных войск предлагалось при занятии населенных пунктов немедленно реквизировать имущество всех лиц, принадлежавших к указанным категориям, и одну половину его распределять между бедняками этих селений, а другую использовать для военных нужд. При этом предусматривалась также и конфискация богатств церкви.

В одном из пунктов проекта говорилось о необходимости раздела латифундий, которые в значительной части фактически не обрабатывались владельцами, и о поощрении мелкого землевладения. Морелос предлагал повстанцам разрушать на занимаемой ими территории здания колониальных учреждений и сжигать государственные архивы. Стремясь лишить роялистов хотя бы некоторых источников средств для ведения войны, он призывал к уничтожению принадлежавших богачам предметов роскоши, запасов табака и прочих материальных ценностей. Во всем этом патриоты, по его словам, в то время не нуждались, «ибо,— заявлял Морелос,— нам сейчас нужны зерно и другие предметы первой необходимости». Что же каса-

ются рудников и прочих предприятий, которые неизбежно должны были пострадать от подобных действий, то он указывал. «всем этим мы займемся после того, как уничтожим тираническое правительство и его приспешников»⁸.

Этот интересный документ, оказавший большое влияние на ход освободительной войны, получил противоречивую оценку в исторической литературе. Консервативные историки использовали его для измышлений и выпадов по адресу Морелоса. Так, Л. Аламан утверждал, что в намерения Морелоса якобы входило полное изъятие у собственников имущества и распределение его между неимущими. Иезуит Мариано Куэвас видел в проекте программу «чудовищного и кровавого» грабежа, но категорически отрицал, что автором его являлся Морелос⁹. Такой же точки зрения стал придерживаться североамериканский историк Уилберт Тиммонс, ранее признававший авторство Морелоса. В дальнейшем, однако, он пришел к заключению, что проект составлен кем-либо из членов тайного общества «Лос Гуадалупес»¹⁰. Подавляющее большинство современных исследователей не сомневается, что данный документ написан Морелосом. В частности, мексиканец Альфонсо Теха Сабре убедительно доказал несостоятельность попыток отрицать авторство последнего, справедливо полагая, что они продиктованы желанием приуменьшить его революционный радикализм¹¹.

Осуществление ряда важных мер предусматривалось декретом, обнародованным Морелосом 29 января 1813 г. в Оахаке. Он предписывал освобождение рабов (без выкупа или какой-либо компенсации их владельцам) и прекращение уплаты подушной подати, отменял особые обозначения различных расово-этнических групп населения, аннулировал задолженность мексиканцев уроженцам метрополии и объявлял о конфискации имущества последних, упразднял пороховую и другие монополии. В декрете говорилось, что все люди должны заниматься общественно полезной деятельностью и в поте лица зарабатывать свой хлеб¹².

Последовательно выступая за полную независимость Новой Испании и установление республиканского строя, Морелос неоднократно высказывался против того, чтобы патриоты признавали своим сувереном Фердинанда VII. Он отрицательно отнесся к монархическому проекту кон-

ституции Района и настойчиво предлагал изъять из него всякое упоминание о пленном короле.

К началу 1813 г. единственным опорным пунктом колонизаторов на побережье Тихого океана являлся Акапулько. Оставив часть своих сил в Оахаке, Морелос во главе трехтысячного отряда 9 февраля выступил на запад. В первых числах апреля повстанцы подошли вплотную к Акапулько и блокировали его с суши. 12 апреля они штурмом овладели городом, однако испанцы продолжали удерживать крепость, находившуюся на противоположном берегу бухты. Осада ее в связи с отсутствием у Морелоса тяжелой артиллерии затянулась на несколько месяцев. В боевых операциях активное участие принимал отряд под командованием мужественной индианки Мануэлы Медины. Существенное значение для успешного завершения борьбы за Акапулько имело занятие патриотами в первой половине июня небольшого островка Ла-Рокета, контролировавшего вход в гавань. Захват этого стратегически важного острова позволил Морелосу в середине августа блокировать крепость с моря. Через несколько дней ее комендант капитулировал, сдав победителям орудия, боеприпасы, снаряжение, огнестрельное и холодное оружие.

Ко времени падения Акапулько большая часть Новой Испании к югу от линии Тампико — Лагос — Колима была в руках восставших. Сам вице-король признавал, что под контролем испанских властей находились лишь столица и основные провинциальные центры (за исключением Оахаки). Южную часть интендантств Пуэблы и Веракруса, а также Оахаку и территорию нынешнего штата Герреро занимали войска Морелоса. Севернее Халапы действовали партизаны под предводительством Хулиана Вильяграна, а в районе Уичапана базировался отряд его сына Франсиско. Северную часть Пуэблы и пространство до побережья Мексиканского залива, а также дорогу на Веракрус удерживали повстанцы во главе с Осорно. Между Ситакуаро и Толукой вели бои подразделения Района, а в интендантстве Гуанахуато военными операциями руководил другой член ситакуарской хунты — Лисеага.

Весьма опасная для испанских властей ситуация сложилась также в Техасе и Флориде (которая формально не входила в вице-королевство Новая Испания*, но факти-

* Юридически Флорида рассматривалась как находившаяся в непосредственной зависимости от испанской короны.

чески была теснейшим образом связана с ним) в результате действий правящих кругов США.

Вашингтонское правительство с самого начала войны за независимость в Испанской Америке исходило из того, что она в любом случае ослабит позиции Испании на Американском континенте, а отделение испанских колоний от метрополии позволит США подчинить их своему влиянию. Стремясь использовать создавшееся положение для осуществления давнишних планов присоединения пограничных с Луизианой и некоторых других районов, США сразу же приступили к подготовке аннексии Западной Флориды.

В результате активной деятельности американской агентуры на территории, расположенной западнее реки Перл, начались антииспанские выступления. 23 сентября 1810 г. колонисты, возглавляемые североамериканцами и снабженные оружием, полученным из США, овладели городом Батон-Руж. Вслед за тем конвент, состоявший из представителей населения различных районов указанной части Флориды, провозгласил ее независимость от Испании. В первой половине декабря американские войска оккупировали все пространство до реки Перл. В течение следующего года они заняли часть Западной Флориды между Перл и рекой Мобил, а в апреле 1813 г. — территорию между реками Мобил и Пердидо.

Другим объектом экспансии США являлся Техас. Чтобы заручиться согласием мексиканских патриотов на уступку этой обширной провинции, ряд североамериканских государственных деятелей считал целесообразным на определенных условиях оказать им содействие в борьбе против испанского колониализма. Однако большинство руководителей радикального крыла повстанцев не ориентировались на иностранную поддержку, предпочитая рассчитывать в основном на собственные силы.

Идальго, например, в свое время направил представителя в США вовсе не затем, чтобы просить там денежную помощь, а просто для установления контактов. Морелос готов был использовать любую возможность получения оружия и снаряжения извне, но не собирался отдавать взамен ни пяди национальной территории. Вместе с тем некоторые деятели освободительного движения, преимущественно лидеры умеренного крыла, усиленно добивались материальной поддержки со стороны США, не оста-

навливаясь ради этого перед обещаниями далеко идущих уступок. Такую позицию занимала, в частности, ситакуарская хунта. С подобными же предложениями неоднократно выступала в 1812—1813 гг. организация «Лос Гуадалупес».

Первым посланцем патриотов, благополучно достигшим США, был подполковник Хосе Бернардо Гутьеррес де Лара, выехавший из Новой Испании незадолго до пленения Идальго. В послании, отправленном в конце сентября 1811 г. из Луизианы государственному секретарю Джеймсу Монро, он просил помочь мексиканцам оружием, а также деньгами и добровольцами¹³.

В Вашингтоне эмиссара повстанцев приняли в государственном и военном департаментах, однако встречи носили неофициальный характер. Монро заявил, что правительство Джеймса Мэдисона может поддержать революционное движение в Новой Испании не только оружием и боеприпасами, но даже войсками, коль скоро она примет конституцию по образцу североамериканской и в дальнейшем войдет в состав США. Возмущенный Гутьеррес прервал беседу и немедленно покинул кабинет государственного секретаря. Столь же безрезультатны (вероятно, по тем же причинам) были переговоры, которые почти одновременно вел в Вашингтоне другой мексиканский представитель — Хосе Альварес де Толедо.

В апреле 1813 г. Район послал в США полковника Франсиско Антонио Передо с поручением информировать президента и конгресс о положении в соседней стране и о желании ситакуарской хунты «установить союзнические и торговые отношения на основе взаимной выгоды». Передо удалось закупить оружие и доставить его на родину. Однако других последствий его миссия не имела. В условиях начавшейся в середине 1812 г. англо-американской войны вашингтонское правительство не решалось вступать в открытый конфликт с Испанией. Тем не менее оно негласно поощряло деятельность различных групп и организаций, пытавшихся подготовить вторжение в Техас. В августе 1812 г. отряд, сформированный в Луизиане бывшим офицером армии США Огастесом Мэйджи и Гутьерресом де Лара, переправился через пограничную реку Сабин и вскоре овладел испанским опорным пунктом Наккогочес. За несколько месяцев он пересек почти весь Техас и сломил сопротивление роялистов. В марте 1813 г. от-

ряд Мэйджи—Гутьерреса, пополнившийся за счет мексиканцев, занял столицу провинции город Сан-Антонио-де-Бехар.

Обеспокоенное военными успехами патриотов и ростом революционных настроений среди населения испанское правительство решило принять более энергичные меры, прежде всего сменить вице-короля, не сумевшего подавить освободительное движение. По настоянию кадисских купцов, пользовавшихся большим влиянием на Регентский совет, Венегас был смещен и 4 марта 1813 г. пост вице-короля занял Феликс Мария Кальеха, известный исключительной жестокостью по отношению к повстанцам.

Кальеха происходил из знатной кастильской семьи. Кадровый военный, он с конца 80-х годов служил в Новой Испании и благодаря женитьбе на дочери богатого помещика стал крупным землевладельцем. Новый вице-король начал с мероприятий военного и финансового характера. Вместе с тем, стремясь отвлечь народные массы от участия в борьбе за независимость, он объявил о некоторых реформах, предусмотренных постановлениями кортесов (отмена личных повинностей индейцев, упразднение инквизиции и т. д.). Фактически, однако, эти декреты, равно как конституция 1812 г. и другие законодательные акты, не проводились в жизнь.

Пользуясь тем, что войска Морелоса, в течение длительного времени занятые затянувшейся осадой крепости Акапулько, действовали далеко от столицы, колониальные власти весной и летом 1813 г. сосредоточили основные усилия на борьбе с повстанцами в центральных провинциях. Это делалось в значительной мере для того, чтобы восстановить сообщение между Мехико и горнопромышленными районами, а также побережьем. Поэтому главные силы испанской армии были переброшены на север от столицы, а к югу от нее оставалась лишь незначительная часть войск, на случай внезапных операций патриотов. Из 84 тыс. роялистов, находившихся под ружьем (включая ополчение), не более 6 тыс. были сконцентрированы южнее Пуэблы, в то время как остальные вели бои севернее этого города.

Используя локальный характер партизанского движения, испанцы ликвидировали центры восстания один за другим. В апреле — мае они нанесли поражение отрядам

Игнасио Лопеса Района и его брата Рамона, Вердуско, Лисеаги и другим, действовавшим в Мичоакане и Гуанахуато. В мае—июне последовал разгром революционных сил в Уичапане и Симапане (к северу от Мехико), причем командовавшие ими отец и сын Вильяграны были захвачены в плен и казнены. Нанеся чувствительный удар отряду Осорно, испанские войска в августе заняли Сакатлан. Тогда же они разгромили антииспанское движение в Техасе и 20 августа вступили в Сан-Антонио. Победители бросили в тюрьму 700 мирных жителей города, в том числе много женщин. Ежедневно происходили групповые расстрелы арестованных.

В итоге наступательных операций роялистов к осени 1813 г. борцы за независимость, руководимые Морелосом, удерживали более или менее значительную территорию только на юге Новой Испании. В остальных же районах сохранились лишь отдельные, в большинстве случаев изолированные очаги повстанческого движения. Между командирами отрядов, почти не связанных друг с другом, то и дело возникали споры, перераставшие иногда в серьезные конфликты, а подчас даже в вооруженные столкновения. Отсутствие взаимодействия и общей программы ослабляло лагерь революции перед лицом опасного врага.

Желая укрепить позиции патриотов, радикальное крыло освободительного движения (где видную роль играли мелкие землевладельцы, представители зарождавшейся буржуазии, низшее духовенство, интеллигенция и т. д.) во главе с Морелосом решило создать единый руководящий орган и разработать программу, в которой нашли бы отражение не только политические и экономические вопросы, но и социальные проблемы. Ситакуарская хунта, раздираемая внутренними разногласиями, к тому времени утратила всякий престиж (чему способствовали военные неудачи повстанцев в центральной части страны) и фактически перестала существовать, поскольку Район приказал арестовать своих коллег, обвинив их в насилиях над мирными жителями.

28 июня 1813 г. Морелос издал в Акапулько декрет о созыве в сентябре национального конгресса в Чильпансинго для образования правительства. Отвергая возражения Района, предлагавшего отложить конгресс до следующего года, он в то же время заявлял, что отнюдь не претендует на главенствующую роль и охотно удовольствуется

ся положением и званием «скромного слуги нации»¹⁴. Форсируя созыв конгресса, Морелос исходил из необходимости укрепления и централизации руководства и преодоления анархии среди повстанцев.

В принципе он выступал за формирование конгресса демократическим путем, посредством выборов. Но учитывая, что выборы можно провести далеко не всюду, считал возможным в отдельных случаях изменить процедуру. Вскоре по прибытии в Чильпансинго Морелос заявил, что, поскольку его власть признана революционной армией, он с целью ускорения созыва конгресса сам назначит временных заместителей недостающих депутатов, которые в любой момент могут быть отозваны и заменены другими по усмотрению избирателей. Он указал также, что по мере освобождения страны от испанского владычества законодательный орган будет пополняться новыми депутатами¹⁵. Эти положения содержались в составленном Морелосом «Регламенте», который 13 сентября его секретарь Хуан Непомусено Росайнс зачитал депутатам, съехавшимся в Чильпансинго. Наряду с ними там собралось много других военных и гражданских деятелей.

Конгресс, объявивший себя «Верховным национальным конгрессом Америки», открылся 14 сентября. Заседания его проходили в помещении церкви. Большинство депутатов, среди которых были члены ситакуарской хунты, Бустаманте, Кинтана Роо, Кос и др., принадлежало к буржуазно-помещичьей интеллигенции и низшему духовенству. Вступительную речь, написанную Бустаманте, произнес Морелос, уделивший особое внимание идее народного суверенитета. «Суверенитет,— сказал он,— принадлежит исключительно народам и если передается монархам, то в случае их отсутствия, смерти или пленения вновь переходит к народам. Народы вольны изменять свои политические институты по собственному усмотрению. Ни один народ не имеет права поработать другой...»¹⁶

В тот же день был оглашен представленный Морелосом программный документ под названием «Чувства нации», в котором нашел отражение ряд важнейших социально-экономических и политических вопросов, частично ставившихся уже раньше. Он предусматривал отмену рабства и деления населения на группы по признаку расовой принадлежности, замену бесчисленных податей и

сборов единым для всех налогом (в размере 5% дохода), гарантии собственности и неприкосновенности жилища, издание законов, которые покончили бы с крайностями общественного неравенства — роскошью одних и нищетой других, открытие портов для иностранных судов, запрещение пыток и т. д.

В «Чувствах нации» четко формулировались основные принципы национальной независимости, народного суверенитета, разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. «Суверенитет проистекает непосредственно от народа, и только он может вручить его Верховному национальному конгрессу Америки», — заявил Морелос и указал, что Новая Испания не станет свободной до тех пор, пока тирания не уступит место либеральной форме правления. Подчеркивая преемственность революционного движения, он призвал свято чтить память Идальго и ежегодно отмечать 16 сентября годовщину того памятного дня, когда «прозвучал призыв к независимости»¹⁷.

Придавая этой программе исключительно важное значение, Морелос тщательно готовил ее. Накануне открытия конгресса он пригласил к себе Кинтану Роо и, познакомив его с проектом, попросил сделать необходимые поправки и замечания. Но прочитанный Морелосом текст был, по мнению Кинтаны Роо, столь ясным и логичным, что он не мог предложить никаких изменений. Документ произвел сильное впечатление и на остальных слушателей, присутствовавших на заседании конгресса. Высоко оценивают его также историки. По словам мексиканских ученых Хосе Мансисидора и Агустина Куэ Кановаса, социальные проблемы были поставлены в «Чувствах нации» так смело, как никто их раньше не ставил¹⁸.

Морелос неоднократно высказывал мысли, изложенные в Чильпансинго, и в других случаях. «Я хочу, — сказал он как-то в беседе с одним из своих соратников, — чтобы мы заявили... что все равны; чтобы не было ни привилегий, ни знатных; рабство противно разуму и человечности, и рабов не должно быть, ибо цвет кожи не меняет цвета сердца и мысли; пусть дети землепашца и рабочего воспитываются как дети самого богатого помещика»¹⁹.

15 сентября конгресс единогласно избрал Морелоса генералиссимусом, возложив на него также функции гла-

вы правительства. Сначала он отказался занять этот пост, так как считал, что не справится со столь ответственными обязанностями. Пока депутаты и присутствовавшие на заседании старшие офицеры обсуждали, как быть, в церкви появилась группа военных и гражданских лиц, требовавших не принимать отказ Морелоса. Когда конгресс вторично проголосовал за его кандидатуру, он согласился.

Поблагодарив за оказанное доверие, Морелос дал торжественную клятву, не щадя жизни, защищать «права американской нации». На основании своих новых полномочий «слуга нации и единодушной волею народа генералиссимус войск Северной Америки» (как он теперь официально именовался) издал 5 октября декрет о немедленном освобождении всех находившихся в неволе рабов и упразднении личных повинностей²⁰.

Назначение Морелоса укрепило позиции возглавлявшегося им демократического крыла, которое, выражая стремления народных масс, потребовало, чтобы конгресс провозгласил независимость Новой Испании и принял программу прогрессивных, антифеодальных преобразований. Этому противодействовало, однако, умеренно-консервативное крыло, группировавшееся вокруг Района, который упорно бойкотировал форум, собравшийся в Чильпансинго. Он, как и прежде, считал необходимым признание Фердинанда VII, утверждая, что оно якобы обеспечивает поддержку со стороны тех элементов, среди которых еще популярна идея монархии. Морелос же, последовательно выступая за полную независимость и установление республиканского строя, неоднократно высказывался против того, чтобы признавать сувереном находившегося во французском плену бывшего короля Испании. Эту мысль он изложил, в частности, в обращении к «соотечественникам», опубликованном 2 ноября. В конечном счете Морелосу и его приверженцам, добивавшимся решительного разрыва с метрополией и испанской короной, удалось взять верх и повести за собой большинство конгресса.

Исходя из настроений патриотов, депутаты приняли 6 ноября декларацию о суверенитете и независимости Новой Испании. В ней предусматривалось предоставление широких полномочий конгрессу, который «вправе установить законы, необходимые для блага и наилучшего устройства страны, вести войну, заключать мир, вступать в союз с монархами и республиками Старого Света, равно

как подписывать конкордаты с папой римским, касающиеся римско-католической апостолической церкви, назначать послов и консулов».

Изданный одновременно манифест (написанный Кинтаной Роо) развивал основные положения декларации. «Имя Фердинанда VII,— говорилось в нем,— от чьего лица выступали хунты в Испании, служило для того, чтобы запретить нам последовать их примеру и лишить нас преимуществ, которые принесло бы преобразование наших собственных институтов». Подчеркивая, что освобождение от колониального ига имеет решающее значение для судеб родины, манифест призывал «сограждан» принять активное участие в борьбе за независимость²¹.

Добившись крупных военных успехов на юге и обеспечив принятие важных решений конгрессом, Морелос и его соратники задумали развернуть боевые действия на севере. Для этого требовалось овладеть Вальядолидом, занимавшим ключевое положение и являвшимся одним из основных опорных пунктов испанцев. Морелос хотел перенести туда местопребывание конгресса и сделать город базой дальнейших операций в центральных провинциях. На следующий день после принятия декларации независимости революционная армия выступила из Чильпансинго в северо-западном направлении. 22 декабря она подошла к Вальядолиду и завязала бой с его гарнизоном. Однако роялисты получили подкрепления и, внезапно атаковав повстанцев, нанесли им серьезное поражение. Морелос отступил на юг.

Преследуя повстанческие отряды, испанские войска в начале января 1814 г. окончательно разбили их в районе Пуруарана и захватили в плен около 700 партизан, в том числе заместителя Морелоса — Матамороса, выданного предателем. Он отказался отвечать на вопросы следователей и после безрезультатных трехнедельных допросов был приговорен к смертной казни. В обмен на Матамороса патриоты предложили 200 пленных роялистов, но этот человек внушал такой страх врагам, что они не пожелали выпустить его из своих рук...

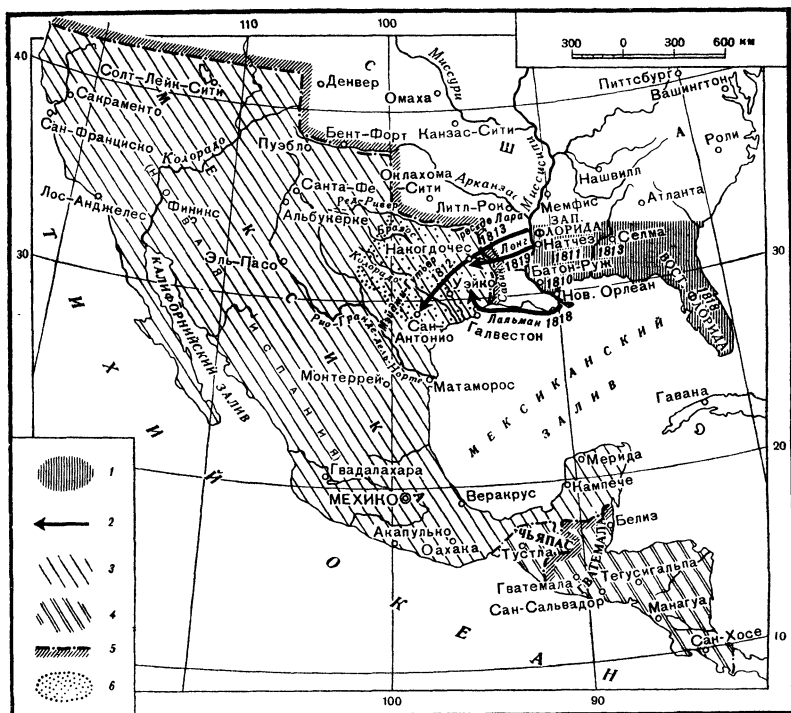
3 февраля Вальядолид с утра наводнили войска. Усиленные патрули охраняли все въезды в город и дороги. Путь от тюрьмы до эшафота Матаморос прошел босиком, читая молитву. На месте казни он не захотел стать на колени. В 11 часов ружейный залп оборвал его жизнь.

Желая использовать разгром главных сил Морелоса для того, чтобы покончить с конгрессом, испанцы во второй половине января направились к Чильпансинго. Узнав об этом, депутаты перебрались в Тлакотепек (северо-западнее Чильпансинго). Вскоре туда прибыл и Морелос, который, сохранив функции командующего революционной армией, под давлением своих политических противников отказался от полномочий главы исполнительной власти.

Между тем превосходящие по численности испанские войска продолжали преследование разрозненных групп повстанцев. Во второй половине февраля они форсированным маршем двинулись к Тлакотепеку, но сумели захватить лишь архивы и обоз конгресса. Сами же депутаты отправились дальше на север, в Мичоакан, а Морелос с небольшим отрядом укрылся в Акапулько.

Роялисты активизировали военные операции и в других районах. В конце марта они заняли Оахаку и стали восстанавливать по всей провинции прежнюю администрацию, возвращать помещикам конфискованные земли, расправляться с патриотами. Значительных успехов испанцы добились также в Пуэбле и Веракрусе. 12 апреля они подошли к Акапулько, но повстанцы успели покинуть город. Тогда испанские войска двинулись вдоль берега на северо-запад. Хотя они не сумели настигнуть Морелоса, им удалось очистить от партизан широкую полосу побережья и в конце июня разгромить отряд Галеаны. Сам Галеана, раненный в голову, был в схватке сброшен с коня, окружен врагами и убит на поле боя. Гибель этого верного сподвижника Морелоса, простого, неграмотного человека, но обладавшего незаурядным талантом военачальника, явилась тяжелой потерей для повстанцев. Недаром Морелос, лишившийся в результате гибели Галеаны и казни Матамороса самых преданных и способных помощников, которых называли его правой и левой рукой, воскликнул в отчаянии: «Обе мои руки пропали, теперь я ничто!»²². С небольшой группой бойцов он возвратился в Мичоакан, рассчитывая создать там новый очаг вооруженной борьбы.

В этот период Морелос вовсе не осуществлял централизованного руководства всем освободительным движением. Мелкие партизанские отряды, продолжавшие сопротивление в Мичоакане и Гуанахуато, действовали на свой

Мексика, США и Центральная Америка в первой четверти XIX в.

1 — испанские владения в Северной Америке, захваченные США, и даты их захвата; 2 — направления и даты вторжения в Техас вооруженных отрядов из США; 3 — территория вице-королевства Новая Испания к концу колониального периода (1821); 4 — провинции Центральной Америки, входившие в состав империи Итурбиде (1822—1823); 5 — границы Мексики к концу 1824 г.; 6 — мексиканская территория, явившаяся в 20-х годах XIX в. объектом американской колонизации

риск и страх, не будучи между собой связаны и не считаясь ни с Морелосом, ни с конгрессом, постоянно менявшим местопребывание. Общая численность вооруженных сил патриотов была невелика, и роялисты, утверждавшие, будто к концу августа 1814 г. она превышала 10 тыс. человек, явно преувеличивали, пытаясь таким образом представить более весомыми собственные заслуги.

Тем временем обстановка в Испании существенно изменилась. Вслед за уходом французских оккупантов в

марте 1814 г. в страну вернулся Фердинанд VII. Он распустил кортесы, отменил изданные ими декреты и Кадисскую конституцию, восстановил инквизицию, расправился с либералами²³. Реставрировав абсолютистские порядки в метрополии, правительство Фердинанда VII удвоило усилия по подавлению восстаний в американских владениях, в том числе в Новой Испании. Активизации борьбы против революционного движения в Америке благоприятствовала и международная обстановка: разгром Наполеона, победа принципов легитимизма в Европе*, создание Священного союза, а также война между Англией и США, отвлекавшая их внимание от событий в испанских колониях.

14 июня вице-король Кальеха известил мексиканцев о возвращении в Испанию «возлюбленного монарха», а 17 августа объявил, что королевским указом от 4 мая Кадисская конституция аннулирована. Вскоре последовали меры, имевшие целью восстановить прежнее положение: выборные муниципалитеты были вновь заменены постоянными аюнтамьенто, власти распорядились ввести старую судебную систему, возобновил свою деятельность трибунал инквизиции и т. д. 21 января 1815 г. инквизитор Флорес издал эдикт, предлагавший, под угрозой отлучения от церкви, в шестидневный срок донести о всех действиях и высказываниях, направленных против католической религии, а также о лицах, которые разделяют взгляды Вольтера, Руссо и их единомышленников, хранят запрещенную литературу или иные материалы «подозрительного» содержания. Кальеха угрожал смертной казнью тем, кто будет продолжать вооруженную борьбу против «законных» властей, конфискацией имущества и другими репрессиями за содействие «мятежникам». В то же время он старался подорвать моральный дух патриотов, рекламируя амнистию, объявленную по случаю возвращения Фердинанда VII (она распространялась на тех, кто сложит оружие в течение месяца).

В условиях наступления сил реакции руководители конгресса, где усилилось влияние оппозиционного Морелосу консервативного помещичье-буржуазного крыла, решили внести изменения в программу, сформулированную

* Реставрация Бурбонов во Франции, Испании, Королевстве Обеих Сицилий.

в Чильпансинго, чтобы придать ей более умеренный характер. 22 октября 1814 г., находясь в небольшом городе Апацингане, конгресс провозгласил первую в истории Новой Испании конституцию — «Конституционный указ о свободе Мексиканской Америки». Он базировался в основном на положениях либерально-монархической Кадисской конституции, хотя и несколько модифицированных. Однако в отличие от испанской мексиканская конституция предусматривала установление республиканского строя и декларировала не только принцип народного суверенитета, но и право народа создавать и сменять правительство по своему усмотрению.

В конституции указывалось, что в стране может исповедоваться лишь римско-католическая религия. Провозглашался принцип разделения власти: исполнительной, законодательной и судебной. Функции высшего законодательного органа должен был выполнять конгресс, состоящий из депутатов от провинций, избираемых трехстепенным голосованием на два года. Право голоса предоставлялось уроженцам Америки, достигшим 18 лет. Конгресс назначал сроком на три года членов правительства и верховного суда. Конституция гарантировала равенство граждан перед законом, свободу слова, печати, неприкосновенность жилища²⁴.

Апацинганская конституция несомненно являлась шагом вперед по сравнению с испанской конституцией 1812 г. и «Основами конституции» Района. На формулировку отдельных ее положений оказали известное влияние политические идеи Морелоса. Но социально-экономические требования, выдвинутые им в «Чувствах нации» и других документах, как справедливо указывает большинство мексиканских исследователей, не получили в ней отражения²⁵. Этот очевидный факт объясняется тем, что авторы конституции 1814 г. представляли главным образом классовые интересы патриотически настроенных креольских помещиков и духовенства.

Непосредственное участие самого Морелоса в ее разработке было незначительным. Не случайно поэтому он критически относился к Апацинганской конституции, считая ее недостаточно радикальной. К тому же, по мнению Морелоса, предусмотренная ею система управления в тогдашних условиях вообще не могла быть практически осуществлена вследствие ее крайней сложности. Следует,

однако, отметить, что конституция 1814 г. не вполне удовлетворяла и отдельных представителей консервативного крыла, вынужденных пойти на определенные уступки. Вероятно, потому Район, Кинтана Роо, Бустаманте и некоторые другие депутаты, участвовавшие в ее подготовке, под разными предлогами не подписали этот документ.

Хотя назначенное конгрессом революционное правительство в составе Лисеаги (председатель), Морелоса и Коса не обладало по существу никакой реальной властью, колониальную администрацию весьма встревожило провозглашение Апацинганской конституции. Текст ее по приказанию вице-короля публично сожгли на центральной площади столицы, а населению было предписано немедленно сдать для уничтожения имевшиеся на руках экземпляры. За их хранение и распространение, одобрительные высказывания по поводу конституции или сообщение кому-либо сведений относительно нее и даже просто за недонесение о подобных фактах грозили смертная казнь и конфискация имущества. Соборный капитул Мехико и трибунал инквизиции, в свою очередь, издали эдикты об отлучении от церкви тех, кто хранил крамольную конституцию.

Еще в течение года после решений, принятых в Апацингане, повстанцы во главе с Морелосом вели вооруженную борьбу, получившую резонанс далеко за пределами страны. Выдающийся деятель войны за независимость в Южной Америке Симон Боливар, характеризуя положение в Новой Испании, с негодованием разоблачал зверства роялистов, которые, по его словам, объявили мексиканским патриотам «войну на уничтожение». «Испанские войска, — писал он, — ведут ее свирепо, не давая пощады побежденным, мстя всем беззащитным селениям и убивая не только пленных, но даже гражданское население — стариков и больных, женщин и детей, грабя и разрушая города и села...»²⁶ В известном «Письме с Ямайки» (6 сентября 1815 г.) упоминался «прославленный генерал Морелос», говорилось о принятии конституции и других событиях. Боливар выражал твердую уверенность в том, что «мексиканцы будут свободными, так как они защищают родину, полные решимости отомстить за своих предков или последовать за ними в могилу»²⁷.

Однако в ту пору в Новой Испании уже не существовало необходимых условий для нового подъема освободи-

тельного движения. Даже в Мичоакане, являвшемся последним оплотом восставших, все более или менее крупные партизанские отряды были разгромлены. Серия военных поражений привела к деморализации повстанцев. Пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, патриоты предприняли акцию, с которой связывали кое-какие политические расчеты.

В середине июля 1815 г. конгресс направил в США одного из авторов Апацинганской конституции — депутата Хосе Мануэля де Эрреру *, поручив ему обратиться к президенту Мэдисону с просьбой о признании независимости «Мексиканской Америки». Однако эта миссия успеха не имела. Приезд Эрреры в США совпал с определенным поворотом в политике вашингтонского правительства по отношению к мексиканскому революционному движению. Поскольку испанское господство в большей части Америки было восстановлено, администрация Мэдисона по ряду причин не желала в то время открытого разрыва с Испанией. Поэтому под давлением мадридского двора ей пришлось официально отмежеваться от планов вторжения в Новую Испанию, которые до того молчаливо поощрялись. 1 сентября Мэдисон опубликовал прокламацию, запрещающую использование территории США для подготовки вооруженных экспедиций против испанских владений и требовавшую прекратить любые приготовления такого рода ²³.

Между тем положение мексиканских повстанцев стало критическим. Члены конгресса, скрываясь от испанских карателей, вынуждены были то и дело менять свое местопребывание, а иногда им приходилось разделяться на мелкие группы, чтобы дезориентировать преследователей. Обострившиеся разногласия между лидерами подчас выливались в открытые конфликты. Полагая, что в интенданствах Пуэбла и Веракрус условия для деятельности конгресса более благоприятны, депутаты решили перебраться туда, с целью создать там новый революционный плацдарм.

Организацию похода взял на себя Морелос. Он собрал около тысячи бойцов, и сопровождаемая ими группа чле-

* Вместе с Эррерой Морелос отправил учиться в Новый Орлеан своего 12-летнего сына Хуана Непомусено Альмонте. Впоследствии генерал Альмонте по иронии судьбы стал видным лидером мексиканских монархистов и в 60-х годах являлся активным пособником французских интервентов.

нов конгресса и назначенных последним должностных лиц направилась на восток. Чтобы обмануть бдительность роялистов, Морелос прибегал к различным отвлекающим маневрам и дезинформации противника. В начале ноября 1815 г. возглавлявшаяся им колонна достигла Тенанго (юго-восточнее Толуки). Однако испанское командование не замедлило принять решительные меры. 5 ноября войска полковника Мануэля де ла Кончи настигли повстанцев у Тесмалаки (около 35 км от Тенанго). Приказав Николасу Браво обеспечить безопасность конгресса, Морелос со своими людьми в течение некоторого времени вел неравный бой с превосходящими силами врага, чтобы дать возможность депутатам и их охране уйти подальше. Затем, видя, что немногие уцелевшие бойцы больше не в состоянии сдерживать натиск испанцев, он велел им отходить, а сам прищепил коня и помчался к видневшемуся невдалеке лесистому холму. В погоню устремился кавалерийский взвод. У подножия холма Морелос спешился и стал снимать шпоры, чтобы легче было взбираться по крутому склону, но его окружили преследователи.

Вице-король распорядился немедленно доставить плененного вождя повстанцев в Мехико. Власти приняли все меры к тому, чтобы сделать это незаметно для жителей. Морелоса привезли ночью в закрытой карете, охранявшейся многочисленным конвоем, и бросили в тюрьму инквизиции. На следующее утро началось судебное следствие, которое вели совместно светские и духовные власти. Морелос держал себя мужественно, и даже противники признавали, что он «с достоинством и твердостью отвечал на все предъявленные ему обвинения»²⁹. По окончании следствия, продолжавшегося всего сутки, все материалы рассмотрела Соборная хунта в составе высших представителей церковной иерархии. Она вынесла решение лишить Морелоса духовного звания. Чтобы осудить его с соблюдением всех церковных канонов, отважного священника передали в руки инквизиции.

24 ноября на заседании трибунала было зачитано странное обвинительное заключение, состоявшее из преамбулы и 26 разделов. Инквизиторы обвиняли Морелоса в том, что он «еретик, отступник от святой веры, атеист, материалист, деист, развратник, бунтовщик, виновный в преступлениях против божественной и человеческой власти, ярый враг христианства и государства, совратитель,

лицемер, коварный человек, изменник королю и родине, похотливый, закоренелый мятежник против святой инквизиции»³⁰. Вынесенный 26 ноября приговор предусматривал публичное аутодафе, конфискацию имущества и в случае, если вице-король не потребует смертной казни, пожизненное заключение в одной из тюрем Африки.

На следующий день, в 8 часов утра, в большом зале трибунала инквизиции собрались инквизиторы и чиновники, а также свыше 300 видных представителей духовенства, колониальной администрации, военных. Многие не смогли попасть в переполненный зал и толпились в дверях. Здание и внутренний двор тщательно охранялись.

Морелоса привели прямо из тюрьмы, которая непосредственно сообщалась с этим помещением. Он шел с непокрытой головой, на нем была короткая, до колен, сутана без воротника. После того как его посадили на скамью, один из секретарей трибунала прочел обвинительный акт, где подробно перечислялись многочисленные «преступления» Морелоса против церкви и монарха, а потом огласил приговор. Вслед за этим Морелоса заставили произнести формулу отречения от своих «заблуждений». В знак возвращения «кающегося грешника» в лоно церкви он получил несколько палочных ударов.

Теперь Морелосу предстояло подвергнуться мучительной процедуре отречения от духовного сана. Со свечой в руке он прошел в сопровождении чиновников инквизиции через весь зал в находившуюся рядом часовню, где ожидал епископ Бергоса-и-Хордан, и медленно приблизился к алтарю. Здесь было прочитано постановление Соборной хунты о лишении Морелоса сана, после чего на него надели одежду священника, а затем поставили на колени, и епископ в соответствии с ритуалом снял это облачение. Морелос оставался на вид спокойным и бесстрастным.

Сделав свое дело, инквизиторы передали узника светским властям. Из застенков инквизиции его перевели в цитадель, где держали в кандалах, под усиленной охраной. В течение нескольких дней измученного Морелоса опять допрашивали. Последняя стадия судебной инсценировки закончилась тем, что он был приговорен к смертной казни. 20 декабря приговор утвердил вице-король. Но, опасаясь народных волнений, колонизаторы побоялись казнить Морелоса в столице. Они решили сделать это тайком за пределами города.

...В 6 часов утра к цитадели подъехала карета с наглухо задернутыми шторами. Осужденного, по-прежнему закованного в кандалы, посадили между священником и офицером — начальником конвоя. Карета, сопровождаемая многочисленной конной стражей, быстро промчалась по пустынным и безлюдным в эти ранние часы улицам Мехико и покатила в северном направлении. Проехав в стремительном темпе около двух десятков километров, зловещий кортеж остановился в селении Сан-Кристобаль-Экатепек, где находился загородный дворец вице-короля. Морелоса ввели в одно из помещений и вскоре велели готовиться к смерти. Он попросил разрешения выкурить сигару, а потом исповедался. Когда пришедшие за ним конвоиры попытались завязать ему глаза, Морелос решительно отстранил их, посмотрел на часы и, взяв в руки распятие, промолвил: «Господи, если я поступил хорошо, ты это знаешь, если же плохо, уповаю на твое бесконечное милосердие». Затем по настоянию солдат сам завязал себе глаза собственным платком.

Скрутив ему руки ружейными ремнями, палачи вывели приговоренного наружу. Поскольку тяжелые кандалы затрудняли его движения, они не стали отводить свою жертву далеко, а поставили на колени в нескольких шагах от мрачного дворцового здания. Вслед за командой, поданной офицером, раздался залп, и Морелос упал, сраженный четырьмя пулями. Но он еще дышал до тех пор, пока убийцы не прикончили его несколькими выстрелами. Это произошло в 3 часа дня 22 декабря 1815 г.

С гибелью Морелоса мексиканское революционное движение лишилось выдающегося руководителя, талантливого полководца, самоотверженного борца за свободу и демократические преобразования. Этот человек, обладавший разносторонними способностями, нестигаемым мужеством, железной волей, был готов на любые жертвы во имя освобождения и благополучия своей родины.

В результате разгрома главных сил восставших к концу 1815 г. Новая Испания была в основном вновь подчинена испанскому господству. Хотя патриоты не сложили оружие, революционное движение после гибели Морелоса пошло на убыль. Правда, в различных районах действовали партизанские отряды Мануэля Мьер-и-Терана, Герреро, Гуадалупе Виктории (его настоящее имя Мануэль Феликс Фернандес), Осорно, братьев Районов и др. Но общее число повстанцев не достигало тогда и 10 тыс., между тем как испанцы располагали 40-тысячной кадровой армией и таким же по численности ополчением, т. е. всего имели под ружьем около 80 тыс. человек¹, в большинстве своем лучше подготовленных и вооруженных, чем повстанческие формирования.

Используя свое численное и материальное превосходство, а также разногласия между отдельными группами патриотов, испанские войска в 1816 г. начали общее наступление против «мятежников». В ходе его они добились существенных успехов. Этому в немалой степени способствовала более гибкая политика нового вице-короля Хуана Руиса де Аподаки, который наряду с проведением карательных операций старался сломить сопротивление повстанцев обещанием помилования всем участникам борьбы за независимость. В итоге кампании, проведенной испанцами, к весне 1817 г. революционное движение было подавлено на большей части территории страны. Осталось лишь несколько небольших очагов в Гуанахуато, Веракрусе, на Тихоокеанском побережье.

Безуспешной оказалась и попытка освобождения Новой Испании от колониального гнета, предпринятая Франсиско Хавьером Миной — в прошлом одним из организаторов народной войны против войск Наполеона в Испании. Вынужденный после возвращения Фердинанда VII эмиг-

рировать в Англию, Мина не отказался от борьбы с абсолютизмом и решил продолжать ее в Америке.

В середине апреля 1817 г. возглавляемая им экспедиция высадилась в Сото-ла-Марина, на побережье Мексиканского залива. Отряду Мины, насчитывавшему около 400 человек, удалось соединиться с повстанцами под командованием Педро Морено, которые удерживали форт Сомбреро, и обратить в бегство испанские войска. Но роялисты, подбросив подкрепления, начали осаду форта. 19 августа они взяли Сомбреро. Мина на сей раз спасся, однако два месяца спустя при неудачной попытке овладеть Гуанахуато его отряд был рассеян, а сам он захвачен в плен и расстрелян. Неудача экспедиции Мины усилила деморализацию патриотов. Немногочисленные повстанческие группы, действовавшие на юге и объединившиеся вокруг Герреро, потерпели ряд поражений.

В 1818—1819 гг. испанцы почти повсеместно ликвидировали последние значительные вспышки восстания. Большинство руководителей погибли или попали в плен. Часть повстанцев казнили, другие отошли от движения. Среди немногих партизанских командиров, продолжавших борьбу, выделялись Герреро, который контролировал долину реки Бальсас, и Гуадалупе Виктория, укрывшийся в горах и лесах Веракруса.

Однако именно тогда, когда испанская монархия, казалось, уже могла торжествовать победу над мексиканскими инсургентами *, последовал удар, которого правители Испании никак не ожидали. 1 января 1820 г. в войсках, сосредоточенных в Кадисе для отправки в Америку, вспыхнуло восстание под лозунгом восстановления либеральной конституции 1812 г. Оно вскоре переросло в революцию, охватившую всю Испанию. 7 марта Фердинанду VII пришлось объявить о созыве кортесов, а через день — возобновить действие конституции. Эти события оказали большое влияние на обстановку в Новой Испании.

Долголетняя война за независимость существенно отразилась на состоянии экономики колонии. В течение ряда лет страна являлась ареной кровопролитной борьбы, в ходе которой погибли сотни тысяч людей и были уничтожены огромные материальные ценности. Многие торгово-промышленные центры и целые области понесли значи-

* Инсургентами испанские власти называли участников восстания.

тельный ущерб; связи между различными районами и нормальная хозяйственная жизнь нарушились. На протяжении длительного времени масса людей, оторванных от повседневных занятий, сражалась в составе революционных войск или испанских армий.

Военные операции потребовали крупных денежных средств. Разрушение производительных сил и резкое сокращение числа рабочих рук привели к упадку всех отраслей экономики. Намного уменьшился объем продукции земледелия, скотоводства, промышленности, особенно горнодобывающей, торговля оказалась в значительной степени парализованной. Все это повлекло за собой ощутимое уменьшение доходов казны, между тем как расходы с начала войны заметно увеличились. В результате колония страдала от хронического финансового дефицита, который власти пытались покрыть путем повышения пошлин, налогов и сборов, при помощи реквизиций, принудительных займов и т. д.

Переживаемые Новой Испанией экономические трудности легли главным образом на плечи трудящихся. Но они вызывали недовольство и креольских помещиков, владельцев рудников и мануфактур, духовенства и других имущих слоев населения, давно добивавшихся ликвидации колониального режима. Часть из них, испугавшись мощного размаха освободительного движения, принимавшего в ряде случаев социальный характер, перешла в свое время в лагерь колонизаторов. Однако, когда народное восстание было подавлено и партизанские отряды разгромлены, они снова стали стремиться к освобождению от испанского владычества и тех пут, которые сковывали развитие страны.

В начале апреля 1820 г. первые вести о событиях в метрополии достигли Новой Испании и сразу же нашли там отклик среди сторонников независимости, в большинстве своем надеявшихся, что перемены в Испании облегчат проведение необходимых преобразований в ее американских владениях и избавление от колониального ига.

Положение испанских властей оказалось весьма затруднительным, так как значительная часть войск сочувствовала либеральным идеям, а многие офицеры являлись масонами, которые в то время придерживались обычно сравнительно передовых взглядов. Благодаря этому либеральные круги сумели довольно быстро добиться успеха.

31 мая вице-король и другие высокопоставленные сановники присягнули на верность конституции. Власти объявили о восстановлении свободы печати, ликвидации инквизиции и других специальных судебных органов.

Крупные землевладельцы, церковная иерархия, военно-бюрократическая верхушка были напуганы начавшейся революцией на Пиренейском полуострове и тем резонансом, который она получила за океаном. Их опасения еще больше усилились в связи с проводимыми в метрополии антифеодальными и антиклерикальными мероприятиями (подтверждение упразднения личных повинностей индейцев и других реформ, объявленных в 1810—1813 гг.; декреты о закрытии большинства монастырей, секуляризации* церковного имущества, лишении церкви права контроля над школьным образованием; полная отмена судебного иммунитета духовенства по всем уголовным делам; аннулирование привилегий военных и т. д.), отразившимися и на ситуации в Новой Испании.

Публичные выступления против колониальной администрации становились все более резкими. Усилению революционных настроений способствовали также успехи борьбы против колониализма в Южной Америке: в 1816 г. Тукуманский конгресс декларировал независимость Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы, в 1818 г. была провозглашена независимость Чили, в 1819 г. — Венесуэлы, вслед за освобождением Новой Гранады конгресс в Ангостуре принял решение о создании федеративной республики Колумбии.

Страх привилегированной испано-креольской элиты перед опасным для нее влиянием испанской революции в условиях нараставшего подъема освободительного движения в колонии обусловил изменения в расстановке классовых сил. Титулованная знать, высшее духовенство, крупные купцы и горнопромышленники, помещики, многие чиновники и офицеры, в прошлом поддерживавшие испанцев в борьбе с патриотами или выжидавшие ее исхода, стали добиваться отделения от революционной Испании. Боясь, что проникновение «либеральной заразы» из метрополии может способствовать такому развитию антиколониальных тенденций, которое будет сопро-

* Секуляризация — обращение государством церковной собственности (преимущественно земельной) в светскую.

вождаться существенными социально-экономическими преобразованиями, затрагивающими их интересы, они поспешили возглавить движение за независимость, чтобы направить его в удобное им русло. В обстановке, когда патриотические силы были обескровлены и разобщены, инициативу перехватили наиболее консервативные элементы, желавшие сохранить в неизменном виде свое господство и прежние порядки².

В числе тех, кто при создавшемся положении выступил в поддержку идеи независимости, оказались некоторые руководители католической церкви. Среди них видную роль играли ректор университета Мехико и каноник кафедрального собора Матиас Монтеагудо, бывший инквизитор Тирадо, епископ Пуэблы Антонио Хоакин Перес, который, будучи в свое время председателем кадисских кортесов, помог Фердинанду VII распустить их. Сторонниками отделения от метрополии являлись также военный судья Мигель Батальер, командующий регулярными войсками Новой Галисии бригадир Педро Селестино Негрете, подполковник Мануэль Гомес Педраса, избранный в 1820 г. депутатом кортесов, и другие офицеры.

Монтеагудо и его единомышленники собирались обычно в часовне церкви «Професа». Вскоре на первый план как лидер сепаратистов выдвинулся полковник Итурбиде — человек, который, по словам мексиканского историка, «был непропорционально мал по сравнению с великой задачей, поставленной перед ним судьбой»³.

Агустин Косме Дамиан де Итурбиде-и-Арамбуру родился 27 сентября 1783 г. в столице провинции Мичоакан — Вальядолиде, где восемнадцатью годами раньше появился на свет Морелос, а с конца 70-х до начала 90-х годов преподавал в местном коллегии Мигель Идальго.

Отец Агустина — Хосе Хоакин де Итурбиде-и-Арреги был уроженцем Наварры. В молодости он уехал в Новую Испанию и обосновался в Вальядолиде, приобретя одноэтажный каменный дом близ кафедрального собора и поместье недалеко от города. Со временем Итурбиде стал членом городского совета (кабильдо) и вступил в брак с креолкой Марией Хосефой Арамбуру.

Агустин — старший из пяти детей, родившихся от этого союза, — учился в вальядолидской теологической семинарии, но особого прилежания не проявлял. В 14 лет

юноша поступил на военную службу в чине второго лейтенанта пехотного полка, располагавшегося в Вальядолиде. В 1805 г. он женился на дочери интенданта провинции Мичоакан 19-летней креолке Ане Марии Уарте, привлечшей его не только миловидной внешностью, но и богатым приданым. Вскоре после свадьбы молодому офицеру пришлось покинуть родной город, так как его полк перевели в Халапу.

В середине сентября 1808 г. Итурбиде по личным делам приехал в Мехико. Вследствие случайного стечения обстоятельств он оказался в столице как раз в тот момент, когда был смещен вице-король Итурригарай. Лейтенант из Халапы одним из первых поспешил предложить свои услуги новой администрации, а его отец пожертвовал крупную сумму (тысячу песо) в пользу Испании, которая вела войну с наполеоновской армией. Подчеркивая свою лояльность по отношению к «законной» власти, Итурбиде-младший не забывал и о собственных интересах. В декабре 1808 г. он купил обширную асьенду Сан-Хосе-де-Апео в Мичоакане, заплатив за нее почти 100 тыс. песо, для чего употребил часть приданого жены. Год спустя Итурбиде еще раз проявил «благонадежность», донеся о заговоре в Вальядолиде.

Весть о восстании, начавшемся по призыву Идальго, застала Итурбиде на асьенде Апео, где он находился в отпуске по болезни. В связи с приближением повстанцев его семья 5 октября покинула Вальядолид и направилась в Мехико. Сам же Итурбиде получил предписание вместе со своим подразделением присоединиться к войскам Трухильо, направленным навстречу армии Идальго. Он отличился в сражении при Монте-де-лас-Крусес, за что был произведен в капитаны.

Впоследствии Итурбиде активно участвовал в подавлении освободительного движения в центральных районах Новой Испании. Именно он захватил в плен Альбино Гарсию и приказал расстрелять его в числе свыше полутора ста партизан. Награда последовала немедленно: 28-летнему капитану было присвоено звание подполковника. Испанское командование высоко ценило его. Начальник Итурбиде писал в январе 1813 г. вице-королю о его «энергии, таланте, умении командовать, испытанном патриотизме, воинском мастерстве, знании службы и опыте самостоятельного руководства войсками»⁴.

После победы, одержанной Итурбиде близ моста Сальватьерра и также сопровождавшейся массовой расправой с повстанцами, в апреле 1813 г. его произвели в полковники, а в сентябре поставили во главе соединений, действовавших в интендантстве Гуанахуато. Во время наступления революционной армии Морелоса на Вальядолид он в качестве заместителя командующего силами роялистов руководил внезапной атакой, которая привела к серьезному поражению патриотов и вынудила их к отходу. В дальнейшем Итурбиде успешно сражался с повстанцами в Гуанахуато и в декабре 1814 г. доложил вице-королю, что их сопротивление сломлено на всей территории интендантства. Однако в соседнем Мичоакане его постигла неудача. Несмотря на заметное превосходство в силах, все попытки испанских войск выбить «мятежников» с почти неприступной возвышенности Копооро оказались тщетными и в начале марта 1815 г. им пришлось снять осаду.

Но провал этой операции не помешал дальнейшему продвижению Итурбиде по службе, ибо энергичный и неразборчивый в средствах полковник успел достаточно хорошо зарекомендовать себя в глазах колониальных властей и вышестоящих начальников. Его преданность испанской монархии не вызывала сомнений. Он неоднократно проявлял свою готовность и способность отстаивать ее интересы, не останавливаясь ни перед чем. Это было еще раз продемонстрировано в конце 1814 г.

Во время торжеств, устроенных в середине октября в штаб-квартире Итурбиде в Ирапуато по случаю возвращения в Испанию Фердинанда VII, были казнены около 50 пленных инсургентов. Спустя две недели Итурбиде объявил, что с женами и детьми противников колониального режима отныне будут обращаться так же, как с вооруженными повстанцами. По словам мексиканского историка Хулио Сарате, этот человек сделал карьеру, «обагрив свои руки кровью мексиканцев»⁵. 30 декабря 1814 г. Итурбиде просил вице-короля с целью устрашения патриотов дать разрешение казнить каждую десятую из арестованных жен повстанцев, а в случае убийства хотя бы одного испанского солдата предлагал расстреливать всех задержанных женщин. Даже Кальеху, отличавшегося исключительной жестокостью, эта инициатива несколько смутила, и он не решился одобрить ее.

В сентябре 1815 г. Итурбиде был назначен командующим войсками на севере Новой Испании, а также в интендантствах Гуанахуато и Мичоакан. Однако он недолго занимал этот ответственный пост. В связи с поступившими жалобами на чинившиеся им расправы с мирным населением, произвол и насилие по отношению к семьям повстанцев, уничтожение и присвоение их имущества и т. п. Итурбиде в апреле 1816 г. вызвали в Мехико. Подобные обвинения предъявлялись ему и раньше, но тогда, в разгар вооруженной борьбы, власти игнорировали их. Теперь же, после разгрома основных сил патриотов и гибели Морелоса, пришлось начать расследование. Конечно, высокие покровители и влиятельные друзья полковника, в первую очередь вице-король Кальеха, постарались замять дело, но репутация Итурбиде оказалась столь основательно подмоченной, а сам он был так серьезно скомпрометирован, что вынужден был выйти в отставку. Этому способствовали и персональные перемены в колониальной администрации: 20 сентября 1816 г. место Кальехи занял Руис де Аподака. Месяц спустя Итурбиде передал командование своему преемнику.

В январе следующего года в столицу переехали его жена и дети, а вскоре он арендовал асьенду возле Чалько. Там в течение трех лет Итурбиде проводил большую часть времени, хотя нередко посещал и Мехико. Предаясь столичным развлечениям, он довольно быстро промотал значительную долю своего состояния. К этому периоду относится скандальная связь отставного полковника с великосветской красавицей Марией Родригес-и-Веласко, из-за которой он даже на время упрятал жену в монастырь, обвинив ее в супружеской неверности.

Прожигая жизнь в столице, внешне беззаботный Итурбиде затаил в душе глубокую обиду. Этот яркий монархист и реакционер, убежденный враг демократии и прогресса, честолюбец, готовый на все ради славы и обогащения, считал, что мадридское правительство не оценило должным образом его заслуг за многие годы верной и безупречной службы. Поэтому, когда стало известно о революции в метрополии, грозившей подорвать устои господства испано-креольской элиты, к которой он принадлежал по происхождению и положению и чьими интересами руководствовался во всей своей деятельности, Итурбиде решил, что его час настал.

Чтобы привести в исполнение свои далеко идущие замыслы, ему надо было располагать достаточным контингентом войск и уничтожить или нейтрализовать патриотические силы, которые могли бы помешать осуществлению его намерений. Благодаря влиятельным знакомствам Итурбиде, произведенному в бригадиры, удалось в ноябре 1820 г. получить должность командующего южным военным округом, простиравшимся от горнопромышленного центра Таско до Акапулько. В этом районе, где находился последний крупный очаг повстанческого движения, действовал тогда отряд Герреро, насчитывавший около 2 тыс. хорошо вооруженных и обученных бойцов.

В конце декабря и в январе 1821 г. Итурбиде, сосредоточив до 2,5 тыс. солдат, стал проводить боевые операции против партизан, однако успеха не добился. Тогда он решил привлечь Герреро на свою сторону и 10 января направил ему письмо с призывом подчиниться властям и спокойно ждать признания прав Новой Испании кортесами. Это произойдет неминуемо, уверял командующий, ибо в метрополии «ныне господствуют либеральные идеи». «Если же,— продолжал он,— вопреки ожиданиям мы не добьемся справедливости, я первый обнажу шпагу, отдам свое состояние и все, что смогу, дабы защитить наши права». Не дождавшись ответа Герреро, Итурбиде вторично обратился к нему. «Уважаемый друг!— писал он 4 февраля.— Без колебаний обращаюсь к Вам так... Поскольку мы с Вами преследуем одну и ту же цель, нам остается лишь договориться о мерах, которые кратчайшим путем приведут к успеху. Когда мы поговорим, Вы убедитесь в моих истинных чувствах. Чтобы облегчить установление связи между нами, я тотчас же направлюсь в Чильпансинго, не сомневаясь, что и Вы пожелаете туда. За полчаса беседы мы безусловно сделаем больше, чем обмениваясь множеством писем»⁶.

Однако осторожный партизанский вожак, имевший основания не очень доверять своему настойчивому корреспонденту, предпочел уклониться от предложенной встречи и послать для переговоров своего представителя. Итурбиде заверил его в том, что добивается только независимости. Поскольку такую задачу ставил перед собой и Герреро, соглашение было достигнуто. По мнению некоторых мексиканских историков, состоялось и личное

свидание двух лидеров. Утверждают, будто они встретились в Акатемпане, дружески обнялись и, обсудив положение, договорились о совместных действиях. Этот эпизод даже воспроизведен на картине, хранящейся в Национальном историческом музее Мехико. Однако другие исследователи решительно отрицают этот факт⁷.

24 февраля 1821 г. в селении Игуала было опубликовано тайно отпечатанное в Пуэбле обращение Итурбиде к населению Новой Испании, получившее название «плана Игуала». В нем формулировалась программа, основанная на трех принципах: «религия, единение, независимость».

«План Игуала» провозглашал независимость Мексики, во всем же остальном был направлен на сохранение и упрочение существующих порядков, сглаживание противоречий между различными слоями колониального общества. Превознося «блага» испанской колонизации страны, Итурбиде заявлял: «Испания ее взрастила и возвеличила, создав эти богатые города, эти прекрасные селения, эти обширные провинции и королевства, которые займут выдающееся место в мировой истории». «Ключ Долорес», прозвучавший в 1810 г., принес, по его словам, лишь бедствия. Подобная постановка вопроса была очень выгодна тем, кто в предыдущие годы сражался на стороне роялистов против патриотов, так как давала моральное оправдание их тогдашней позиции.

«План Игуала» предусматривал установление конституционной монархии («Мексиканской империи») во главе с Фердинандом VII или другим представителем династии Бурбонов⁸. До прибытия в Мексику монарха править страной должна была правительственная хунта. Всю систему управления и административный аппарат предполагалось оставить без изменений. В качестве государственной религии утверждалась римско-католическая, причем гарантировались привилегии (фуэро) духовенства и неотчуждаемость церковного имущества.

Большое внимание в «плане Игуала» уделялось интересам колонизаторов. Если Идальго провозгласил в свое время лозунг «Смерть гачупинам!», то Итурбиде настойчиво подчеркивал общность мексиканцев и уроженцев метрополии и призывал их к «единению». «...Европейские испанцы! Вашей родиной является Америка,— писал он,— ибо в ней вы живете, здесь ваши возлюбленные

жены, ваши любезные дети, ваши поместья, торговля и имущество. Американцы! Кто из вас может сказать, что не происходит от испанца? Вспомните о связывающих нас близких отношениях, прибавьте другие узы — дружбы, общности интересов, воспитания и языка, сходство чувств — и вы убедитесь — они столь тесны и значительны, что необходимо создавать благополучие королевства всем вместе, объединенным общими взглядами и единым духом».

«План Игуала» предусматривал неприкосновенность личности и собственности уроженцев Испании, а также сохранение за ними военных и гражданских постов. В то же время имущие слои местного населения могли рассчитывать на участие в управлении, так как пункт 12 «плана» гласил, что все жители, «отличающиеся друг от друга лишь своими заслугами и достоинствами, являются гражданами, способными занять любую должность».

Чтобы обеспечить осуществление трех принципов «плана Игуала», должна была быть сформирована «армия трех гарантий». В заключение, ориентируя соотечественников на мирное развитие событий, Итурбиде призывал: «Удивите же народы просвещенной Европы! Пусть видят, что Северная Америка освободилась, не пролив ни единой капли крови»⁹.

Одновременно с публикацией «плана Игуала» его автор направил вице-королю Аподаке письмо, в котором говорилось: «Не будем обманываться, Ваше превосходительство. Новая Испания хочет стать независимой, и никто не сомневается, что она в этом нуждается. Сама метрополия указала ей путь, открыла двери, и ясно, что так и будет». Во избежание кровопролития Итурбиде предлагал вице-королю образовать и возглавить правительственную хунту¹⁰.

1 марта он созвал подчиненных ему офицеров. Им были прочитаны «план Игуала» и послание вице-королю. Офицеры встретили их шумными криками одобрения. На следующее утро состоялась торжественная церемония принятия присяги. Положив левую руку на Евангелие, а правую на эфес пшпаги, Итурбиде трижды ответил «Да, клянусь» на заданные военным капелланом Фернандо Карденасом вопросы: «Клянетесь ли вы перед богом защищать святую католическую веру? Клянетесь ли установить независимость страны, обеспечив в ней мир и

союз между европейцами и американцами? Клянетесь ли хранить верность Фердинанду VII, если он признает конституцию, которая должна быть принята в Мексике?»¹¹ Затем присягнули офицеры. Во второй половине дня Итурбиде велел выстроить солдат, и те тоже приняли присягу.

«План Игуала» являлся своего рода компромиссом между испанскими кунцами, чиновниками, высшим духовенством — с одной стороны, мексиканскими помещиками-креолами и зарождавшимися буржуазными элементами — с другой. Компромисс этот был достигнут за счет народных масс, сыгравших решающую роль в вооруженной борьбе. Полностью игнорируя социально-экономические, а в значительной мере и политические задачи революции, «план Игуала» означал большой шаг назад по сравнению со стремлениями Идальго, Морелоса и их сподвижников. Тем не менее содержавшаяся в нем идея отделения от Испании обеспечила ему поддержку широких слоев мексиканского народа. Такая позиция была в немалой степени обусловлена переходом Герреро, пользовавшегося огромной популярностью, на сторону Итурбиде.

Движение за независимость, принявшее теперь иной характер, чем прежде, вновь быстро распространилось по всей Новой Испании. Колониальные власти оказались в изоляции, так как не могли рассчитывать на лояльность ни высшего духовенства, ни помещиков, ни купечества, ни большей части бюрократического аппарата. Число уроженцев метрополии сократилось к этому времени примерно до 10 тыс.¹² В армии, куда влились многие бывшие повстанцы, участники освободительной борьбы, большинство составляли мексиканцы, выступавшие за ликвидацию колониального режима и в массовом порядке присоединявшиеся к войскам Итурбиде.

Численность «армии трех гарантий», паролем которой стало слово «независимость», достигла вскоре 50 тыс. человек, в то время как в распоряжении испанской администрации фактически оставалось лишь около 6 тыс. экспедиционных войск¹³. Весной 1821 г. к движению, возглавлявшемуся Итурбиде, примкнули, помимо Герреро, ряд других партизанских руководителей, среди них Н. Браво, Осорно, Гуадалупе Виктория. На его сторону перешел известный своими патриотическими настроения-

ми писатель Лисарди, автор знаменитого плутовского романа «Перикильо Сарньенто» — первого подлинно оригинального произведения мексиканской прозы.

Не встречая серьезного сопротивления, армия Итурбиде стремительно продвигалась вперед. Из Игуалы она направилась на север и в середине апреля вступила в Гуанахуато, затем снова повернула на юг и, подойдя к Вальядолиду, гарнизон которого капитулировал, 22 мая заняла город. Отсюда Итурбиде пошел на северо-восток, и, окружив Керетаро, 28 июня овладел им, после чего двинулся к столице.

И в других областях рушилось испанское господство. Важные события происходили на побережье Мексиканского залива. Еще в марте часть войск, дислоцировавшихся в Веракрусе и Халапе, под командованием подполковника Хосе Хоакина Эрреры присоединилась к движению за независимость. 29 марта Эррера занял Орисабу, где под его знамена встали воинские подразделения молодого офицера Санта-Анны, а 1 апреля — Кордову. Попытка испанцев восстановить контроль над обоими городами закончилась провалом, так как две трети посланных с этой целью войск перешли к противнику. 29 мая Санта-Анна почти без боя овладел Халапой, захватив там много трофеев. Пуэблу со всех сторон окружили отряды Эрреры и Браво.

В западных провинциях приверженцы Итурбиде также быстро добились победы. Во второй половине июня «план Игуала» поддержала бо́льшая часть гарнизона Гвадалахары, а вскоре восстание охватило почти всю Новую Галисию. 4 июля сторонники независимости заняли Сакатекас. На южном побережье в руках испанских властей оставался лишь порт Акапулько.

Стремительный рост и успехи освободительного движения привели в смятение немногочисленных сторонников колониального режима. Паника среди них усиливалась по мере того как «армия трех гарантий» приближалась к Мехико, куда поспешно отступали остатки королевских войск.

В стане роялистов не было единства. Высшие офицеры настойчиво требовали приостановить действие некоторых положений конституции, прежде всего статьи, гарантировавшей свободу печати, дабы пресечь распространение текста «плана Игуала» в столице и других

районах, еще контролируемых колониальной администрацией. Против этого решительно выступал столичный аюнтамьенто, подавляющее большинство членов которого составляли креолы, избранные в июне 1820 г. Оказавшись между двух огней, вице-король Аподака уклонялся от принятия решения. Лишь после долгих колебаний он издал 5 июня декрет об отмене свободы печати, а через день объявил мобилизацию всего мужского населения Мехико от 16 до 50 лет.

Антиконституционные действия Аподаки лишили его поддержки аюнтамьенто и других гражданских властей. Но и военная верхушка, недовольная вялостью и нерешительностью вице-короля, не доверяла ему, считая, что он не способен организовать и возглавить боевые операции сосредоточенной в столице 10-тысячной армии против превосходивших ее численностью войск Итурбиде. 5 июля в Мехико произошел дворцовый переворот. Вечером воинские части окружили резиденцию вице-короля и, легко сломив слабое сопротивление охраны, ворвались в здание. По их настоянию Аподака «в соответствии с почтительной просьбой офицеров и солдат» согласился передать всю военную и гражданскую власть генеральному инспектору артиллерии фельдмаршалу Франсиско Новелье, являвшемуся с середины июня также военным губернатором Мехико.

На протяжении июля и начала августа Новелье развил бурную деятельность. Манифесты, декреты, циркуляры следовали один за другим. Новый глава испанской администрации призвал к «войне против предательства, трусости и эгоизма, под лозунгом «победа или смерть!», запретил «подозрительные собрания», политические дискуссии, распространение мятежных воззваний, объявил повторную мобилизацию, доведя максимальный призывной возраст до 60 лет, пригрозил суровыми наказаниями за подстрекательство военнослужащих к измене или дезертирству. Он приказал приступить к усовершенствованию имевшихся и строительству новых оборонительных сооружений, ввел ежемесячный налог на военные нужды в размере 100 тыс. песо, потребовал от населения предоставить лошадей для армии, принял чрезвычайные меры по обеспечению столицы продовольствием и т. д.

Однако все усилия были тщетными. Жители не выполняли директивы властей, не обращали внимания на

увещевания и угрозы. Аюнтамьенто и «провинциальная депутация» не скрывали своего отрицательного отношения к действиям Новельи и фактически отказали ему в поддержке. Единственной его опорой оставалась, по существу, сформированная им военная хунта. Сумятица и хаос нарастали по мере приближения «армии трех гарантий». 23 июля она вступила в Куэрनावаку, через неделю заняла Оахаку, установила контроль над всей провинцией Веракрус, за исключением самого порта (там оставался испанский гарнизон под командованием губернатора Давилы). 2 августа войска Итурбиде вошли в Пуэблу, где их торжественно встретил епископ Перес.

Между тем 30 июля в Веракрус прибыл из Мадрида вновь назначенный (по рекомендации Рамоса Ариспе, Мичелены и других мексиканских депутатов в кортесах) руководитель колониальной администрации Новой Испании * Хуан О'Доноху. Этот знатный вельможа, занимавший ранее пост генерал-капитана Андалузии, придерживался либеральных взглядов и представлял ту часть господствующих классов Испании, которая понимала невозможность сохранения испанского владычества в Северной Америке в ситуации, когда ряд других ее американских колоний уже добился независимости, а положение метрополии, охваченной революцией, не позволяло мадридскому правительству принять энергичные меры для подавления освободительного движения за океаном.

Видя неизбежность крушения колониального режима в Новой Испании, О'Доноху и его единомышленники стремились к тому, чтобы оно произошло в оптимальных для испанских правящих кругов условиях. С этой целью они пытались по возможности затормозить и ввести в приемлемые для них рамки процесс установления независимости. Поэтому по приезде в Веракрус О'Доноху опубликовал 3 августа обращение к населению, в котором заклинал не спешить, не действовать самостоятельно, а подождать соответствующего решения кортесов, которые не преминут, как он уверял, предоставить Новой Испании желанную свободу¹⁴.

Однако эти запоздалые призывы не оказали, как рассчитывала группировка О'Доноху, сдерживающего влия-

* Он официально именовался генерал-капитаном и главой политической власти,

ния на сторонников независимости, с каждым днем укреплявших свои позиции. В первых числах августа они начали наступление на столицу со стороны Керетаро. 19 августа произошло кровопролитное столкновение у Ацкапоцалько — на ближних подступах к Мехико. В испанских войсках усиливалось разложение, участились случаи дезертирства.

О'Доноху понял, что дальнейшее промедление лишит колониальные власти всякой возможности выступать в качестве договаривающейся стороны. Поэтому он решил начать переговоры с Итурбиде, который, в свою очередь, был крайне заинтересован в том, чтобы «узаконить» свои действия путем договоренности с официальным представителем королевского правительства. В итоге этих переговоров они пришли к соглашению, подписанному в Кордове 24 августа 1821 г.

Кордовский договор подтверждал основные положения «плана Игуала»: признание суверенитета и независимости «Мексиканской империи»; сохранение ее престола за Фердинандом VII или другим представителем династии Бурбонов (в случае их отказа право назначения монарха предоставлялось мексиканскому парламенту); гарантия жизни и имущества уроженцев метрополии; назначение временной правительственной хунты с участием О'Доноху для осуществления законодательной власти до созыва конгресса и разработки конституции. До приезда монарха функции исполнительного органа возлагались на регентский совет, назначаемый хунтой. «Поскольку осуществлению этого договора, — указывалось в его последней статье, — препятствует занятие столицы войсками метрополии... дон Хуан О'Доноху обязуется употребить свою власть для того, чтобы добиться вывода этих войск без пролития крови, на основе почетной капитуляции»¹⁵. Через несколько дней генерал-капитан отдал соответствующий приказ Новелье.

Кордовский договор вызвал недовольство некоторых представителей колониальной военно-бюрократической верхушки. Новелья под различными предлогами оттягивал эвакуацию гарнизона из Мехико. Губернатор Веракруса Давила категорически отказался подчиниться приказу о прекращении сопротивления. Однако движение за независимость стремительно нарастало. Оно охватило Новую Бискайю, Юкатан, распространилось на генерал-капитан-

ство Гватемалу, где весьма сильно ощущалось влияние мексиканских событий. Аюнтамьенто столицы настаивал на немедленной капитуляции, заявляя о бессмысленности дальнейшей борьбы. Наконец, после состоявшейся 13 сентября личной встречи с О'Доноху и Итурбиде в окрестностях города Новелья согласился выполнить приказ генерал-капитана. 23 сентября испанские войска покинули столицу и направились в Веракрус.

Готовясь к вступлению в Мехико, Итурбиде сформировал в предместье Такубайе временную правительственную хунту. Она состояла из 38 человек, представлявших преимущественно высшую бюрократию, духовенство, военное командование, землевладельческую аристократию. Через несколько дней в столице было объявлено о восстановлении свободы печати.

27 сентября, в день рождения Итурбиде, авангард 16-тысячной «армии трех гарантий» под трехцветным зелено-бело-красным знаменем* около 10 часов утра торжественно вступил в город. Впереди на черном коне ехал главнокомандующий в сопровождении штабных офицеров, адъютантов и прочей свиты. Перед триумфальной аркой, сооруженной возле монастыря Сан Франсиско, его встречали «отцы города» — руководители муниципалитета. Итурбиде спешился, и старший по возрасту алькальд преподнес ему на серебряном блюде золотые ключи. Возвратив их алькальду, он продолжал путь к дворцу вице-короля. Проезжая мимо дома своей любовницы Марии Родригес, Итурбиде, всегда склонный к эффектной позе, галантным жестом сорвал с головного убора плюмаж и кинул его на балкон Марии.

Подъехав к дворцу, он поднялся наверх, вышел на центральный балкон и вместе с О'Доноху оставался там, пока не закончился к 2 часам дня парад войск. Каждую воинскую часть толпы жителей, заполнивших улицы и площади, встречали приветственными возгласами. Нарядные дамы с вплетенными в волосы зелеными, белыми и красными лентами бросали с балконов цветы. Энтузиазм достиг апогея при появлении Герреро. Высокий, смуглый брюнет, с короткими курчавыми волосами и живыми черными глазами, он медленно ехал впереди своих отрядов.

* Эти цвета символизировали три принципа «плана Игуала»: зеленый — независимость; белый — чистоту римско-католической религии; красный — союз мексиканской нации с испанцами.

После прохождения войск архиепископ Педро Хосе де Фонте отслужил в кафедральном соборе благодарственную мессу, а затем аюнтамьенто устроил банкет в честь победителей. На следующее утро официально конституировалась правительственная хунта под председательством Итурбиде, обнародовавшая декларацию о независимости «Мексиканской империи». В декларации говорилось, что новое государство «будет основано на принципах, которые главнокомандующий имперской армией трех гарантий мудро изложил в «плане Игуала» и Кордовском договоре»¹⁶.

В тот же вечер хунта назначила регентский совет из пяти членов. Его возглавил Итурбиде (которому одновременно присваивалось звание «генералиссимуса морских и сухопутных сил империи»). В него вошли О'Доноху, Исидро де Яньес и другие видные деятели прежнего колониального аппарата. Председателем хунты вместо Итурбиде стал его ближайший советник, епископ Пуэблы Перес*. Через несколько дней был образован кабинет в составе четырех министров, на которых возлагались административные функции.

В ознаменование провозглашения независимости правительство распорядилось вычеканить памятную медаль. На ней изображался орел с распростертыми крыльями, увенчанный короной и со змеей в клюве, сидящий на кактусе, который рос на скале, подымавшейся из озера**. Это изображение (только без змеи) в начале следующего года правительственная хунта утвердила в качестве национального герба. Оно помещалось на национальном флаге, состоявшем из трех вертикальных полос зеленого, белого и красного цвета.

В течение первой половины октября 1821 г. были ликвидированы последние очаги сопротивления испанцев в Акапулько и Пероте, а в конце месяца занят Веракрус.

* В дальнейшем, когда в связи с внезапной смертью О'Доноху, последовавшей в начале октября 1821 г., Перес был назначен регентом, его место занял бывший депутат кортесов священник Хосе Мигель Гуриди-и-Алькосер.

** Предание связывало основание Теночтитлана (впоследствии Мехико) на острове озера Тескоко с тем, что там древние ацтеки будто бы обнаружили сидевшего на кактусе орла, который пожирал змею. Орел, змея и кактус как символ национального мексиканского начала являлись основными элементами национального герба, учрежденного декретом революционного конгресса 3 июля 1815 г.

Часть гарнизона во главе с Давилой, захватив с собой тяжелую артиллерию, боеприпасы и продовольствие, перебазировалась в островную крепость Сан-Хуан-де-Улуа.

Таким образом, многолетние усилия мексиканского народа увенчались успехом. Однако многие социально-экономические и политические задачи революции, определявшиеся не только стремлениями трудящихся масс, но и объективными тенденциями развития страны, не удалось разрешить. Это объяснялось прежде всего тем, что вследствие слабости радикального крыла освобождение от чужеземного ига осуществилось в конечном счете под эгидой консервативных сил — крупных землевладельцев, высшего духовенства, военщины, — которые, исходя из своих узкоклассовых интересов, желали увековечить удобные им порядки. Поэтому в Мексике, добившейся политической независимости, сохранились монархический строй, помещичьи латифундии, привилегии духовенства и армии.

Конечно, превращение страны из колонии в суверенное государство само по себе имело огромное значение для ее исторических судеб. Однако по своим задачам, движущим силам и последствиям движение, возникшее на платформе «плана Игуала», было мало связано с освободительной борьбой предшествующего периода, хотя именно она расшатала устои колониального режима и подготовила его падение. «Разве за это сражались Идальго, Альенде, Морелос и были принесены в жертву 200 тысяч человек? Разве такова была воля нации?» — вопрошал позднее очевидец событий К. М. де Бустаманте¹⁷.

А. Куэ Кановас справедливо замечает, что Итурбиде возглавил движение, которое привело к установлению системы правления, «целиком враждебной демократической социальной программе повстанцев, сформулированной Идальго, развитой Морелосом, упорно и отважно отстаиваемой Герреро»¹⁸.

«МЕКСИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ»

С провозглашением независимости резко обострились противоречия между различными классами и социальными прослойками мексиканского общества. Крестьянство, городская беднота, мелкая буржуазия, торгово-промышленные круги, низшее духовенство, либеральная интеллигенция стремились, хотя и в разной степени, к проведению социально-экономических преобразований и демократизации политического строя. Помещики, прелаты церкви, высокопоставленные военные, а также другие представители привилегированной верхушки в большинстве своем добивались сохранения существующих порядков, как это предусматривалось «планом Игуала» и Кордовским договором (были среди них и немногочисленные сторонники восстановления колониального режима).

Несмотря на то что теперь мексиканцы и гачупины обладали равными правами, между ними все еще шла борьба. Хотя многие испанцы в панике покинули Мексику, и в экономике страны, административном аппарате, армии, церкви и других сферах значительно укрепились позиции креольской элиты, последняя все же продолжала рассматривать испанских помещиков, купцов, чиновников и офицеров как своих конкурентов и выражала недовольство теми гарантиями, которые им обеспечивали «план Игуала» и Кордовский договор. Уроженцы метрополии, со своей стороны, считали, что данные им обещания не выполняются. Желая пресечь выступления против властей, правительственная хунта 13 декабря 1821 г. объявила, что любая критика «плана Игуала» будет рассматриваться как подрывная деятельность и караться тюремным заключением на срок от 2 до 6 лет¹.

Расстановка классовых сил нашла отражение в развернувшейся политической борьбе, основным содержанием которой явился вопрос о характере государственного

устройства. Большинство бывших повстанцев во главе с Герреро, Гуадалупе Викторией, Н. Браво и те, кто разделял их взгляды, выступали за республиканскую форму правления. Реакционные круги настаивали на сохранении монархии. При этом часть монархистов — главным образом испанская знать, бюрократия и купечество — поддерживала кандидатуру Фердинанда VII, рассчитывая, что он закрепит за ними их привилегии. Креольские помещики, высшее духовенство и военщина хотели возвести на престол своего кумира Итурбиде, в руках которого после провозглашения независимости оказалась фактически вся власть.

Установив диктатуру, Итурбиде, боясь сопротивления со стороны республиканцев и своих противников из монархического лагеря, сперва не решался открыто домогаться короны. Напротив, он стремился создать впечатление, будто тяготится высоким положением главы государства и мечтает поскорее избавиться от этих обременительных обязанностей. Так, обращаясь 18 ноября 1821 г. к населению в связи с назначением срока выборов в конгресс, Итурбиде с напускным смирением сообщал: «С нетерпением ожидаю, когда наступит счастливый день созыва национального конгресса и я смогу в качестве простого гражданина явиться в это святилище родины... дабы заявить (как уже сделал ранее перед лицом Мексики и всего мира), что те, кто ныне держат в своих руках бразды правления, мои товарищи по оружию и я сам — лишь подданные суверенного народа, всегда готовые выполнить его повеления... Я с радостью оставляю пост, которого удостоен... и либо удалюсь, если получу такое предписание, в лоно семьи, либо займу указанное мне место в рядах армии, либо постараюсь исполнить возложенное на меня поручение»².

Тщательно скрывая свои честолюбивые замыслы, Итурбиде выжидал удобного момента для их осуществления и исподволь готовил почву. Дабы заручиться поддержкой торгово-промышленных кругов, он в конце 1821 — начале 1822 г. провел ряд мер, рассчитанных на приобретение среди них популярности. Алькабала была снижена до 6%. Правительство разрешило торговым судам всех стран прибывать в мексиканские порты и сняло запрет на ввоз почти всех иностранных товаров, за исключением хлопка, табака, воска и некоторых других. Оно

заменило многочисленные импортные пошлины единым таможенным тарифом в размере 25% стоимости товара. Ввозимые ртуть, лен, медицинские инструменты, сельскохозяйственный инвентарь, горнопромышленное оборудование вообще освобождались от налога. Что касается вывоза, то экспортными пошлинами облагались лишь золото, серебро, кошениль и ваниль. С целью стимулирования развития экономики в Мехико было основано «Экономическое общество», возглавлявшееся самим Итурбиде.

Однако все эти мероприятия отнюдь не привели к улучшению экономического положения страны, остававшегося катастрофическим. Более того, снижение пошлин и налогов вызвало дальнейшее уменьшение государственных доходов, чему немало способствовало и значительное сокращение торговли, так как торговые отношения с Испанией прекратились, а с другими странами еще не наладились. Товарооборот Веракруса, составлявший в 1796—1820 гг. в среднем свыше 21,5 млн. долл. в год, упал в 1821 г. до 17,2 млн., в 1822 г. — до 14 млн., а в 1823 г. не достиг и 6,3 млн.³ К тому же, поскольку крепость Сан-Хуан-де-Улуа продолжали удерживать испанцы, которые сами взимали пошлины с товаров, доставлявшихся иностранными судами в Веракрус, поступления в мексиканскую казну от таможенных сборов были вообще весьма невелики. Между тем правительственные расходы непрерывно росли. Огромные средства тратились на содержание войск и административных учреждений, а также на выплату высоких окладов и пенсий. Согласно опубликованному в январе 1822 г. официальным данным, почти вся сумма доходов казначейства за первые четыре месяца независимого существования ушла на армию, жалование чиновникам и самому главе регентского совета⁴.

Стремясь к расширению территории «Мексиканской империи», Итурбиде стал усиленно добиваться аннексии генерал-капитанства Гватемалы, где также нарастало антиколониальное движение. Особенно широкий размах оно приобрело в самой западной провинции — Чьяпасе, граничившей с мексиканской Оахакой.

В конце августа — начале сентября 1821 г. было объявлено об отделении Чьяпаса от Испании и его присоединении к Мексике. Вслед за тем, 15 сентября, собрание представителей населения столицы генерал-капитанства (города Гватемалы) приняло декларацию о незави-

сямости и созыве 1 марта следующего года конгресса всех провинций Центральной Америки, которому надлежало решить, быть ли Гватемале суверенным государством или войти в состав «Мексиканской империи».

В течение октября Итурбиде дважды обращался к бывшему генерал-капитану Габино Гаинсе, продолжавшему осуществлять высшую гражданскую и военную власть, с предложением присоединить управляемую им территорию к Мексике. Но гватемальское правительство не решилось сразу уступить этому требованию. Только 5 января 1822 г. Гаинса официально объявил о включении Гватемалы в «Мексиканскую империю». Однако уже через несколько дней «провинциальная депутация» Сан-Сальвадора, возглавлявшаяся священником Хосе Матиасом Дельгадо, заявила об отделении этой провинции от Гватемалы и предстоящем созыве конгресса, на рассмотрение которого будет представлен вопрос об объединении с Мексикой. Поскольку стало ясно, что, несмотря на позицию Гаинсы, аннексионистские планы встречают в Центральной Америке сильное противодействие, Итурбиде якобы для «защиты» населения направил туда войска под командованием полковника Висенте Филисолы. Они заняли Чьяпас и в мае вступили в Гватемалу.

В конце 1821 — начале 1822 г. были проведены четырехстепенные выборы в мексиканский конгресс. Хотя правящая клика при помощи всевозможных ухищрений пыталась обеспечить избрание лишь удобных ей депутатов, среди последних оказалось и много противников Итурбиде, что свидетельствовало о растущем недовольстве широких слоев населения.

Учредительный конгресс открылся 24 февраля в помещении бывшего иезуитского храма св. Петра и Павла. Обратившись к депутатам, Итурбиде в своей речи с негодованием обрушился на «смутьянов» и «возмутителей спокойствия», разжигающих недовольство, вражду, раздоры и мятежи. Он выразил уверенность, что конгресс, «исходя из соображений справедливости и благоразумия, ограничит свободу, дабы она не подверглась опасности капитулировать перед деспотизмом и не выродилась в распущенность, постоянно угрожающую безопасности общества». Чтобы подсластить пилюлю, генералиссимус пообещал, что под эгидой конгресса «воцарится справедливость, заблистают достоинства и добродетели, начнут

новую жизнь сельское хозяйство, торговля и промышленность, будут процветать искусства и науки; наконец, империя станет краем радости, землей изобилия, отчизной христиан, опорой благонамеренных, государством разумных, предметом восхищения всего мира, а первый мексиканский конгресс — памятником вечной славы»⁵.

Провозгласив (в соответствии с «планом Игуала») создание «умеренной конституционной монархии, именуемой Мексиканской империей», конгресс вручил исполнительную власть регентскому совету, во главе которого продолжал оставаться Итурбиде. Вместе с тем он объявил, что воплощает национальный суверенитет и обладает всей полнотой законодательной власти. Функции правительственной хунты были исчерпаны. Когда Итурбиде, ссылаясь на свои заслуги, потребовал особого почетного места в зале заседаний парламента, депутаты отвергли эти притязания, и ему пришлось удовольствоваться креслом слева от председателя.

В конгрессе, начавшем свою деятельность с открытой конфронтации с правительством, сложились три группировки: бурбонисты, итурбидисты и республиканцы. Позиции последних были слишком слабыми для самостоятельных выступлений, и потому многие из них поддерживали на первых порах бурбонистов, поскольку считали претензии генералиссимуса на мексиканскую корону более реальной угрозой, нежели возможное принятие ее Фердинандом VII или другим представителем династии Бурбонов. Главная задача заключалась, по их мнению, в том, чтобы не допустить вступления на престол Итурбиде и выиграть время, необходимое для разработки либеральной конституции и создания условий для установления республиканского строя.

Приверженцы Итурбиде, маскируя свои планы, до поры до времени тоже действовали заодно со сторонниками Бурбонов. В результате бурбонисты заняли вначале доминирующее положение. Но вскоре стало известно, что 13 февраля испанские кортесы объявили Кордовский договор незаконным, отказавшись, таким образом, признать независимость Мексики. Это известие привело к распаду группы, ориентировавшейся на Бурбонскую династию. Часть ее присоединилась к республиканцам, остальные примкнули к итурбидистам. Теперь борьба развернулась между этими двумя группировками.

Рассчитывая осуществить свое намерение занять трон с помощью армии, Итурбиде старался восстановить ее против парламента, увеличивал численность войск, бóльшая часть которых дислоцировалась в столице, и тратил крупные суммы на военные нужды. В связи с очевидной подготовкой государственного переворота возрастало число депутатов, протестовавших против этих действий.

Между приверженцами Итурбиде и большинством конгресса разгорелась борьба, отражением которой явились споры по финансовым вопросам. Конгресс принял в марте решение о снижении жалованья офицерам и чиновникам, а также поставил вопрос об уменьшении военных расходов за счет сокращения армии и перебазирования части ее из Мехико в провинции. Напротив, Итурбиде, настаивавший на сосредоточении войск в столице, требовал дополнительных ассигнований, чтобы довести их контингент, едва ли превышавший к концу 1821 — началу 1822 г. 20 тыс. человек, примерно до 36 тыс. Свое требование он мотивировал угрозой испанского нападения, а также опасениями по поводу возможных действий России против Калифорнии и вторжения англичан на Юкатан из Белиза.

Однако реальная опасность могла в то время исходить практически лишь от Испании, располагавшей крупными вооруженными силами на Кубе. Что же касается вероятности угрозы со стороны двух других держав, то предположения Итурбиде являлись совершенно беспочвенными: селение Росс, основанное в 1812 г. Российско-американской компанией на побережье Верхней Калифорнии (северо-западнее залива Бодега), представляло собою всего лишь небольшую деревянную крепость, гарнизон которой насчитывал не более полусотни человек, а британские силы в Белизе были явно недостаточны для каких-либо враждебных акций против Мексики⁶.

К началу апреля конфликт между Итурбиде и конгрессом чрезвычайно обострился. На заседании парламента 3 апреля генералиссимус, ссылаясь на якобы полученные им документы, во всеуслышание заявил, что среди депутатов есть предатели. Это заявление вызвало бурную реакцию. «Цезарь перешел Рубикон!» — воскликнул председатель конгресса Хосе Иполито Одоардо. «Хотя большинство депутатов, — как заметил современник Лукас

Аламан,— не знало, что такое Рубикон, и понятия не имело, почему Цезарь перешел его», эти слова были встречены всеобщим одобрением⁷.

11 апреля конгресс принял решение о реорганизации регентского совета, откуда вывели ставленников Итурбиде. Одним из вновь назначенных регентов стал Н. Браво. Конгресс высказался также за сокращение численности постоянной армии примерно вдвое и обсуждал проект постановления о запрещении представителям исполнительной власти занимать командные должности. В парламенте и в прессе усилились республиканские настроения, в распространении которых весьма значительную роль играли масонские ложи. Эти настроения проникли даже в армию.

В то же время в стране росло недовольство медлительностью конгресса, так как депутаты вели бесконечные дискуссии и не спешили с разработкой конституции, организацией различных отраслей управления, восстановлением хозяйства и решением других неотложных политических и экономических вопросов. Высшее духовенство, крупные помещики, военные круги стремились к созданию твердой власти. В такой обстановке Итурбиде, выражавший интересы феодально-клерикальной верхушки господствующих классов, опираясь на поддержку большей части армии, решил произвести государственный переворот и установить открытую военно-монархическую диктатуру.

Но он до последнего момента не раскрывал карты. Напротив, желая усыпить бдительность своих противников, Итурбиде 15 мая объявил, что немедленно уйдет в отставку, если армия не будет увеличена. Это требование, как и прежде, аргументировалось тем, что без многочисленной и боеспособной армии Мексике не удастся сохранить независимость. «Кромвель, принц Оранский, Вильгельм Телль и Вашингтон избавили свои страны от тирании и деспотизма, сражаясь и командуя войсками», — констатировал Итурбиде в послании регентскому совету. Нарисовав затем мрачную картину мексиканской действительности, он гневно спрашивал: «Что такое Мексика? И это называется нацией? И при таком положении нам уже в тягость армия, заложившая первый камень в здание свободы?»⁸. Предъявленный ультиматум заставил конгресс уступить. Но было уже поздно.

В ночь с 18 на 19 мая 1822 г. по инициативе сержанта Пио Марча подразделения 1-го пехотного полка (несшего личную охрану главы правительства), а вслед за ними и остальные части столичного гарнизона подняли инспирированный правящей кликой мятеж под лозунгом «Да здравствует Агустин I, император Мексики!». К мятежникам присоединилась часть городской бедноты и деклассированных элементов — леперос, стекавшихся отовсюду к особняку генералиссимуса, известному под названием «дворца Монкада».

Итурбиде вышел на балкон и, лицемерно разыгрывая неудовольствие, всем своим видом показывая, будто поступает вопреки желанию, заявил, что «подчиняется воле народа». Впоследствии он утверждал, что вовсе не собирался уступать требованиям толпы и передумал лишь по совету одного из своих приближенных, якобы сказавшего ему: «Ваше несогласие будет воспринято как оскорбление, а гнев народа не знает границ. Во имя народного блага Вы должны принести эту новую жертву. Родина в опасности. Еще мгновение нерешительности, и Вы услышите, как эти возгласы сменяются угрозами смерти»⁹.

На самом же деле это была заранее подготовленная инсценировка, не имевшая ничего общего с подлинными стремлениями населения. Очевидец событий Лоренсо де Савала указывал, что массы отнюдь не желали видеть Итурбиде на престоле¹⁰. Как подчеркивает современный мексиканский историк Карлос Ибарра, народ вовсе не поддерживал узурпатора, пользовавшегося популярностью только «среди черни и солдатни»¹¹.

Утром 19 мая собралась чрезвычайная сессия конгресса. Она происходила в здании, окруженном неистовствовавшей толпой сторонников Итурбиде, которая заполнила также зал заседаний и галереи для публики. Присутствовали только 82 депутата (при кворуме в 102 *).

Предложение об избрании императора в соответствии с «волей народа» аудитория встретила гробовым молчанием. Потом один из депутатов, желая выиграть время, робко заметил, что надо бы запросить мнение провинций. Тогда солдаты и леперос, потрясая саблями и ножами,

* Около 40 членов конгресса, находившихся в оппозиции к Итурбиде, не явились на заседание, так как им накануне пригрозили расправой.

стали кричать, что перережут глотки депутатам, если те до часа дня не примут решение. Угроза подействовала. 67 голосами конгресс постановил «избрать конституционным императором Мексиканской империи сеньора дона Агустина де Итурбиде под именем Агустина I»¹². Комиссия в составе 24 депутатов вручила текст этого постановления императору.

24 мая Итурбиде принес присягу, поклявшись защищать католическую религию, соблюдать конституцию, которую в будущем выработает конгресс, а также издаваемые последним законы, декреты и распоряжения, уважать права нации и свободу личности. Речь, произнесенную вслед за тем перед депутатами, Итурбиде закончил словами: «Будьте уверены: если я окажусь недостойным вас, жизнь станет мне ненавистна. Великий боже! Да не случится так, чтобы я когда-либо забыл, что монарх для народа, а не народ для монарха»¹³.

Монархия объявлялась наследственной — в случае смерти императора корона должна была перейти к его старшему сыну Агустину Херонимо. Всем детям Итурбиде, его отцу и сестре присваивались титулы принцев и принцесс. Для ведения текущих дел монарх назначил Государственный совет в составе 13 человек, выбранных им из числа 39 кандидатов, предложенных конгрессом. Они представляли высшее духовенство, крупное купечество, генералитет, верхушку бывшей колониальной бюрократии.

Придавая большое значение акту коронации, Итурбиде тщательно готовил его. Поэтому торжество, первоначально назначенное на 27 июня, под предлогом болезни императора отложили почти на целый месяц. Власти постарались не ударить в грязь лицом. Образцом для них в смысле торжественности и пышности церемонии служили европейские дворы.

В соответствии с процедурой, разработанной специальной комиссией конгресса, в 10 часов утра 21 июля император в карете, эскортируемой высшими офицерами, отбыл из «дворца Монкада». В другом экипаже в сопровождении придворных дам ехала его жена. Ее роскошное платье, шитое французской портнихой, по фасону напоминало то, в котором при коронации Наполеона появилась императрица Жозефина. За ними следовали высокопоставленные чиновники и представители церкви. Возле

центрального входа в кафедральный собор пышный кортеж встретили члены соборного капитула и епископы Пуэблы, Дуранго, Оахаки, Гвадалахары.

Войдя в храм, Итурбиде приблизился к подножию алтаря. После помазания, совершенного епископом Руисом де Кабаньясом, председатель конгресса Рафаэль Манхино возложил корону на голову коленопреклоненного монарха. По окончании церемонии процессия проследовала обратно к «дворцу Монкада», где императорской семье предстояло находиться, пока не отремонтируют бывший дворец вице-короля, предназначенный служить постоянным местопребыванием двора и правительства.

Обширный штат придворных Агустина I включал мажордома, церемониймейстера, восемь адъютантов, главного раздатчика милостыни, духовников императора и императрицы, камергеров, фрейлин, капелланов, пажей и пр.

Хотя провозглашение империи не встретило никакого организованного противодействия, его резко осудил ряд видных деятелей. Среди тех, кто считал, что решение конгресса, принятое под давлением, не имеет законной силы, были Висенте Рокафуэрте, Гуадалупе Виктория, священник Хосе Сервандо Тереса де Мьер и др.

В июле 1822 г. конгресс санкционировал присоединение к Мексиканской империи центральноамериканских провинций. Однако провинциальная хунта Сальвадора, являвшегося основным очагом сопротивления экспансионистским планам Итурбиде, по-прежнему отказывалась подчиняться как гватемальским властям, так и правительству Агустина I.

5 декабря глава сальвадорской хунты Дельгадо заявил о ее намерении заключить союз с США. Разъясняя населению причины этого шага, он ссылаясь на то, что мексиканское командование решило ввести свои войска в Сальвадор. «Это решение,— указывал Дельгадо,— которое отбрасывает нас на триста лет назад, к эпохе открытия Америки, когда испанцы, побуждаемые властолюбием и алчностью, явились в эти богатые края, чтобы подчинить их своему господству; это решение, столь возмутительное в век Просвещения на континенте, где раздается лишь голос свободы, в момент, когда мы только что разбили цепи зависимости от угнетателей, вынудило ваших представителей обратиться за помощью для защиты прав провинции к другой державе, и с этой целью они объявили

о федеративном союзе с республикой Соединенных Штатов Америки»¹⁴.

В ответ Филисола, назначенный генерал-капитаном Гватемалы, начал военные действия против Сальвадора и к началу февраля 1823 г. овладел большей частью его территории, включая столицу Сан-Сальвадор. 10 февраля было официально объявлено о присоединении Сальвадора к Мексиканской империи. Таким образом, к началу 1823 г. аннексия Центральной Америки в основном завершилась.

Однако империя Итурбиде оказалась недолговечной. Уже вскоре после ее возникновения обнаружилась неспособность нового правительства разрешить насущные проблемы. Экономическое положение страны продолжало оставаться крайне тяжелым, а финансовое состояние стало еще более катастрофическим, что, в частности, объяснялось дополнительными расходами на содержание двора, пышные празднества и церемонии, выплату высоких окладов и пенсий придворным. Определенное значение имела также утечка капиталов в связи с отъездом многих испанцев¹⁵. Пытаясь изыскать новые источники дохода, правительство прибегало к контрибуциям и принудительным займам, запретило вывоз капиталов, реквизирировало крупные суммы, принадлежавшие испанским купцам, а с конца 1822 г. стало выпускать бумажные деньги.

Подобные меры встревожили значительную часть господствующих классов, прежде всего торгово-промышленные круги. Их интересы страдали также от иностранной конкуренции, заметно усилившейся в результате мероприятий, проведенных правительством Итурбиде в конце 1821 — начале 1822 г. Отмена ряда торговых ограничений вызвала быстрый рост торговли со странами Европы (разумеется, исключая Испанию) и США. Если в 1821 г. из портов этих стран прибыло в Веракрус всего 7 торговых судов (из 116), а в 1822 г. — 30 (из 130), то в 1823 г. — уже 91 (из 148)¹⁶.

«... Таможенный тариф 1821 г. ... — указывает Л. Чавес Ороско, — широко распахнул двери в Мексику для международной торговли. Поток английских, американских и французских товаров хлынул в нашу страну»¹⁷. Мексиканский рынок наводнила иностранная продукция, что оказало весьма отрицательное влияние на развитие местных мануфактур и ремесла. В частности, разрешение ввозить хлопчатобумажные изделия при сохранении запрета

на импорт хлопка-сырца поставило под удар одну из важных отраслей мексиканской промышленности.

Трудящиеся массы города и деревни, мелкобуржуазные слои, зарождавшаяся буржуазия, либеральная интеллигенция были разочарованы тем, что за год с лишним независимого существования не произошло никаких существенных социально-экономических преобразований и почти в полной неприкосновенности сохранились характерные для колониального периода помещичьи латифундии (хотя многие поместья испанцев перешли в руки землевладельцев-креолов), феодально-крепостническая, а местами даже рабовладельческая эксплуатация, всецелое католической церкви, монопольное положение испанских купцов во внешней торговле, цеховая система.

Коренное население по-прежнему подвергалось дискриминации и жестокому обращению. Продолжал сохраняться и институт рабства. Условия труда рабочих мануфактур по существу не изменились. Как и в начале XIX в., на предприятиях процветали долговое рабство и другие формы кабалы. Не претерпела изменений унаследованная от колониальной эпохи система майоратов*.

В результате обострения внутренних противоречий социальная база империи Итурбиде все больше сужалась, а оппозиция ей с каждым месяцем усиливалась. Отражением этого процесса был стремительный рост антимоноархических тенденций. Они проявлялись и в конгрессе, где убежденный республиканец Мьер решительно выступал против императора. Агитация в пользу республики велась на страницах газеты «Омбре либре» и посредством распространения листовок. К. М. де Бустаманте резко критиковал политику Итурбиде в своем еженедельнике «Ависпа де Чильпансинго». Публиковались переводы французских книг, пропагандировавших доктрины Руссо.

В Мичоакане возник республиканский заговор, который, однако, в начале августа 1822 г. власти раскрыли. Тогда сторонники республики стали готовить восстание в окрестностях столицы. Среди заговорщиков было много офицеров, с ними имели контакт и некоторые депутаты (Мьер, Анастасио Сересеро и др.). Одним из вдохновите-

* Майорат — типичный для феодальных отношений порядок наследования недвижимого имущества старшим в семье.

лей заговора стал колумбийский посланник Мигель Санта-Мария.

В связи с активизацией республиканцев правительство взяло курс на проведение массовых репрессий. Под предлогом необходимости превентивных мер оно распорядилось взять под стражу 15 депутатов, в том числе Мьера, Бустаманте, Сересеро. Затем последовали другие аресты. Однако подавляющее большинство арестованных не имело ни малейшего отношения к заговору, а многие даже не знали о его существовании.

Император потребовал от конгресса согласия на учреждение в Мехико и провинциальных центрах военных трибуналов, но это требование было отклонено. Встречая оппозицию со стороны депутатов, Итурбиде стал добиваться сокращения их числа с тем, чтобы избавиться от наиболее опасных противников и полностью подчинить парламент своему контролю. «Принятие предлагаемой меры, — предсказывал очевидец, — сделает конгресс простым орудием в руках его императорского величества»¹⁸. Депутаты дважды отвергли эти домогательства. Тогда Итурбиде решил разогнать конгресс.

Утром 31 октября 1822 г. в зале заседаний парламента появился бригадир Луис Кортасар, вручивший председателю императорский указ. Он предписывал распустить конгресс, мотивируя этот шаг тем, что депутаты якобы находились под влиянием врагов независимости Мексики и пренебрегали своими обязанностями, проводя время в бесплодных дискуссиях. «Неся ответственность за начатое мною дело, порученное мне согласно воле всей нации, — заявлял Агустин I, — я не могу допустить, чтобы оно было погублено и пострадало вследствие очевидных всем беспорядков»¹⁹. Кортасар потребовал от депутатов в течение 10 минут покинуть зал, угрожая в противном случае применить силу.

Чтобы создать видимость сохранения законодательного органа, император учредил 2 ноября Институционную хунту в составе 45 человек, отобранных им из числа «надежных» членов распущенного парламента. Хунта, возглавлявшаяся епископом Хуаном Франсиско Кастаньисой, номинально была облечена законодательной властью впредь до созыва нового конгресса, однако фактически почти никакой роли не играла. 18 декабря она послушно одобрила «Временный политический регламент Мексикан-

ской империи», которым Итурбиде пытался подменить многократно обещанную конституцию.

Репрессивные действия правительства лишь обострили положение и вызвали усиление республиканской оппозиции. 2 декабря поднял восстание начальник гарнизона Веракруса бригадир Антонио Лопес де Санта-Анна. Этот беспринципный карьерист вовсе не являлся республиканцем. Его выступление против монархии Итурбиде определялось отнюдь не политическими убеждениями, а честолюбивыми расчетами. Оно было ускорено вестью о предстоящем отстранении Санта-Анны от должности.

3 декабря он обратился к мексиканскому народу с манифестом, в котором обрисовал сложившуюся ситуацию: «Конгресс распущен, неприкосновенность его депутатов нарушена, свобода слова подавлена, имущество, доставленное в этот город под покровительством и охраной верховной власти, отнято, вследствие чего полезные члены общества и достойные граждане лишились плодов своего труда, добытых в поте лица. Нарушено, наконец, торжественное обязательство... никогда не посягать на чью-либо собственность, и прежде всего уважать политическую свободу нации и личность каждого человека»²⁰. Вскоре к Санта-Анне присоединился Гуадалупе Виктория, и 6 декабря они совместно опубликовали «план Веракруса», являвшийся политической платформой восстания.

Этот пространный документ, составленный под сильным влиянием идей «плана Игуала», носил весьма умеренный характер и даже не предусматривал установления республики. Его главная цель заключалась в устранении Итурбиде. «Поскольку дон Агустин Итурбиде, как известно, возмутительно надругался над конгрессом в его собственном лоне, вероломно нарушил свои торжественные клятвы, прибегнул к насилию и интригам, чтобы заставить провозгласить себя императором, не осведомившись о мнении народа, очевидно, что это провозглашение недействительно и не имеет законной силы... Более того, за подобные злоупотребления властью ... он должен нести ответственность перед нацией, которая в свое время предъявит ему соответствующие тяжкие обвинения», — говорилось в «плане Веракруса». Авторы его требовали также возобновления деятельности конгресса с тем, чтобы он назначил временный исполнительный орган и разработал конституцию²¹.

Восстание, вспыхнувшее в Веракрусе, быстро охватило соседние города. Атаки правительственных войск, направленных для его подавления из Мехико, Пуэблы и Халапы, были успешно отражены. К восставшим примкнули многие республиканцы, в том числе и некоторые видные в прошлом повстанческие командиры. Среди них выделялись Герреро и Николас Браво, которые в начале января тайком покинули столицу, направились на юг и стали создавать там партизанские отряды. Однако вскоре их разгромили верные Итурбиде части. На побережье Мексиканского залива восстание к концу января также удалось в основном подавить. Остались лишь отдельные изолированные очаги: Санта-Анна был блокирован в Веракрусе, а Гуадалупе Виктория — к северу от этого города.

Но неудача республиканцев носила временный характер. Общая ситуация в стране складывалась так, что падение империи стало неизбежным. Борьба против нее продолжалась и в Центральной Америке. Не успели мексиканские войска сломить сопротивление патриотов Сальвадора, как вспыхнули республиканские восстания в Никарагуа. Убедившись в том, что скомпрометированный режим Итурбиде обречен, и опасаясь в случае его краха победы республиканцев, монархисты решили перехватить инициативу. Включившись в борьбу против Итурбиде, они добивались сохранения монархии. В такой обстановке группа монархически настроенных офицеров, связанных с масонами, выступила против императора.

1 февраля 1823 г. совещание высшего офицерского состава войск, осаждавших Веракрус, по предложению командующего Хосе Антонио Эчаварри приняло «план Каса-Мата» *. В отличие от «плана Веракрус» он предусматривал не восстановление распущенного Итурбиде парламента, а созыв в кратчайший срок нового национального конгресса при поддержке и под охраной армии. Важное значение имел пункт 3 этого краткого документа, гласивший: «Ввиду того, что среди сеньоров депутатов, составлявших разогнанный конгресс, были такие, которые вследствие своих либеральных убеждений и твердости характера снискали всеобщее уважение, тогда как другие

* Каса-Мата — «каземат» (исп.). Так называлось место совещания, где находился пороховой склад.

не оправдали оказанного им доверия, провинции получают полную возможность переизбрать первых, а вторых заменить людьми, более способными исполнять свои нелегкие обязанности»²².

Призыв к обновлению состава конгресса отвечал желаниям как противников, так и сторонников Итурбиде, ибо деятельность этого органа до его роспуска не удовлетворяла ни тех, ни других. Вместе с тем по тактическим соображениям в «плане Каса-Мата» не только не ставился вопрос о привлечении императора к ответственности, но даже специально подчеркивалось, что армия не намерена посягать на его особу.

Все это позволило враждебным Итурбиде силам в какой-то мере и на какой-то срок замаскировать свои подлинные намерения, дезориентировать приверженцев империи и даже привлечь некоторых из них на свою сторону. Таким образом им удалось выиграть время, необходимое для распространения движения на другие районы.

«План Каса-Мата» быстро получил широкое признание. Уже на следующий день после его провозглашения муниципалитет Веракруса и командование тамошнего гарнизона во главе с Санта-Анной заявили о поддержке сформулированной в нем политической платформы. В течение февраля к нему присоединились Пуэбла, Оахака, Гуанахуато, Гвадалахара, Керетаро, а на протяжении первой недели марта — Сакатекас, Сан-Луис-Потоси, Мичоакан, Юкатан, Дуранго, Нуэво-Леон. В правительственных войсках шел процесс разложения. Гарнизоны городов один за другим переходили на сторону восставших. В столице солдаты и офицеры дезертировали целыми подразделениями.

Кризис империи Агустина I усугублялся ее затруднительным внешнеполитическим положением.

Патриоты Южной Америки с сочувствием следили за освободительной борьбой мексиканцев и с восторгом встретили их победу. Вскоре после вступления «армии трех гарантий» в Мехико перуанский государственный министр Хуан Гарсия дель Рио 6 октября 1821 г. обратился к правительственной хунте Мексики с посланием, в котором от имени протектора Перу Хосе де Сан-Мартина принес поздравления по поводу установления независимости и высказался в пользу союза между обоими

государствами²³. Несколько дней спустя президент Колумбии Симон Боливар сообщил Итурбиде: «Правительство и народ Колумбии с неописуемой радостью узнали о победе руководимых Вашим превосходительством войск, обеспечивших независимость мексиканскому народу»²⁴. Одновременно Боливар назначил одного из своих сподвижников, уроженца Веракруса Мигеля Санта-Марию, чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мексике.

Не прошло, однако, и месяца, как первоначальная дружественная и доброжелательная позиция колумбийского правительства уступила место крайне настороженному отношению. Это резкое изменение объяснялось тем, что, получив более подробную информацию о программе и политике Итурбиде, его монархистских амбициях и экспансионистских планах, Боливар усмотрел в них прямую и реальную угрозу республиканским институтам, территориальной целостности и самой независимости Колумбии и других молодых южноамериканских государств.

Уже в середине ноября он с тревогой писал Сан-Мартину: «Если испанское правительство утвердит договор, заключенный в Мексике генералами Итурбиде и О'Донеху, и туда прибудет Фердинанд VII или какой-либо другой европейский монарх, то подобные же претензии будут выдвинуты и по отношению ко всем остальным свободным правительствам Америки... Поэтому я полагаю, что сейчас более, чем когда-либо, необходимо завершить изгнание испанцев со всего континента»²⁵.

В письме одному из своих помощников генералу Карлосу Сублетту (от 22 ноября) Боливар заявлял, что даже при отказе Бурбонов занять мексиканский престол «корона неизбежно достанется тому в Мексике, кто проявит больше всего смелости и решимости». Мексиканская монархия, указывал президент, из ненависти к республиканскому строю Колумбии и страха перед ним обязательно будет вести против нее подрывную деятельность, добиваться ее подчинения своей власти и при первой же возможности осуществит вооруженную агрессию²⁶.

Предвидя в будущем неминуемые осложнения, а быть может, и военный конфликт с Мексиканской империей, колумбийское правительство вместе с тем занимало до поры до времени выжидательную позицию и, пока Мексика оставалась монархией без монарха, готово было под-

держивать с ней дипломатические отношения. В марте 1822 г. посланник Санта-Мария приехал в Веракрус и в середине апреля вручил в Мехико свои верительные грамоты, причем указал, что Колумбия признаёт независимость Мексики, какой бы последняя ни придерживалась формы правления. В конце того же месяца мексиканский конгресс и регентский совет, в свою очередь, объявили о признании суверенитета Колумбии.

Вслед за государственным переворотом 19 мая 1822 г. Итурбиде информировал «достойнейшего президента Колумбии» о своем вступлении на престол. «Но как далека, — лицемерно сетовал он, — от того, чтобы почитать благом тягостное бремя, свалившееся на мои плечи. Мне не по силам удерживать скипетр, я отказывался от него и в конце концов уступил, дабы спасти от бедствий мою родину, близкую к тому, чтобы снова испытать ужасы анархии»²⁷.

Однако правительство Боливара—Сантандера не спешило с официальным признанием нового режима в Мексике, и в день коронации Итурбиде Санта-Мария под предлогом болезни специально уехал из столицы, чтобы не присутствовать на этой церемонии. В дальнейшем посланник, как указывалось выше, принял активное участие в организации августовского антиправительственного заговора мексиканских республиканцев.

28 сентября министр иностранных дел Мексики Хосе Мануэль Эррера направил в Боготу ноту протеста против поведения Санта-Марии, который был объявлен «персоной нон грата» и выслан из Мехико. В ожидании попутного корабля он надолго задержался в Веракрусе, где продолжал свою враждебную императорскому режиму деятельность и, в частности, сыграл немалую роль в составлении «плана Веракрус». Правительство Колумбии фактически солидаризировалось с действиями Санта-Марии и молчаливо одобрило их, так как в течение полугода никак не реагировало на мексиканский демарш. Лишь 25 марта 1823 г. был направлен лаконичный ответ с чисто формальным выражением сожаления. Дипломатические отношения между империей Итурбиде и колумбийской федерацией практически прервались.

Не удалось мексиканской монархии установить сколько-нибудь прочных контактов и с другими южноамериканскими государствами. Правда, в конце 1822 г. в Мехико

прибыл перуанский посланник Хосе де Моралес, который после официального признания правительством Агустина I независимости Перу вручил 23 января 1823 г. императору свои верительные грамоты. Однако пока он находился в пути, в Перу произошла смена власти, последовавшая за отставкой Сан-Мартина. В начале марта Моралес получил уведомление об аннулировании его полномочий и выехал из мексиканской столицы.

Особенно важное значение имели для Мексики отношения с ее северным соседом — США, давно претендовавшими на значительную часть мексиканской территории. После ратификации американо-испанского договора 1819 г. и присоединения Флориды главным объектом территориальной экспансии США в Латинской Америке с начала 20-х годов XIX в. стал Техас. В декабре 1821 г. специальная комиссия по изучению международных проблем в докладе правительственной хунте прямо указывала на возможность развязывания войны Соединенными Штатами, которые представляют «самую непосредственную угрозу Мексиканской империи», стремятся к аннексии Техаса, Коауилы и других территорий²⁸.

Поэтому мексиканское правительство с самого начала уделяло особое внимание установлению нормальных отношений с США и добивалось признания последними суверенитета Мексики. 30 ноября 1821 г. министр иностранных дел Эррера сообщил государственному секретарю Дж. К. Адамсу «о победе мексиканских патриотов под командованием бессмертного Итурбиде». Министр заявлял, что его народ испытывает самые добрые чувства к США и желает жить в дружбе с ними²⁹. В последних числах февраля 1822 г. в Вашингтон прибыл мексиканский офицер Эухенио Кортес, вручивший президенту Монро личное письмо Итурбиде.

Послания Итурбиде и Эрреры дошли по назначению как раз в тот момент, когда политика правящих кругов США по отношению к освободительной войне испанских колоний вступила в новую фазу. Революция 1820 г. в Испании усугубила безнадежность борьбы монархии Фердинанда VII против революционного движения в Испанской Америке, которая к тому времени почти полностью (за исключением Перу) освободилась от колониального ига. В результате завоевания национальной независимости южноамериканские владения Испании и Мексика обрели го-

сударственную самостоятельность. В таких условиях администрация Монро, учитывая интересы североамериканской буржуазии, добивавшейся захвата рынков Латинской Америки, пришла к выводу о необходимости установления официальных отношений с молодыми испаноамериканскими государствами.

8 марта 1822 г. президент обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором, отмечая «решающие успехи» освободительного движения бывших испанских колоний, предлагал рассмотреть вопрос о признании их независимости. 19 марта это предложение поддержала комиссия по иностранным делам палаты представителей. Она подготовила доклад о событиях в Испанской Америке.

Обрисовав положение южноамериканских стран, авторы доклада подчеркивали, что «революция в Мексике по своему характеру и развитию несколько отличается от революции в Южной Америке, да и ее результат в смысле организации управления не совсем такой же самый. Однако независимость провозглашена «Мексиканской империей» и практически осуществлена с 24 августа прошлого года столь же твердо, как и республиками на юге; ее географическое положение, население и ресурсы являются залогом сохранения независимости, которую она провозгласила и фактически вкушает в настоящее время»³⁰. 28 марта конгресс принял решение о признании независимости испаноамериканских государств.

Однако этот акт в течение длительного времени оставался чисто номинальным, так как вашингтонское правительство, не желая вступать в конфликт с Испанией и другими европейскими державами, не спешило реализовать постановление конгресса. Правда, государственный секретарь Адамс, отвечая 23 апреля на послание Эрреры, обещал назначить посланника в Мексике, но дальше обещаний дело не пошло. После провозглашения Итурбиде императором правящие круги США явно продолжали уклоняться от установления отношений с Мексиканской империей. Вместо назначения дипломатического представителя Монро в неофициальном порядке направил туда для изучения обстановки на месте члена конгресса от штата Южная Каролина Джоэля Робертса Пойнсетта, ранее уже выполнявшего поручения в Южной Америке.

Пойнсетт приехал в Мехико в конце октября 1822 г. 3 ноября ему дал аудиенцию император, принявший его

за официального представителя США. Североамериканский дипломат увидел перед собой статного мужчину в расцвете сил, немного выше среднего роста, атлетического телосложения. Его стройная фигура и безукоризненная выправка сразу выдавали кадрового военного, на щеках играл свежий румянец. Он держался подчеркнуто любезно, старался говорить вкрадчивым тоном, но это ему не очень удавалось. То и дело у него проскальзывали резкие, властные, высокомерные нотки, в поведении проявлялись скрытность и осторожность. Разговаривая, Итурбиде имел обыкновение не смотреть на собеседника, а устремлять свой взор вниз или отводить в сторону.

Император произвел на Пойнсетта крайне отрицательное впечатление. Свою очевидную неприязнь американец объяснял тем, что Итурбиде, узурпировав верховную власть, установил режим тирании и произвола. Характеризуя его моральный облик, Пойнсетт утверждал, будто даже « в обществе, не отличавшемся строгой моралью, он выделялся своей аморальностью ». Основанием для подобного утверждения послужили, по всей вероятности, ходившие при дворе слухи о связи императора с дочерью своей любовницы Марии Родригес — юной Антонией. Однако, быть может, в гораздо большей степени на позицию эмиссара Белого дома повлияло неосторожное замечание Итурбиде о том, что существующие в Соединенных Штатах институты не подходят к мексиканским условиям ³¹.

Пойнсетт встречался также с министром иностранных дел, членами конгресса и другими политическими деятелями. Среди них был близкий Итурбиде полковник Хуан Аскарате, которому представитель президента Монро прямо заявил, что граница, установленная американо-испанским договором 1819 г., не устраивает США, и провел на карте другую линию таким образом, что Техас, Новая Мексика, Верхняя Калифорния, часть Нижней Калифорнии, Соноры, Коауилы и Нуэво-Леона отходили к Соединенным Штатам. Хотя Пойнсетт оговорился, что является частным лицом и выражает только свое личное мнение, предпринятый им зондаж отражал агрессивные намерения экспансионистов США и подлинную цель его миссии.

По возвращении на родину (январь 1823 г.) Пойнсетт представил президенту доклад о положении в Мексике. « Я счел нежелательным, — вспоминал он потом, — установление контакта с узурпатором как в силу неустойчи-

вости его трона, так и по той причине, что подобного рода шаг с нашей стороны обескуражил бы республиканскую партию... и вызвал бы вражду к нам в случае ее успешной попытки свергнуть императорское правительство»³². Отмечая непрочность режима Итурбиде и предсказывая его недолговечность, конгрессмен советовал воздержаться от налаживания отношений с мексиканской монархией. Но эта рекомендация несколько запоздала.

Еще в сентябре 1822 г. Итурбиде назначил Хосе Мануэля Сосайю чрезвычайным посланником и полномочным министром в США. Приехав в Вашингтон, Сосайя 12 декабря вручил верительные грамоты и был аккредитован. Многие североамериканские историки расценивают этот акт как юридическое признание суверенитета мексиканского государства Соединенными Штатами³³. Однако с такой точкой зрения нельзя согласиться. Вынужденное принять дипломатического представителя Мексиканской империи, правительство Монро тем не менее не желало устанавливать нормальные двухсторонние отношения со своим южным соседом. Поэтому в лучшем случае можно говорить лишь о признании им независимости Мексики де-факто. По существу же политика Белого дома оставалась неизменной.

Некоторые авторы склонны объяснять эту политику главным образом отрицательным отношением республиканских США к узурпатору Итурбиде, а также к монархии вообще³⁴. Конечно, этот фактор оказывал известное влияние на позицию США*, но прежде всего она обуславливалась отсутствием стабильности в Мексике и неустойчивостью режима Итурбиде. Решающую роль играли не политические симпатии и антипатии, а реальное соотношение сил, которое явно складывалось не в пользу мексиканской монархии. Вместе с тем нормализации отношений Мексики с Соединенными Штатами препятствовали экспансионистские планы последних. Их конкретным проявлением была в то время колонизация Техаса.

В ноябре 1820 г. туда приехал из США коммерсант и горнопромышленник Мозес Остин, обратившийся к губернатору Антонио Мартинесу с просьбой о предоставлении земли для основания колонии. В январе 1821 г. американ-

* Правящие круги США вынуждены были в какой-то мере считаться с общественным мнением, которое открыто выражало свое сочувствие мексиканским республиканцам.

цам разрешили поселиться в Техасе при условии, если они исповедуют католическую религию и согласны при-
сягнуть на верность испанской монархии. После провоз-
глашения независимости Мексики сын Остина Стивен
стал добиваться от Итурбиде подтверждения и расшире-
ния прав, предоставленных колониальной администра-
цией. Под давлением американских предпринимателей
правительство Агустина I опубликовало 4 января 1823 г.
весьма выгодный североамериканцам закон о колониза-
ции, который предусматривал раздачу земли иностран-
цам-католикам, гарантировал охрану их прав, предостав-
лял им существенные льготы и привилегии.

Итурбиде не удалось также добиться признания своего
режима европейскими державами. Безрезультатными ока-
зались все попытки Л. Аламана, назначенного в августе
1822 г. посланником Мексики во Франции, убедить фран-
цузское правительство принять соответствующее решение.
Правящим кругам царской России импонировал монархи-
ческий строй Мексиканской империи, но на троне ее они
предпочли бы видеть не «узурпатора» и «выскачку»
Итурбиде, а представителя «законной» династии Бурбо-
нов. Не исключено, однако, что позиция петербургского
правительства, которое воздерживалось от признания
Мексиканской империи, определялась не столько привер-
женностью царизма к принципам легитимизма, сколько
стремлением Итурбиде ликвидировать селение и крепость
Росс. 10 октября 1822 г. туда приехал посланный импера-
тором Агустин Фернандес де Висенте. Как сообщал губер-
натору Верхней Калифорнии главный правитель русских
владений в Америке, мексиканский представитель «спра-
шивал, по какому праву она крепость тут построена, тре-
буя доказательств этого права, даже объявил, чтоб через
шесть месяцев сия крепость была уничтожена»³⁵.

Но еще до истечения этого срока положение Мекси-
канской империи стало критическим.

ОТ МОНАРХИИ К РЕСПУБЛИКЕ

К началу марта 1823 г. под властью Итурбиде, оказавшегося в полной изоляции, оставалась только территория Мехико. Даже председатель Государственного совета генерал Педро Селестино Негрете перешел на сторону восставших. После безуспешных призывов к умиротворению император в отчаянии попытался апеллировать к бывшим депутатам разогнанного им конгресса, но 7 марта удалось собрать лишь часть из них, далеко не составлявшую кворума. Через несколько дней, по рекомендации Государственного совета, Итурбиде предложил передать власть конгрессу. Но, считая, что этот орган в существующих условиях не располагает свободой действий, восставшие продолжали наступление на столицу. Тогда Итурбиде 19 марта отрекся от престола. Однако и это не остановило наступавшие войска, которые неделю спустя вошли в Мехико.

В конце месяца конгресс, пополненный возвратившимися в столицу депутатами, возобновил свою деятельность. На закрытом заседании 29 марта было прочитано письмо Итурбиде. Заявляя, будто отрекается во имя блага народа, он вместе с тем не скрывал обиды и выражал уверенность в том, что последующие поколения оценят его по заслугам: «Люди несправедливы к своим современникам: пусть судят потомки, ибо страсти умирают вместе с сердцем, которое их вмещает. Много говорят об общественном мнении, о его могучем воздействии. Но в спешке всегда ошибаются и обычно лишь постепенно приходят к правильному выводу... Это убеждает меня в том, что мы еще не можем определить, каково мнение мексиканцев, так как они либо не имеют, либо не высказывают его»¹.

7 апреля конгресс принял следующее постановление: «1. Поскольку возведение на престол дона Агустина де Итурбиде было осуществлено посредством насилия и во-

преки закону, вопрос о его отречении не нуждается в обсуждении. 2. В соответствии с этим аннулируются наследственные права и титулы, приобретенные в результате коронования, а все правительственные акты, изданные с 19 мая 1822 до 29 марта 1823 г., признаются незаконными и подлежат пересмотру со стороны нынешнего правительства на предмет их подтверждения или отмены». «План Игуала», Кордовский договор и парламентский декрет 24 февраля 1822 г. в части, касавшейся государственного устройства и передачи короны представителю династии Бурбонов, были объявлены действительными. Конгресс провозгласил право нации самой избрать систему правления по собственному усмотрению. Он принял также решение о высылке Итурбиде за пределы страны, назначив ему пожизненную пенсию в 25 тыс. песо в год².

31 марта конгресс вручил исполнительную власть триумvirату в составе Гуадалупе Виктории, Н. Браво и Негрете. Ведение текущих дел поручалось четырем министрам. Политические заключенные были освобождены, имущество инквизиции подверглось конфискации. Конгресс учредил новый национальный герб и флаг, отличавшиеся от прежних тем, что орел изображался без короны, но со змеей в клюве.

Итурбиде в сопровождении многочисленной семьи и небольшой свиты под усиленным конвоем доставили на борт английского фрегата «Роулинс», стоявшего в устье реки Антигуа, которая впадает в Мексиканский залив близ Веракруса (в самом городе свирепствовала в то время эпидемия желтой лихорадки). 11 мая 1823 г. корабль снялся с якоря, вышел в открытое море и взял курс к берегам Италии. Мучительное для Итурбиде, страдавшего от морской болезни, путешествие длилось более двух с половиной месяцев. 2 августа «Роулинс» бросил якорь в гавани Ливорно. После месячного карантина бывший император поселился на вилле, снятой им в предместье города.

Почти одновременно в Риме появился доминиканский монах Хосе Мария Марчена, посланный мексиканским правительством с секретным заданием следить за Итурбиде и в случае, если тот попытается возвратиться на родину, воспрепятствовать этому. В целях конспирации доминиканец был снабжен также документами на имя Хуана Вильяфранка.

С крушением империи усилились тенденции к отделению от Мексики центральноамериканских областей. В роковой для Итурбиде день 29 марта его наместник в Центральной Америке Филисола издал декрет о созыве в кратчайший срок учредительного собрания представителей всех провинций бывшего генерал-капитанства Гватемалы для решения вопроса об их политическом статусе. Собрание, открывшееся 29 июня 1823 г., признало присоединение к Мексике насильственным и незаконным. 1 июля оно декларировало образование независимой федеративной республики Соединенных провинций Центральной Америки. В тот же день мексиканский конгресс принял решение об отводе войск из Гватемалы.

В политике США по отношению к Мексике, несмотря на падение империи, не произошло существенных изменений. Хотя монархия Итурбиде уступила место республике, вашингтонское правительство продолжало уклоняться от нормализации отношений со своим южным соседом. Оно рассчитывало использовать сложность политической обстановки в Мексике и слабость ее международных позиций для реализации своих экспансионистских целей.

Крах режима Итурбиде и официальное признание статуса колонии Остина привели к заметному оживлению американской колонизации Техаса. Туда стали проникать многочисленные переселенцы из южных и юго-западных районов США, призванные сыграть роль «тройного коня». Все попытки мексиканского правительства, встревоженного растущей угрозой с севера, урегулировать вопрос о границе между обоими государствами в соответствии с линией, установленной договором 1819 г., оставались безрезультатными.

Неудачу потерпели и переговоры о нормализации отношений с Испанией и Англией, которые по поручению конгресса вел в Халапе с их уполномоченными Гуадалупе Виктория в июне — сентябре 1823 г. Они не привели к признанию независимости Мексики ни той, ни другой державой.

Единственным внешнеполитическим успехом, которого удалось добиться новым властям после падения империи, явилось сближение с некоторыми южноамериканскими республиками. Этому способствовали как свержение монархии в Мексике, так и разрыв переговоров с Испанией мексиканской стороной.

3 октября министр иностранных дел Аламан и колумбийский посланник Санта-Мария (после изгнания Итурбиде с почетом возвращенный на свой пост) подписали в Мехико направленный против бывшей метрополии договор о вечной дружбе, союзе и конфедерации, а 31 декабря Мексика и Колумбия заключили торговый договор. 27 октября из перуанской столицы Лимы мексиканскому правительству были направлены поздравления Боливара (незадолго до того облеченного верховной властью в Перу) по поводу свержения Итурбиде. Боливар весьма положительно оценивал «восстановление свободы Мексики, ее полное освобождение от власти бывшей метрополии» и приветствовал «победу закона на людьми, республики над императором»³.

7 ноября 1823 г. открылся учредительный конгресс, одоббивший 31 января следующего года Основной закон, которому предстояло оставаться в силе до принятия конституции. Закон подтверждал, что «мексиканская нация навсегда свободна и независима от Испании или какой бы то ни было другой державы». Особое значение имела статья 5, гласившая, что «нация принимает республиканскую, федеративную, народную, представительную форму правления»⁴. В тот же день конгресс обратился к народу с воззванием, характеризовавшим принятие Основного закона как завершение революции. «Это — национальное знамя, — говорилось в воззвании, — вокруг которого должны объединиться все патриоты, ибо если прежде они могли придерживаться разных взглядов относительно формы правления, то отныне обязаны подчиниться мнению огромного большинства, выраженному избранными для того депутатами»⁵.

Между тем в далекой Европе экс-император не оставлял мысли о восстановлении своей власти в Мексике. Еще осенью 1823 г. он написал в Ливорно мемуары*, где крайне тенденциозно освещал события от провозглашения независимости до своего отречения и пытался задним числом оправдать собственное поведение. Не гнушаясь искажением исторических фактов, он стремился представить себя последовательным борцом за освобождение Мексики.

* Это сочинение не было разрешено издать в Италии. Поэтому друг Итурбиде Майкл Д. Куайн перевел его на английский язык и опубликовал в Лондоне (июнь 1824 г.). Почти одновременно в Париже вышел французский перевод.

Что же касается его активного участия в подавлении революционного движения, то Итурбиде изображал дело таким образом, будто оно было обусловлено исключительно заботой о национальных интересах. «Идальго и те, кто следовал его примеру,— заявлял он,— опустошили страну, разграбили частную собственность, разжигали ненависть между американцами и европейцами, принесли в жертву тысячи людей, вычерпали источники общественного богатства, дезорганизовали армию, уничтожили промышленность, наконец, ухудшили положение американцев, вследствие чего у испанцев возникло ощущение, что им грозит опасность. Кроме того, они развратили нравы народа и, отнюдь не завоевав независимости, умножили препятствия к ее достижению^{*}. Если я взялся в то время за оружие, то сделал это, чтобы сражаться не против американцев, а против разнузданных бандитов, опустошавших страну»⁶.

В декабре 1823 г. Итурбиде тайком покинул Ливорно и 1 января прибыл в Лондон. Находившийся в британской столице мексиканский агент Франсиско де Борха Мигони поспешил уведомить об этом свое правительство, высказав предположение, что бывший император намерен снарядить военную экспедицию в Мексику. Донося о встрече с Итурбиде, Борха Мигони сообщал 4 января 1824 г.: «Он убежден, что Мексике не подойдет республиканский строй, ибо люди не могут сразу перейти из состояния рабства к неограниченной свободе... Я пришел к выводу, что столь поспешный приезд дона Агустина де Итурбиде в Англию в разгар зимы вызван касающимися Мексики идеями, подобными тем, которые на Эльбе вынашивал Наполеон в отношении Франции»⁷. Вскоре с берегов Темзы поступили на сей счет дополнительные тревожные сигналы от примчавшегося из Рима Марчены.

Планы и намерения экс-императора (особенно в связи с возникновением в Гвадалахаре движения в его пользу под руководством генералов Луиса Кинтанара и Анастасио Бустаманте) весьма беспокоили мексиканский кон-

^{*} Это утверждение являлось ответом на постановление мексиканского конгресса от 19 июля 1823 г., в котором давалась высокая оценка заслуг Идальго, Морелоса, Матамороса, Галеаны, Мины и других выдающихся борцов за независимость, предусматривались меры по увековечению их памяти. Останки героев привезли в Мехико, где им отдали посмертные почести и захоронили в кафедральном соборе.

гресс, который решительно выступил против притязаний Итурбиде и попыток преувеличить его роль в провозглашении независимости.

«Слава богу, что у нас был Герреро, пользовавшийся достаточным влиянием,— заявил на заседании 9 апреля 1824 г. убежденный республиканец Мануэль Кресенсио Рехон,— ибо без него ничего бы не было достигнуто: хотя бы потому, что Итурбиде дискредитировал себя в глазах американцев». Возражая тем, кто утверждал, будто освобождением от колониального ига Мексика обязана главным образом изгнанному монарху, он подчеркнул, что, «напротив, установление независимости надолго задержалось вследствие направленных против нее действий Итурбиде»⁸. 28 апреля конгресс принял декрет, объявлявший бывшего императора изменником, врагом государства и вне закона, если он появится на территории страны.

Трудно сказать, внял ли бы Итурбиде этому предупреждению, но весть о нем уже не застала его в Англии. 6 мая он покинул Лондон и через пять дней на борту брига «Спринг» отплыл из Саутгемптона. Вероятно, не случайно это произошло в тот же день, когда ровно год назад он оставил Мексику. И вряд ли простым совпадением объясняется, что «Спрингом» командовал тот самый капитан Уэлч, который был тогда командиром фрегата «Роулинс», доставившего экс-императора в Италию. Кроме жены и двух младших сыновей (старшие дети остались в английских пансионах), Итурбиде сопровождали племянник, полковник Бенески (поляк, служивший в свое время в его армии) и несколько других приближенных. Он вез с собой крупную сумму денег в мексиканской валюте, семейные драгоценности.

Бывший император намеревался высадиться со своей небольшой свитой на побережье Мексики в июне 1824 г. и обратиться в населению с призывом стать под его знамена. За несколько дней до отъезда из Лондона там отпечатали в изрядном количестве экземпляров составленное им обращение к мексиканскому народу. В нем говорилось, что он возвращается на родину «не как император, а как солдат и мексиканец», чтобы помочь отстоять ее свободу и независимость в связи с угрозой интервенции со стороны держав Священного союза*. Вместе с тем Итурбиде

* На основе анализа многочисленных материалов современные исследователи пришли к выводу об отсутствии в то время реаль-

заявлял, что намерен добиваться сплочения мексиканцев и преодоления разногласий между ними⁹. 10 пачек этих прокламаций, предназначенных для распространения среди жителей, Итурбиде имел при себе. Кроме того, он собирался подготовить и обнародовать другие воззвания, для чего взял с собой типографский станок и наборщика — англичанина Джона Армстронга.

Более откровенно экс-император информировал о своих намерениях британского министра иностранных дел Джорджа Каннинга, которому 6 мая писал: «Моя цель — способствовать укреплению строя, при котором моя страна стала бы счастливой и заявила подобающее ей положение среди остальных народов. Меня неоднократно призывали вернуться, и я не могу дольше оставаться глухим.

Отправляюсь не домогаться императорского сана: он ничем меня не прельщает и не нужен мне. Еду как солдат, но не для разжигания раздоров и войны, а чтобы посредничать между враждующими партиями и добиваться мира. Одной из моих первых задач будет создание основ для прочных и взаимовыгодных отношений с Великобританией»¹⁰.

Вдохновляемый примером Наполеона, Итурбиде рассчитывал, что мексиканцы с энтузиазмом откликнутся на его призыв, войска немедленно перейдут на его сторону, путь на Мехико будет открыт, и ему легко удастся реставрировать свою власть. Но в действительности все оказалось совсем иначе.

Приблизившись к восточному побережью Мексики, «Спринг» встречными ветрами был отнесен севернее намеченного места высадки — порта Тампико — и 14 июля вошел в устье реки Сото-ла-Марина. На следующий день Итурбиде послал на разведку полковника Бенески. Явившись к командующему войсками восточных провинций бригадиру Фелипе де ла Гарса, Бенески вручил ему рекомендательное письмо от находившегося на борту «Спринга» духовника и земляка бывшего императора Хосе Тревиньо — родственника Гарсы. Тревиньо просил оказать содействие подателю письма и его спутнику. Бригадир, служивший в прошлом под знаменами Итурбиде, принял его посланца приветливо, но быстро сообразил, кто

ной опасности вооруженного вмешательства сил европейской реакции в испаноамериканские дела.

такой оставшийся на корабле таинственный «спутник» польского полковника.

Выслушав донесение возвратившегося Бенески, Итурбиде вместе с ним утром 16 июля сошел на берег. Раздобыв лошадей, они поскакали в селение Сото-ла-Марина. Однако за ними следили, и де ла Гарса во главе кавалерийского отряда немедленно устремился в погоню. Уже к середине дня преследователи нагнали беглецов, и, когда бригадир разглядел вблизи переодетого спутника Бенески, его подозрения подтвердились. Сообщив Итурбиде, что он объявлен вне закона, Гарса арестовал его и доставил в столицу штата Тамаулипас — город Падилью.

18 июля состоялось чрезвычайное заседание законодательного собрания штата, где было принято решение о казни Итурбиде. Поскольку последний заявил протест, собрание на следующий день в результате повторного рассмотрения подтвердило свое постановление и передало его губернатору Гутьерресу де Лара, а тот приказал бригадиру Гарсе привести приговор в исполнение. Итурбиде расстреляли в половине седьмого вечера 19 июля и похоронили на местном церковном кладбище. Вслед за тем его вдову с детьми и сообщников выслали из страны¹¹.

Провал авантюры Итурбиде способствовал стабилизации политического положения Мексики и консолидации мексиканского государства.

После длительного обсуждения учредительный конгресс принял конституцию Мексиканских Соединенных Штатов*, обнародованную 4 октября 1824 г. Она декларировала полную независимость Мексики, закрепила республиканский строй и федеративную систему, установленные еще Основным законом. Законодательная власть вручалась конгрессу, состоявшему из палаты депутатов и сената, а исполнительная — президенту, избираемому законодательными собраниями штатов. Конституция предусматривала упразднение инквизиции, запрещение пыток и произвола в судопроизводстве, лишение церкви монополии в области народного образования, отмену подушной подати. Провозглашались равенство всех граждан перед законом, свобода печати, поощрение государством торговли, науки, просвещения¹².

* Термин «Соединенные Штаты Мексики» впервые появился в переписке повстанцев еще в 1815 г.

Правда, конституция 1824 г. почти не затронула социально-экономических основ мексиканского общества и даже не упоминала о таких принципах буржуазной демократии, выдвинутых североамериканской и французской революциями XVIII в., как свобода слова, совести, собраний. Тем не менее утверждение республиканской, конституционной, представительной формы правления, идеи разделения властей, а также ликвидация некоторых атрибутов Средневековья, несомненно, оказали положительное влияние на последующую эволюцию страны. Принятие конституции явилось завершающим актом антиколониальной революции 1810—1824 гг., «которая была следствием борьбы не только за независимость, но и за то, чтобы проложить путь буржуазным тенденциям»¹³.

Год спустя, с капитуляцией гарнизона крепости Сан-Хуан-де-Улуа, пал последний бастион испанских войск в Мексике.

* * *

Освобождение от испанского гнета — результат мощного революционного движения, основой которого была долголетняя борьба народных масс. Освободительная война мексиканского народа имела целью, наряду с отделением от Испании, также покончить с порядками, формами эксплуатации и землевладения, насаждавшимися колонизаторами. Будучи по своим задачам антифеодальной, объективно отражая потребности капиталистического развития, которому препятствовал колониальный режим, она носила по существу характер антиколониальной буржуазной революции, хотя и не разрешившей коренные социальные проблемы.

На первом ее этапе (1810—1815 гг.) в Новой Испании происходило народное восстание, возглавленное Идальго, а затем Морелосом. В выдвинутых ими лозунгах и программах нашли выражение стремления той части патриотов, которая выступала как против чужеземного господства, так и против докапиталистической эксплуатации, требовала земли и демократических свобод. Видя в антифеодальной окраске движения угрозу своим классовым интересам, большинство креольских помещиков и купцов, первоначально примкнувших к восставшим, а с ними многие чиновники и офицеры перешли на сторону испанской

монархии. Однако патриотически настроенные круги колониальной элиты остались в революционном лагере, составив его умеренное крыло.

Последующее четырехлетие характеризовалось постепенным спадом антииспанского движения. К началу 20-х годов сопротивление повстанцев оказалось почти всюду сломлено, остались лишь отдельные очаги. Вследствие разгрома революционных сил были в основном устранены причины, побудившие большую часть креольской помещичье-буржуазной верхушки отказаться от участия в борьбе за независимость и поддержать роялистов. Между тем под влиянием испанской революции 1820 г. и успехов патриотов Южной Америки в Новой Испании стал опять нарастать подъем освободительного движения.

Желая помешать дальнейшему развитию революции в колонии и обеспечить сохранение своих позиций, крупные помещики и купцы, церковная иерархия, военно-бюрократическая верхушка взяли курс на отделение от революционной метрополии. Несмотря на то что сформулированный ими «план Игуала» игнорировал социально-экономические, а в значительной мере и политические задачи революции, он получил поддержку масс, привлеченных идеей независимости. Но поскольку патриоты были к тому времени ослаблены, инициативу и руководство удалось захватить консервативным силам.

Таким образом, произошла новая перегруппировка подготовившая третий этап освободительной войны, который закончился провозглашением независимости Мексики. Но за ним не последовали ни существенные изменения социально-экономического характера, ни установление республиканского строя. Борьба мексиканских патриотов за республику и жизненно необходимые стране реформы составила главное содержание четвертого этапа революции (сентябрь 1821 — март 1823 гг.), на протяжении которого сельский и городской трудовой люд, зарождавшаяся буржуазия, мелкобуржуазные слои, либеральная интеллигенция выступали против военно-монархической диктатуры Итурбиде. Падение империи знаменовало начало последнего этапа, завершившегося принятием конституции, окончательно оформившей создание Мексиканской республики.

Революция 1810—1824 гг. увенчалась освобождением Мексики от колониального ига, образованием независимо-

го государства и ликвидацией ряда феодальных институтов. В итоге сложились более благоприятные условия для развития капитализма и вовлечения страны в систему мирового хозяйства. В ходе освободительной войны заметно окрепли национальное самосознание и сплоченность мексиканцев. Все большее число их стало осознавать себя как нацию, имеющую неотъемлемое право на независимость, суверенитет и собственную государственность*. Превращение бесправной колонии в самостоятельную республику, проведение некоторых прогрессивных реформ и другие последствия войны оказали значительное воздействие на формирование мексиканской нации, намного ускорили ее складывание и консолидацию.

Объективно способствуя росту капиталистических отношений, революция 1810—1824 гг. все же не сопровождалась радикальными социально-экономическими преобразованиями, осуществление которых продолжало оставаться важнейшей исторической задачей с точки зрения перспектив дальнейшего развития Мексики.

* Именно в этот период возникло и утвердилось понятие «мексиканская нация»,

Глава 1

Вице-королевство Новая Испания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 763.

² См.: Borah W., Cook S. F. The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest. Berkeley; Los Angeles, 1963, p. 88.

В дальнейшем авторы увеличили эту цифру до 27,6 млн. (см.: Cook S. F., Borah W. Essays in Population History: Mexico and the Caribbean. Berkeley etc., 1971, vol. 1, p. 115). По оценке Генри Добинса, она достигала не менее 30 млн. (см.: Dobyns H. F. An Appraisal of Techniques with a New Hemispheric Estimate.—Current Anthropology, 1966, Oct., vol. 7, N 4, p. 412).

³ См.: Cook S. F., Borah W. The Indian Population of Central Mexico 1531—1610. Berkeley; Los Angeles, 1960, p. 47—48.

⁴ См.: Humboldt A. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle-Espagne. Paris, 1811, t. I, p. 369; Alamán L. Historia de Méjico. México, 1942, t. I, p. 29—30.

⁵ Употреблявшийся в Новой Испании на рубеже XVIII и XIX вв. как основное средство денежного обращения так называемый мексиканский песо (именуемый также песо дуру, или фуэрте) представлял собою серебряную моне-

ту весом в одну унцию (около 30 г), равную 8 реалам серебром или 680 мараведи (старинная испанская медная монета).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 31, с. 470.

⁷ См.: Aguirre Beltrán G. La población negra de México 1519—1810. México, 1946, p. 237.

⁸ См.: Alamán L. Op. cit., t. I, p. 533—534.

⁹ Ibid., p. 29—30; Humboldt A. Op. cit. Paris, 1811, t. II, p. 48.

¹⁰ К купеческой верхушке Новой Испании принадлежали, впрочем, далеко не все испанцы, занимавшиеся торговлей (см.: Moreno C. R. Kaufmannschaft und Handelskapitalismus in der Stadt Mexiko (1759—1778). Bonn, 1976, S. 278).

¹¹ См.: Brading D. A. Miners and Merchants in Bourbon Mexico 1763—1810. Cambridge, 1971, p. 17; Hamnett B. R. Politics and Trade in Southern Mexico 1750—1821. Cambridge, 1971, p. 187.

¹² См.: Lerdo de Tejada M. Comercio exterior de México. México, 1967, N 12, 13; Humboldt A. Op. cit., t. IV, p. 442.

¹³ См.: Smith R. S. Shipping in the Port of Veracruz, 1790—1821.—The Hispanic American Historical Review (далее — H.A.H.R.), 1943, N 1, p. 11; Lerdo de Tejada M. Op. cit., N 15, 16, 17,

- ¹⁴ См.: *Arcila Fariás E.* El siglo ilustrado en América. Caracas, 1955, p. 111; *Smith R. S.* Op. cit., p. 13.
- ¹⁵ См.: *Lerdo de Tejada M.* Op. cit., N 14; *Hamnett B. R.* Op. cit., p. 99—100.
- ¹⁶ См.: *Carrera Stampa M.* Los gremios mexicanos. México, 1954, p. 280—281; *Miranda J.* España y Nueva España en la época de Felipe II. México, 1962, p. 91; Conflicto de trabajo con los mineros de Real del Monte. México, 1960, p. 12, 20. На отдельные попытки создания таких предприятий во второй половине XVIII в. указывает Э. Арсила Фариас (*Arcila Fariás E.* Op. cit., p. 148).
- ¹⁷ См.: *Brading D. A.* Op. cit., p. 254, 261.
- ¹⁸ См.: *Semo E.* Historia del capitalismo en México. Los orígenes. México, 1973, p. 251; *Peña S. de la.* La formación del capitalismo en México. México, 1977, p. 83.
- ¹⁹ См.: *Torrente M.* Historia de la revolución hispanoamericana. Prologo. Discurso preliminar. Madrid, 1829, p. 13—15.
- ²⁰ См.: *Ladd D. M.* The Mexican Nobility at Independence 1780—1826. Austin, 1976, p. 96—104.
- ⁴ Приток посетителей ярмарки значительно увеличился после того, как в 1792 г. совершавшиеся на ней торговые сделки были освобождены от уплаты алькабалы. Ярмарка стала собирать до 35 тыс. человек.
- ⁵ *Mendibil P. de.* Resumen histórico de la revolución de los Estados Unidos Mejicanos. México, 1955, p. 54.
- ⁶ *Castillo Ledón L.* Hidalgo. La vida del héroe. México, 1949, vol. II, p. 4.
- ⁷ См.: Cinco siglos de legislación agraria en México (1493—1940). México, 1941, t. I, p. 58—60.
- ⁸ См.: El clero de México y la guerra de independencia. México, 1906, p. 9—27, 29—31, 38—43, 60—70; Colección de documentos para la historia de la guerra de independencia de México (далее — CDHGIM). México, 1878, t. II, p. 152—154, 167—169, 902; México, 1879, t. III, p. 914—922.
- ⁹ См.: CDHGIM, t. II, p. 137—141.
- ¹⁰ Ibid., p. 169—170.

Глава 2

Священник из Долорес

- ¹ *García P.* Con el cura Hidalgo en la guerra de Independencia. México, 1948, p. 50—51.
- ² О возможных причинах отставки Идальго с поста ректора см.: *Hamill H. M.* The Hidalgo Revolt. Gainesville, 1966, p. 65—67.
- ³ См.: *Ramos R.* Libros que leyó don Miguel Hidalgo y Costilla. Guanajuato, 1953, p. 19—25,

Глава 3

От Мехико до Гвадалахары

- ¹ *Chávez Orozco L.* Historia de México (1808—1836). México, 1947, p. 62—63.
- ² См.: CDHGIM, t. II, p. 151—152, t. III, p. 911—914.
- ³ См.: *Ladd D. M.* Op. cit., p. 114—116.
- ⁴ Pensamiento político. México, 1970, vol. V, N 17, p. 54.
- ⁵ См.: CDHGIM, t. II, p. 152—154, 168—169; t. III, p. 920.
- ⁶ *Alamán L.* Op. cit. México, 1942, t. II, p. 556—557.
- ⁷ *Amaya J.* Hidalgo en Jalisco. Guadalajara, 1954, p. 158—159; *Lemoine Villicaña E.* Morelos. Su vida revolucionaria a través

- de sus escritos y de otros testimonios de la época. México, 1965, p. 162—163.
- ⁸ См.: CDHGIM, t. II, p. 243—244, 256.
- ⁹ Cinco siglos de legislación agraria en México, t. I, p. 64.
- ¹⁰ *Фостер У. З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 221.
- ¹¹ *Santibañez E.* Hidalgo iniciador de la independencia de México. New York, 1919, p. 79. На пьедестале семиметровой скульптуры, которая высится в парке Международной организации труда в Женеве, высечена надпись: «Мигель Идальго-и-Костилья отменил рабство в Америке».
- ¹² Напомним, что соответствующий указ Регентского совета от 26 мая 1810 г. был обнародован колониальной администрацией, когда она по существу контролировала лишь часть Новой Испании. Эта акция не сопровождалась никакими практическими мерами. А 1 марта 1815 г. Фердинанд VII официально восстановил подушную подать.
- ¹³ См.: *Guerra J.* Historia de la revolución de Nueva España. México, 1922, t. I, p. 255. На это обстоятельство указывали и другие современники.
- ¹⁴ См.: *García P.* Op. cit., p. 128.
- ¹⁵ См.: CDHGIM, t. II, p. 245.
- ¹⁶ *Bustamante C. M. de.* Cuadro histórico de la Revolución Mexicana. México, 1926, t. I, p. 312—314.
- ¹⁷ El Despertador Americano. México, 1964, p. 1—6.
- ¹⁸ *Mora J. M. L.* México y sus revoluciones. México, 1950, t. III, p. 114—116.
- ¹⁹ *Chávez Orozco L.* Op. cit., p. 70.
- ²⁰ CDHGIM, t. II, p. 297, 314.
- ²¹ Ibid., p. 300—301.
- ²² Ibid., p. 315.
- ²³ Ibid., p. 343, 349—350; El clero de México y la guerra de independencia, p. 49—54.
- ²⁴ Los procesos militar e inquisitorial del padre Hidalgo y de otros caudillos insurgentes. México, 1953, p. 253—274.
- ²⁵ CDHGIM, t. II, p. 379—381; t. IV. México, 1880, p. 882—890.
- ²⁶ CDHGIM, t. I. México, 1877, p. 418—420.
- ²⁷ CDHGIM, t. II, p. 403—404.
- ²⁸ CDHGIM, t. I, p. 58—60.
- ²⁹ *Ward H. G.* Mexico in 1827. London, 1828, vol. I, p. 179—180; см. также: *Zerecero A.* Memorias para la historia de las revoluciones en México. México, 1869, p. 312—317; *Bancroft H. H.* The Works. San Francisco, 1886, vol. 12, p. 286—287; *Bulnes F.* La guerra de independencia. México, 1910, p. 296; *Villoro L.* La revolución de independencia. México, 1953, p. 57 и др. Доводы в пользу подлинности отречения Идальго см.: *Hamill H. M.* Op. cit., p. 213—216.

Глава 4

Генерал или капеллан?

- ¹ См.: Legislación indigenista de México. México, 1958, p. 24. В Новой Испании вице-король 5 октября 1810 г. самовольно вновь разрешил такое распределение.
- ² См.: *Torre Villar E. de la.* Los «Guadalupes» y la Independencia. México, 1966.
- ³ *Urquiza F.* Morelos. México, 1945, p. 27—28.
- ⁴ См.: CDHGIM, t. III, p. 279—280; *Bustamante C. M. de.* Op. cit., t. I, p. 288.
- ⁵ *García Cantú G.* El pensamiento de la reacción mexicana. México, 1965, p. 73—93.
- ⁶ См.: *Cos J. M.* Escritos políticos. México, 1967, p. 12—24.
- ⁷ См.: CDHGIM, México, 1882, t. VI, p. 199—202.

- ⁸ *Bustamante C. M. de. Op. cit., t. II, p. 42.*
- ⁹ См.: CDHGIM. México, 1880, t. IV, p. 192. Не исключено, впрочем, что Кальеха преувеличивал, желая подчеркнуть свои «заслуги». Подробное описание боев за Куаутлу см.: *Chávez Orozco L. El sitio de Cuautla. México, 1962.*
- ¹⁰ *Caruso J. A. The Liberators of Mexico. New York, 1954, p. 84; Bustamante C. M. de. El congreso de Chilpancingo. México, 1958, p. 213.*
- ¹¹ *Alamán L. Op. cit., t. II, p. 496.*
- ¹² *Ward H. G. Op. cit., vol. I, p. 200.*
- ¹³ См.: CDHGIM, t. IV, p. 166—167, 273—277, 306—308.
- ¹⁴ См.: *Walton W. An Exposé on the Dissentions of Spanish America. London, 1814, p. 362.*
- ¹⁵ См.: México en las cortes de Cádiz. México, 1949, p. 73, 81—84, 207—214.
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 10, с. 467, 402.*
- ¹⁷ См.: *Historia de América. Buenos Aires, 1940, t. VII, p. 65. Текст Кадисской конституции см.: Colección de leyes fundamentales. Zaragoza, 1957, vol. I, p. 75—115.*
- cano. México, 1964, p. 347.
- ⁶ См.: *Lemoine Villicaña E. Op. cit., p. 173.*
- ⁷ *Ibid., p. 195, 243; CDHGIM, t. III, p. 401—402.*
- ⁸ CDHGIM, t. VI, p. 220—221.
- ⁹ См.: *Alamán L. Op. cit., t. III, p. 531; Cuevas M. Historia de la nación mexicana. México, 1953, t. 2, p. 113—114.*
- ¹⁰ Свое мнение Тиммонс мотивирует почти дословным совпадением одного из разделов с содержанием неопубликованного письма «Лос Гуадалупес» Морелосу от 6 марта 1813 г. и мимолетным упоминанием историка К. М. де Бустаманте о каком-то плане военных мероприятий, предложенном этим обществом Району (см.: *Timmons W. H. José María Morelos — Agrarian Reformer? — NAHN, 1965, N 2, p. 191—195; ср. Timmons W. H. Morelos of Mexico. El Paso, 1963, p. 102—103*). Но ведь и Морелос мог заимствовать некоторые мысли из указанного письма, а Бустаманте, возможно, имел в виду не «Проект...», а нечто совсем иное. К тому же «Проект...» совершенно не соответствовал политической платформе «Лос Гуадалупес». Трудно согласиться и с основанным на приведенных выше рассуждениях выводом Тиммонса об отсутствии у Морелоса даже в зародыше идеи аграрной реформы. Автор сам утверждает, будто Морелос по крайней мере дважды заявлял, что земля и ее плоды должны принадлежать тем, кто обрабатывает эту землю. В действительности же он возвращался к этой мысли и в различной форме повторял ее не менее чем в трех случаях — в декретах, изданных 17 ноября 1810 г., 18 апреля 1811 г. и 29 января 1813 г.

Глава 5

Походы Морелоса

- ¹ См.: *Farriss N. M. Crown and Clergy in Colonial Mexico 1759—1821. London, 1968, p. 198, 254—265.*
- ² См.: *Documentos históricos mexicanos. México, 1910, t. VI, p. 440.*
- ³ Материалы следствия по его делу см.: *García Cantú G. Op. cit., p. 103—116.*
- ⁴ См.: *Morelos y la iglesia católica. México, 1948, p. 17—20.*
- ⁵ См.: *Torre Villar E. de la. La constitución de Apatzingán y los creadores del Estado mexi-*

- ¹¹ При этом, однако, сам ученый склонен считать рассматриваемый текст не столько выражением концепций Морелоса, сколько планом мероприятий военного времени, обусловленным стремлением обеспечить материальные ресурсы, необходимые для борьбы с врагом. (См.: *Teja Zabre A. Vida de Morelos. México, 1959, p. 210—215*). В свете подобного утверждения вполне обоснованными представляются аргументы тех специалистов, которые расценивают «Проект...» как изложение социальных идей Морелоса и шаг с целью привлечь к участию в революционной борьбе народные массы. (См.: *Primer centenario de la constitución de 1824. México, 1924, p. 15—17; Mancisidor J. Hidalgo, Morelos, Guerrero. México, 1956, p. 197—198; Bremauntz A. Panorama social de las revoluciones de México. México, 1960, p. 80—81 и др.*). Указанный документ характеризует, на наш взгляд, интерес выдающегося борца за свободу и независимость к проведению глубоких преобразований антифеодального характера и является существенным элементом разработанной им программы социально-экономических и политических реформ.
- ¹² См.: *Lemoine Villicaña E. Op. cit., p. 264—266*.
- ¹³ См.: *Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin-American Nations. New York, 1925, vol. III, p. 1593*.
- ¹⁴ *Torre Villar E. de la. La constitución de Apatzingán..., p. 371—372; CDHGIM, México, 1881, t. V, p. 99—100*.
- ¹⁵ См.: *CDHGIM, t. VI, p. 207—211*.
- ¹⁶ *Bustamante C. M. de, Cuadro histórico..., t. II, p. 280; Lemoine Villicaña E. Op. cit., p. 366*.
- ¹⁷ *CDHGIM, t. VI, p. 215—216; Lemoine Villicaña E. Op. cit., p. 370—373*.
- ¹⁸ См.: *Mancisidor J. Op. cit., p. 194; Cué Cánovas A. Historia política de México. México, 1961, p. 70*.
- ¹⁹ Цит. по: *Teja Zabre A. Op. cit., p. 239*.
- ²⁰ См.: *Lemoine Villicaña E. Op. cit., p. 384—385*.
- ²¹ *Ibid., p. 424—430*.
- ²² *Bustamante C. M. de. Cuadro histórico..., t. III, p. 62*.
- ²³ Подробнее см.: *Майский И. М. Испания 1808—1917. М., 1957, с. 90—96*.
- ²⁴ См.: *Decreto constitucional para la libertad de la América Mexicana. Morelia, 1964, p. 17—50*.
- ²⁵ См.: *Chávez Orozco L. Historia de México, p. 93—94; Cué Cánovas A. Op. cit., p. 72—73; Bremauntz A. Op. cit., p. 82—83; Mancisidor J. Op. cit., p. 203—204; Vargas Martínez U. Morelos, siervo de la nación. México, 1963, p. 188—189; см. также: *Macías A. Génesis del gobierno constitucional en México, 1808—1820. México, 1973, p. 175—181*.*
- ²⁶ *Bolívar S. Obras completas. La Habana, 1947, vol. I, p. 153*.
- ²⁷ *Ibid., p. 161, 167—168*.
- ²⁸ См.: *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents 1789—1897. Washington, 1896, vol. I, p. 561—562*.
- ²⁹ *Alamán L. Op. cit., t. IV, p. 300*.
- ³⁰ *Morelos y la iglesia católica, p. 87*.

Глава 6

«План Игуала»

- ¹ См.: *Alamán L. Op. cit., t. IV, p. 626—628, t. V, p. 20*.
- ² Оспаривая эту общепринятую в современной научной лите-

- ратуре концепцию, профессор Гавайского университета Дорис М. Лэдд утверждает, будто мексиканская элита не испытывала никаких опасений в связи с революцией в метрополии и не считала, что ее интересы находятся под угрозой. Позицию этих кругов в начале 20-х годов Лэдд объясняет исключительно их стремлением к политической самостоятельности (см.: *Ladd D. M. Op. cit.*, p. 125—128).
- ³ *Rabasa E. La constitución y la dictadura. México, 1956, p. 4.*
 - ⁴ Цит. по: *Robertson W. S. Iturbide of Mexico. Durham, 1952, p. 22.*
 - ⁵ См.: *México a través de los siglos. México, 1953, t. III, p. XI.*
 - ⁶ Цит. по: *Bustamante C. M. de. Cuadro histórico..., t. V, p. 96—101.*
 - ⁷ См.: *Robertson W. S. Op. cit.*, p. 64—65.
 - ⁸ Вряд ли Итурбиде действительно думал, что Фердинанд VII или какой-либо другой член испанской королевской семьи примет мексиканскую корону (см.: *Sprague W. F. Vicente Guerrero, Mexican Liberator. Chicago, 1939, p. 44).*
 - ⁹ Текст «плана Игуала» см.: *El libertador. Documentos selectos de D. Agustín de Iturbide. México, 1947, p. 192—194.*
 - ¹⁰ *Ibid.*, p. 188—191.
 - ¹¹ *Correspondencia y diario militar de don Agustín de Iturbide. México, 1930, t. III, p. 665.*
 - ¹² См.: *Sims H. D. La expulsión de los españoles de México (1821—1828). México; Madrid; Buenos Aires, 1975, p. 17.*
 - ¹³ См.: *Zavalá L. de. Umbral de la independencia. México, 1949, p. 120.*
 - ¹⁴ См.: *Bustamante C. M. de. Cuadro histórico..., t. V, p. 214—216.*
 - ¹⁵ *Ibid.*, p. 222—225.
 - ¹⁶ *Las actas de independencia de*

América. Washington, 1955, p. 80.

- ¹⁷ Цит. по: *Cavo A. Los tres siglos de Méjico durante el gobierno español hasta la entrada del ejército trigarante. Méjico, 1852, p. 414.*
- ¹⁸ *Cué Cánovas A. Op. cit.*, p. 82.

Глава 7

«Мексиканская империя»

- ¹ См.: *Mexico and the Spanish Cortes, 1810—1822. Austin, 1966, p. 111.*
- ² *El libertador*, p. 281—282.
- ³ См.: *Ward H. G. Op. cit.*, vol. I, p. 433.
- ⁴ 1250 тыс. из 1275 тыс. песо (см.: *Bancroft H. H. Op. cit.*, vol. 12, p. 752).
- ⁵ *El libertador*, p. 317—318.
- ⁶ См.: *Kahle G. Militär und Staatsbildung in den Anfängen der Unabhängigkeit Mexikos. Köln, 1969, S. 143.*
- ⁷ *Alamán L. Op. cit.*, t. V, p. 408.
- ⁸ *El libertador*, p. 342.
- ⁹ *Mémoires autographes de don Augustin Iturbide. Paris, 1824, p. 45.*
- ¹⁰ См.: *Zavala L. de. Op. cit.*, p. 165.
- ¹¹ *Ibarra C. Hombres e historia en México. Puebla, 1956, t. II, p. 24, 26.*
- ¹² *Alamán L. Op. cit.*, t. V, p. 958.
- ¹³ *El libertador*, p. 348.
- ¹⁴ *La anexión de Centroamérica a México. México, 1927, t. II, p. 402—403.*
- ¹⁵ См.: *Sims H. D. Op. cit.*, p. 17.
- ¹⁶ См.: *British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America 1824—1826. London, 1940, p. 309—310, 312.*
- ¹⁷ *Чавес Ороско Л. Из истории промышленного развития Мексики.— В кн.: Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960, с. 400.*

- ¹⁸ Notes on Mexico, Made in the Autumn of 1822. Philadelphia, 1824, p. 52.
- ¹⁹ El libertador, p. 356.
- ²⁰ Bustamante C. M. de. Continuación del cuadro histórico de la revolución mexicana. México, 1953, t. II, p. 49—50.
- ²¹ Bocanegra J. M. Memorias para la historia de México independiente 1822—1846. México, 1892, t. I, p. 183—191.
- ²² México a través de los siglos, t. IV, p. 88—89.
- ²³ См.: Las relaciones diplomáticas de México con Sud — América. México, 1925, p. 107—109.
- ²⁴ Bolívar S. Op. cit., vol. I, p. 598—599.
- ²⁵ Ibid., p. 607.
- ²⁶ Ibid., p. 608—609.
- ²⁷ El libertador, p. 348—349.
- ²⁸ McElhannon J. C. Relations between Imperial Mexico and the United States, 1821—1823.—In: Essays in Mexican History. Austin, 1958, p. 128.
- ²⁹ Diplomatic Correspondence of the United States..., vol. III, p. 1614—1615.
- ³⁰ Ibid., vol. I, p. 149—150.
- ³¹ Notes on Mexico..., p. 67—68.
- ³² Fuentes Mares J. Poinsett, historia de una gran intriga. México, 1951, p. 74.
- ³³ См.: Manning W. R. Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico. Baltimore, 1916, p. 11—12; Callahan J. M. American Foreign Policy in Mexican Relations. New York, 1932, p. 28; Bemis S. F. The Latin American Policy of the United States. New York, 1943, p. 46; McElhannon J. C. Op. cit., p. 131, 136.
- ³⁴ См., например, Callahan J. M. Op. cit., p. 25; Parton D. M. The Diplomatic Career of Joel Roberts Poinsett. Washington, 1934, p. 49.
- ³⁵ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения 1815—1832. М., 1975, с. 252.

В связи с падением Мексиканской империи вопрос о требованиях, предъявленных Фернандесом де Висенте, отпал. Впоследствии М. И. Муравьев официально заявил, что правитель русской колонии не обязан объяснять мексиканским властям, на каком основании построена пограничная крепость.

Глава 8

От монархии к республике

- ¹ Bustamante C. M. de. Continuación del cuadro histórico..., t. II, p. 116.
- ² См.: Bocanegra J. M. Op. cit., t. I, p. 248—249.
- ³ Bolívar en México. México, 1946, p. 49.
- ⁴ Primer centenario de la constitución de 1824, p. 255.
- ⁵ Bustamante C. M. de. Continuación del cuadro histórico..., t. II, p. 195—196.
- ⁶ Mémoires autographes de don Augustin Iturbide, p. 7—8.
- ⁷ Цит. по: Robertson W. S. Op. cit., p. 274.
- ⁸ Rejón M. C. Discursos parlamentarios (1822—1847). México, 1943, p. 103.
- ⁹ См.: Zorrilla J. F. Los últimos días de Iturbide. México, 1969, p. 50—52.
- ¹⁰ El libertador, p. 436.
- ¹¹ Впоследствии консервативные круги не жалели усилий, чтобы задним числом реабилитировать Итурбиде. По указанию президента А. Бустаманте останки бывшего императора в 1838 г. перевезли из Падильи в Мехико и захоронили в соборной часовне. В 1853 г. Санта-Анна присвоил ему звание «Освободителя», а в 1855 г. объявил 19 июля «днем национального траура». 10 лет спустя, после провозглашения марионеточ-

ной «империи» Максимилиана Габсбурга, внуки Итурбиде получили титулы принцев, а одного из них Максимилиан намеревался даже сделать наследником престола. Однако в начале текущего столетия попыткам канонизации был нанесен серьезный удар. Останки Итурбиде не поместили в «Монумент независимо-

сти» (сооруженный в 1910 г.), куда перенесли урны с прахом Идальго, Морелоса и их сподвижников. В 1921 г. мексиканский конгресс постановил стереть его имя со стены зала заседаний палаты депутатов.

¹² См.: *Las constituciones de México*. México, 1957, p. 75—145.

¹³ *Peña S. de la*. *Op. cit.*, p. 93.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Альперович М. С.* Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.
- Вайян Д. К.* История ацтеков. М., 1949.
- Вольский А.* История мексиканских революций. М.; Л., 1928.
- Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.
- Гуляев В. И.* По следам конкистадоров. М., 1976.
- Записки солдата Берналя Диаза.* Л., 1924—1925. Ч. 1—2.
- Кинжалов Р. В.* Культура древних майя. Л., 1971.
- Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Магидович И. П.* История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.
- Очерки новой и новейшей истории Мексики / Под редакцией М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова.* М., 1960.
- Паркс Г.* История Мексики. М., 1949.
- Прескотт В.* Завоевание Мексики. СПб., 1885—1886. Т. 1—2.
- Фернандес де Лусарди Х. Х.* Перикильо Сарньенто. М.; Л., 1964.
- Blanco Moheno R.* Historia de dos curas revolucionarios: Hidalgo y Morelos. México, 1973.
- Bulnes F.* La guerra de Independencia. México, 1910.
- Caruso J. A.* The Liberators of Mexico. New York, 1954.
- Castillo Ledón L. Hidalgo.* La vida del héroe. México, 1948—1949, vol. I—II.
- Chávarri J. N.* Historia de la guerra de independencia de 1810 a 1821. México, 1960.
- Chávez Orozco L.* Historia de México (1808—1836). México, 1947.
- Hamill H. M.* The Hidalgo Revolt. Gainesville, 1966.
- Kahle G.* Militär und Staatsbildung in den Anfängen der Unabhängigkeit Mexikos. Köln; Wien, 1969.
- Lemoine Villicaña E.* Morelos. Su vida revolucionaria a través de sus escritos y de otros testimonios de la época. México, 1965.
- Mancisidor J.* Hidalgo, Morelos, Guerrero. México, 1970.
- Robertson W. S.* Iturbide of Mexico. Durham, 1952.
- Sierra C.* El nacimiento de México. México, 1960.
- Teja Zabre A.* Vida de Morelos. México, 1959.
- Timmons W. H.* Morelos of Mexico. El Paso, 1963.
- Torre Villar E. de la.* La constitución de Apatzingán y los creadores del Estado mexicano. México, 1964.
- Villoro L.* La revolución de independencia. México, 1953.

Глава 1. Вице-королевство Новая Испания . . .	4
Глава 2. Священник из Долорес	25
Глава 3. От Мехико до Гвадалахары	43
Глава 4. Генерал или капеллан?	64
Глава 5. Походы Морелоса	80
Глава 6. «План Игуала»	105
Глава 7. «Мексиканская империя»	124
Глава 8. От монархии к республике	147
Примечания	158
Рекомендуемая литература	166

Моисей Самуилович Альперович
РОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

**Утверждено к печати редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР**

Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художник З. М. Козина
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор Ф. М. Хенох
Корректоры Р. С. Алимова, Г. М. Котлова

ИБ № 7414

Сдано в набор 09.02.79
Подписано к печати 06.06.79
Т-11701. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 9,4
Тираж 34000 экз. Тип. зак. 1631
Цена 30 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

Малаховский К. В.
СОЛОМОНЫ ОСТРОВА.
5,5 л. 50 к.

Соломоновы острова были открыты в XVI в. испанскими мореплавателями, искавшими сокровища легендарного царя Соломона. С тех пор и до последнего времени народ архипелага находился в колониальной зависимости. Сейчас «ветры перемен» все сильнее дуют на просторах Тихого океана. Происходят перемены и на Соломоновых островах. В книге рассказывается об истории народа, населяющего эти экзотические острова, о его борьбе против колониального ига за свободу и независимость. Рассчитана на широкий круг читателей.

Заказы просим направлять по адресу:
МОСКВА В-164, Мичуринский проспект 12, магазин «Книга — почтой»

Центральной конторы «Академкнига»; ЛЕНИНГРАД П-110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку**, ул. Джапаридзе, 13; 320005 **Днепропетровск**, проспект Гагарина, 24; 734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95; 375009 **Ереван**, ул. Туманяна, 31; 664033 **Иркутск** 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42; 277012 **Кишинев**, ул. Пушкина, 31; 443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2; 192104 **Ленинград** Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 **Ленинград**, Менделеевская линия, 1; 199004 **Ленинград**, 9 линия, 16; 103009 **Москва**, ул. Горького, 8; 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7; 630076 **Новосибирск**, Красный проспект, 51; 630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22; 700029 **Ташкент**, Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43; 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18; 450075 **Уфа**, Коммунистическая ул., 49; 450075 **Уфа**, проспект Октября, 129; 720001 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42; 310003 **Харьков**, Уфимский пер., 4/6.